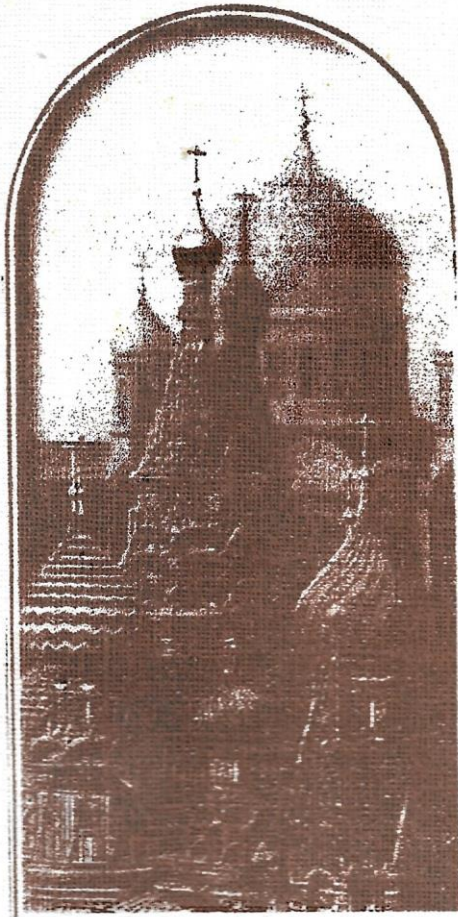

087

ЦИМО

**РУССКИЕ
В МОЛДАВИИ:
МИГРАЦИЯ
ИЛИ
АДАПТАЦИЯ?**

**ОСТАПЕНКО Л.В.
СУББОТИНА И.А.**

Российская академия наук
центр по изучению межнациональных отношений
института этнологии и антропологии

Остапенко Л.В.

Субботина И.А.

**РУССКИЕ В МОЛДАВИИ:
МИГРАЦИЯ ИЛИ АДАПТАЦИЯ?**

Ответственный редактор М.Н.Губогло

Москва

1998

В монографии раскрываются ключевые социально-экономические и этнокультурные проблемы жизни русского населения Молдавии после обретения ею независимости. Серьезное внимание уделяется анализу изменений этнополитической и экономической среды в постсоветской Молдавии, в том числе в Республике Молдова и в Приднестровье, в контексте развития потенциальных и реальных возможностей адаптации русских к новой этнополитической ситуации. На основе материалов массовых этносоциологических опросов, данных статистики и прессы авторами рассматриваются вопросы миграционного поведения русских, их материального уровня, трудовой занятости, социальной мобильности, условий и масштабов включенности в рыночные структуры, взаимоотношений с титульным населением. Особый акцент делается на проблемах адаптации русской молодежи, от поведения которой в значительной мере зависит социально-экономическое положение и этнокультурный облик местной русской диаспоры. Книга представляет интерес для научных работников, политиков, бизнесменов, представителей широкой общественности, которых волнует новая судьба русских диаспор на территории бывшего СССР.

ISBN 5-201-13735-0

Оглавление

5 От редактора. Редущие тени конфронтации 5

17 Введение

25 Глава 1. Немного о прошлом

25 1.1. История с географией

31 1.2. Численность, миграция, расселение

40 1.3. Изменение социального статуса

55 Глава 2. Уехать или остаться?

55 2.1. Новая политика в новом государстве

65 2.2. Стратегия поведения

80 2.3. Потенциальные мигранты и “стабильные”
русские

99 Глава 3. Остаться: ради жизни или выживания?

99 3.1. Равенство в нищете

113 3.2. “Ищу работу ...”

129 3.3. Оптимисты и пессимисты

147 Глава 4. Найти свою “нишу”...

147 4.1. Мечты и реальность

161 4.2. Рынок: новые возможности или новое
неравенство?

193 Глава 5. Немного о будущем

221 Заключение

От редактора

Редущие тени конфронтации

Ранней весной 1991 года, когда крутые спазмы суверенизации союзных и автономных республик уже терзали больное тело бывшего Союза, я вылетел в Брюссель с делегацией общественных и политических деятелей Молдовы. Перед нами была двойная задача: во-первых, ознакомиться с историей и технологией территориального самоуправления нескольких анклавов бельгийской земли на территории Нидерландов, и во-вторых, изучить возможности и условия экспорта молдавских вино-материалов на рынки Западной Европы.

Поездка оказалась чрезвычайно интересной и полезной, благодаря большой организационной работе, проделанной профессором Католического Университета в городе Брабанте Л.Владаром, мэром, экс-мэром и секретарем муниципалитета города Баарле-Хертог Нассау А.Корнелиссен, В.Лювенем и Ж.Вервуртом. Пользуясь случаем, выражаю им свою благодарность и признательность за ценные и познавательные консультации и информацию, которая оказалась важной не столько сиюминутной и познавательной точки зрения для поиска вариантов решения политических задач самоопределения Молдовы в качестве независимого государства, Приднестровья как независимой республики, а Гагаузии как национально-территориальной автономии в составе Республики Молдовы. Сегодня становится все более очевидным, что экономически, исторически и культурно обе части бывшей союзной республики ориентированы скорее на Восток и Россию, чем на Запад и Румынию.

Важнейшим же итогом поездки было то, что ее участникам стала совсем ясной бесперспективность идеи залить Европу молдавскими винами. Опытные дегустаторы с бельгийской и с голландской стороны единодушно дали высокую оценку полутора десяткам сортов вин, привезенных делегацией из вино-заводов южной Молдавии, из края, где на богарных холмах южной Молдавии раскинулись уникальные виноградники Гагаузии. Оказалось, что вина, созданные из этого винограда, обла-

дающие неповторимым балансом сахара и кислотности, могут соперничать с лучшими винами Италии, Испании и Франции.

Однако для того, чтобы это соперничество стало явью и молдавские вина оказались на праздничном столе потребителей европейских стран, молдавским экспортерам надо было решить по крайней мере три стратегически важные задачи: организовать мощную рекламную поддержку своей продукции, что стоило бы безумных денег; разлить его в такие красивые емкости, которые могли бы поразить воображение пресыщенных покупателей; и наконец, преодолеть активное сопротивление конкурентов в лице сильнейших международных картелей европейского континента. В ходе поездки у делегации не осталось никаких сомнений в отсутствии каких-либо шансов прорваться на европейский рынок молдавской сельскохозяйственной продукции, в том числе и тех виноматериалов, которые могли бы по вкусовым качествам соперничать с лучшими винами европейского континента.

Потребовалось не менее 5-6 лет, чтобы идеологи вестернизации и румынизации Молдавии, а также ее нынешние руководители убедились в том, что факторы экономического процветания республики, специализирующейся на производстве сельхозпродукции, надо искать не на Западе, а на Востоке. В 1998 г. около 60% экспорта Молдавии было ориентировано на Россию. Однако, на пути этого экспорта со смертельной таможенной удавкой стали два соседних государства - Румыния и Украина. Несмотря на этногенетическое сходство молдаван с румынами, на сходство молдавского и румынского языков, импорт из Румынии втрое превышает молдавский экспорт, превращая, вопреки лозунгам и клятвам, торговлю между братскими государствами во взаимообмен, напоминающий отношения между метрополией и колонией.

Вопреки заверениям в необходимости теснейшей экономической интеграции, Румыния ввела 6% пошлину на ввозимые из Молдавии товары, и уплату 50 долларовой страховки на автомобильный транспорт при въезде на румынскую территорию (Независимая газета, 1998, 29 октября), что не соответствует ни духу братских взаимоотношений, ни букве подписанного между этими двумя странами соглашения о свободной торговле.

Еще более убийственной по отношению к экономике Республики Молдовы является грабительская таможенная политика Украины, и прежде всего, введенные ею НДС, акцизы на молдавские виноматериалы, финансовые поборы за каждый километр автопробега молдавских грузов по «зеленым коридорам» независимой Украины. Естественно, что географически зажатая между Румынией и Украиной, не имеющая ни удобного выхода к морю, ни своей нефти, ни золота, ни алмазов, Молдавия может удовлетворять свои экономические интересы и развивать свою экономику в благоприятном для нее союзе с Россией.

Придя к власти, лидеры Народного фронта пытались сделать все возможное, чтобы оторвать экономику Молдовы от России, и насильственно, вопреки логике жизни, повернуть республику, лицом к Румынии и западу. Но, видимо, в самом деле, бодливой корове Бог рога не дает. Налаженные вскаки экономические связи оказались сильнее конъюнктурных замыслов в угоду политическим амбициям. Народ Республики Молдовы, оказался сильнее и мудрее ее правителей.

В самом деле, от того, как будут складываться экономические и политические отношения с Россией, во многом будет зависеть ее собственное положение в мире, а также атмосфера межнациональных отношений, в том числе отношения молдавского народа с более чем полумиллионным русским населением Молдавии, а также с остальным русскоязычным населением, составляющим, по данным переписи населения СССР 1989 г., не менее 35,5%. Наряду с этим, напомним, что 49,5% молдаван, можно также отнести к русскоязычному населению. Для 3,3% из них русский язык был родным языком, а еще 46,2% указали, что свободно владеют русским языком.

Распад Советского Союза в одночасье превратил русских и русскоязычное население в национальные меньшинства в бывших союзных республиках, ставших в ходе 3-х переломных лет, в том числе 1989 - годе тихой языковой революции, 1990 -годе суверенизации и 1991 - годе выхода из состава СССР, независимыми государствами.

В их этнокультурной, языковой, хозяйственно-экономической жизни начался новый этап. Этап, образно названный профессором из Чикагского Университета Дэвидом

Лейтином формированием идентичности русскоязычного населения в ближнем зарубежье. (D.Laitin. Identity in Formation. The Russian Speaking Population in the Near Abroad. Cornell University Press. 417 p.). Основным содержанием этого этапа является социальная натурализация русских в новый экономический (переход от плановой экономики к рыночной), политический (переход от государства с признаками тоталитаризма к национальной государственности с причудливым сочетанием элементов демократии и этницизма), социальный (утрата ими приоритетных позиций в ряде престижных отраслей народного хозяйства) порядок.

Эта новая для российской этнологии проблематика - социальной и социально-экономической адаптации является центральной темой монографии "Русские в Молдавии: миграция или адаптация?" Ее написали Л.В.Остапенко и И.А.Субботина по итогам многолетних, а также новейших специально проведенных ими этносоциологических исследований. Она является актуальной, интересной и важной не только с чисто теоретической, но и с практической точки зрения, так как затрагивает ключевые интересы 145 миллионного русского народа, который в ходе геополитического разлома потерял "в весе" на 25 млн, и оказался в разряде, так называемых разделенных народов, рассеченный государственными границами 15 новых государств, возникших на обломках СССР, бывшего одной из великих держав мира.

В отличие от схожей по фактуре, тематике, источниковой и информационной базе книги Д.Лейтина, выдержанной в конструктивистско-инструментальном духе, книга сотрудниц Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, написана с позиций естественного натурализма, именуемого на Западе примордиализмом. Если в центре внимания американского ученого - личность и ее заинтересованность в комфортной идентичности и стабильном самоощущении, даже если их приходится изменять, в поле зрения у Л.В.Остапенко и И.А.Субботиной - окружающая социально-экономическая, этнокультурная и этноязыковая среда. И хотя авторы этой новаторской книги воздерживаются от полемики со сторонниками конструктивистского направления, произведенный ими анализ исторических, геогра-

фических, демографических, социально-экономических условий, к которым вынуждены привыкать и адаптироваться русские в Молдавии, в корне противоположен конструктивистским подходам, изложенным, например, в ставших популярными книгах П.Бергера и Т.Лукмана «Социальное конструирование реальности» (М., 1995) и Б.Андерсона «Воображаемые общности: Происхождение и распространение национализма.» (B.Anderson. Imagined Communities: Reflections on the Spread of Nationalism. L.1983)

Не случайно, анализируя стратегию поведения русской молодежи в ближайшие годы, авторы вполне обоснованно и с чувством меры рассчитывают прогностические модели, исходя не столько из «культурной дистанции» между русскими и молдаванами, которая, понятно, не столь очевидна и выразительна, как, например, в бывших республиках Средней Азии, а из особенностей исторического развития Молдавии. В самом деле, на протяжении столетий задача освоения национальной культуры была актуальной не столько для русских, сколько для молдаван, а притягательность профессиональной молдавской культуры была в целом меньше, чем магнетизм русской культуры.

Меняющаяся этнополитическая ситуация и социально-экономическое положение во многом определяют стратегию поведения русских в процессе их адаптации к новым условиям. Время, исторический опыт, совместное проживание, конфессиональная совместимость, неизбежность продолжения хозяйственных и экономических связей Молдавии с Россией, снижают, как показано в книге, градус межэтнической напряженности, высоко взлетевший в республике накануне и в первые годы обретения ее государственной независимости.

Даже унизительно-враждебный лозунг «Чемодан-вокзал-Россия», изобретенный в идеологических построениях Народного Фронта и направленный на выдавливание русских из Молдавии, под воздействием экономических факторов стал «работать в пользу» самих молдаван, выезжающих в Россию на заработки, и тем самым решающих проблемы безработицы и аграрного перенаселения своего обновленного государства.

Особенности установившегося в Молдавии языкового и кадрового режима, возвращение понимания необходимости молдавско-русских экономических связей, решение Народ-

нам Фронтом ряда своих задач неокоренизации и создания этнополитической государственности оказало противоречивое воздействие на процессы социальной натурализации русских в Молдавии. Часть их выехала за пределы Молдавии, другая часть пребывает в подвешенном состоянии, третьи намерены остаться на земле, ставшей для них родной. Конструктивизм верхушки Народного Фронта, направленный на создание моноэтнического государства, потерпел поражение. Стихийные, естественные, примордиальные потенции народов оказались сильнее. Молдаване не стали румынами, русские остались русскими.

Новая этнополитическая ситуация, в которой оказались русские в Молдавии и в ряде других бывших союзных республик, невольно провоцирует сравнение с попытками насильственной дестнизации и этнической ассимиляции, которые предпринимались во времена сталинизма. Однако так получилось, что высланное (депортированное) из Молдавии, Крыма, Прибалтики, Украины нерусское население не утратило в целом своей самобытности, оказавшись в иноэтнической среде, в тяжелейших условиях сохранило свою этничность. Русских не выселяют насильственно из новейших государств, возникших на обломках Советского Союза. Однако смена этнополитического режима конституировала тот факт, что не менее 25 млн русских без переселения из одной местности в другую оказались в иноэтнической среде. Иными словами, в Советском Союзе и в постсоветском пространстве жизнь провела и продолжает реализовывать тяжелейший эксперимент над существованием и сосуществованием этнических общностей. В одном случае части населения переселяются из своей в иноэтническую среду, а в другом, напротив, люди остаются в местах проживания, но кардинально меняются условия жизни в иноэтнической среде.

Своим анализом Л.В.Остапенко и И.А.Субботина еще раз подтверждают приоритет объективного начала в развитии этнической культуры и идентичности над субъективным, приоритет примордиализма над конструктивизмом. Энергия этнического развития русского населения, пустившего глубокие корни на молдавской земле оказалась сильнее, чем экстремизм идеологов румынизации, направленный на выдавливание русских из Молдавии. Этот вывод в известной мере подтверждает

наблюдение, сделанное в России, в ходе изучения этнической истории некоторых депортированных народов и изложенное в нескольких предыдущих монографиях, опубликованных по плану проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» (Автор проекта М.Н.Губогло). Речь идет, в частности, о том, что несмотря на колоссальные конструктивистские усилия, в бывшем Советском Союзе, именуемые «национальной политикой» и направленные на дестигматизацию крымских татар (М.Н.Губогло, С.М.Червонная. Крымско-татарское национальное движение. Том 1., История, проблемы, перспективы, М.,1992), корейцев (Н.Ф.Бугай. Социальная натурализация и этническая мобилизация. Опыт корейцев России. М., 1998) и ряда других народов (Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации 1930-1992. Документы. Материалы. М.,1993), не увенчались успехом.

Общие этнополитические трудности, свалившиеся на Молдову в связи с распадом СССР, глубоким экономическим кризисом, охватившим все постсоветское пространство, спадом производства и падением жизненного уровня бывших советских граждан, некомпетентность младореформаторов России и народнофронтовцев в Молдавии, сыграли отрицательную роль в социальной поляризации населения, в целом независимо от национальной принадлежности. Вместе с тем, эти негативные социальные процессы сыграли, как ни парадоксально, позитивную роль в укоренении межнациональной толерантности и солидарности. Голод, как общий враг, оказался сильнее того, на каком языке разговаривать на работе или выступать в парламенте. Обнаружив эту тенденцию, в ходе которой равенство в нищете, не усиливало, а скорее ослабляло межнациональные противоречия и конфронтацию, авторы книги не впадают в социальную эйфорию. Эта грустная тенденция, по их справедливому замечанию, вряд ли имеет какую-либо перспективу. Увы, это, видимо, действительно так. С точки зрения национальной истории Молдавии, важное значение имеет вывод авторов книги о том, что именно с середины 1990-х годов начался новый этап «притирки» во взаимной адаптации молдавского и русского населения. И этот процесс, в самом деле, имеет некоторые перспективы только в том случае, если свершится окончательный переход от внедренного в советскую эпоху

принципа патернализма с русским «старшим братом» во главе к принципу паритетности, когда все братья, как граждане равноправны независимо от возраста и других различий.

Потребовалось не менее 5 лет, чтобы политики, вскормленные на этноцентристской идеологии Народного Фронта, осознали простую истину о нежелательности ухода Молдавии с российского рынка и изоляцию ее от культурного пространства бывшего Союза. В июле 1997 г. в г.Измайле состоялась встреча руководителей Молдавии, Румынии и Украины, попытавшихся договориться о создании свободной экономической зоны Рени-Галац-Джурджулешты и о выработке мер по расширению торговли и гармонизации интересов всех трех стран. Однако, через год с небольшим, во время второй встречи глав этих стран, вместо осенней жатвы, на что все надеялись после красивой фразы румынского президента Эмиля Константинеску об успешно проведенном весеннем севе, президенты смогли лишь пожать друг другу руки. И перед Молдовой не только замаячила, но и стала неизбежной реальностью необходимость углублять и расширять связи с Россией, а внутри республики налаживать толерантные, равноправные отношения между русскими и молдаванами. Таковы первые постсоветские уроки, понять которые помогает добрая, умная и убеждающая книга Л.В.Остапенко и И.А.Субботиной, написанная с большой и искренней любовью к стране Молдавии, ее земле, природе, людям, независимо от их национальной принадлежности.

Отдавая должное мудрости народа, решающего свои проблемы порой вопреки официальной национальной политике, ведущей в тупики конфронтации и национального изоляционизма, авторы вместе с тем прекрасно осознают долги каждого Государства перед своими народами и перед своими соотечественниками. В этой связи вполне закономерны их упреки в адрес России, остающейся безучастной к судьбе русскоязычного населения, ориентированного по своему менталитету на культуру, язык и духовность российского пространства.

Так, например, в первые годы обретения независимости в бывших союзных республиках уже сама постановка вопроса о сохранении условий для приобщения к русскому языку и для его функционирования в работе средств массовой информации, в сфере культуры и образования вызывала либо агрессивное

непримирение со стороны этнократических режимов и националистически настроенной гуманитарной интеллигенции, либо глущую враждебность и настороженность. Борьба против двуязычия с русским языком в качестве второго языка накануне развала СССР была стержнем и важнейшей составной частью идеологии борьбы республиканских элит против Москвы и знаменем десовветизации и, так называемой, деимпериализации.

Выдавливание русского языка из делопроизводства и общественных отношений создало благоприятные условия, во-первых, для этнической чистки в сфере управления, а также в сферах престижной и выгодной деятельности, во-вторых, для ущемления интересов русского и русскоязычного населения, в-третьих, для перехода от лояльной политики межнациональной толерантности к политике полной ассимиляции национальных меньшинств. По истечении первых 5 лет постсоветской истории этноязыковая ситуация, как и предсказывали некоторые эксперты, начала медленно изменяться. Вместо жестокой политики полного вытеснения русского языка из общественной жизни, появились первые признаки более лояльного к нему отношения и частичной его поддержки в сфере образования.

Однако прорусская и пророссийская ориентация нетитульного населения продолжает вызывать негативные отношения элит, которые в то же время не могут игнорировать глубокий и устойчивый интерес к русскому языку и русской духовности. Всеобщий экономический кризис, охвативший все постсоветское пространство, в том числе и Республику Молдову, не позволяет удовлетворять сохранившиеся традиционно высокие потребности в знании русского языка. Этим широко пользуются соседние государства, пытающиеся через вытеснение русского языка и внедрение других языков усилить свое политическое и культурное влияние, завоевать и закрепить свои позиции. Иными словами, вытеснение русского языка, является частью геополитического наступления на национальные интересы России. Так, например, в среду без малого 200-тысячного гагаузского населения, на протяжении двух веков проживающего в Буджаке и вместе с частью молдавского населения ориентированного на русский язык, на Россию и на ее культурное пространство, настойчиво внедряется Турция. Половину своего

времени пребывания в Молдавии в сентябре 1998 года Президент Турции Сулейман Демирель провел в Гагаузии.

По межгосударственному договору, заключенному между правительствами Турции и Республики Молдовы сроком на 35 лет, во втором по значимости городе Гагаузии Чадыр-Лунге создан мужской лицей. Согласно этому договору, Турция финансирует оплату труда преподавателей, приобретает компьютеры и другое оборудование и обеспечивает учебный процесс литературой, изданной в Турции на турецком языке. Здание лицея (бывший сельхозтехникум) и его обслуживание обеспечивает руководство Гагаузии. Правительство Молдавии не тратит ни копейки. Большинство учебников гуманитарного профиля, политические карты, развешанные в библиотеке лицея, в кабинете директора, в аудиториях и читальном зале, характеризуют тюркоязычные народы бывшего Советского Союза, в том числе православных гагаузов, как неотъемлемую часть тюркского мира, а территории их расселения - как исконную родину тюрков. В указанном лицее заведены порядки, утверждающие турецкий образ жизни, тесно связанный с исламом. Высокое качество преподавания позволило всему первому выпуску 1997 года в количестве 28 человек поступить в различные университеты Молдовы, Украины, Азербайджана и России. Конкурс и престиж лицея - высоки, влияние турецкой идеологии - усиливается, позиция русского языка и российского менталитета ослабевает. Блокируя русское влияние, молдавское правительство закрывает глаза на усиление Турции. Более подробный и детальный анализ роли русского языка в этнополитической ситуации Республики Молдовы дает основание для вывода о безотлагательной необходимости оказания поддержки 35% нетитульного населения Молдовы в усвоении и использовании русского языка.

В связи с этим представляется необходимым предпринять ряд мер, имеющих геополитическое значение для укрепления связей России с Молдавией. Прежде всего имеет смысл с помощью дипломатических приемов добиваться того, чтобы русский язык был законодательно утвержден в качестве второго государственного языка в Республике Молдова. Представительное и репрезентативное российско-американское исследование, проведенное весной 1998 года показало, что с этим под-

«более «безусловно» или «скорее согласны» 98,7% русских, 87,8% украинцев и 95,8% представителей «других» национальностей, в том числе и почти половина (47,0%) молдаван. Логика этого предложения не является кабинетно надуманной: она вытекает из истории развала Советского Союза, который начался именно с этноязыковой мобилизации, в ходе которой титульным языкам был придан статус государственных языков и в этом статусе языки были использованы в качестве могучих рычагов создания этнократических режимов. Этот курс взорвал не только бывший СССР, но и некоторые вновь образовавшиеся государства, например, Грузию и Молдавию. Единая Молдавия развалилась на три территории: собственно Молдавия с центром в Кишиневе, на Приднестровье с центром в Тирасполе и на Гагаузию со столицей в Комрате.

Анализ последствий мобилизованного лингвицизма, позволяет высказать предположение о том, что противодействие дезинтеграционным процессам и нейтрализация угроз внутригосударственному единству каждой из многонациональных (политэтнических) стран, в том числе Республики Молдова должно начаться с демобилизации (в смысле размобилизации) мобилизованного лингвицизма. В этом случае можно было бы надеяться, как уже говорилось, что введение официального двуязычия в Республике Молдова путем придания русскому языку статуса государственного языка наряду с молдавским оказалось бы более продуктивным, чем бесконечные переговоры между элитами трех разделенных лингвицизмом ее территорий. Представляется целесообразным продолжение расширения договорного процесса между Кишиневом, Комратом (Гагаузия) и Москвой для создания надежной правовой базы по оказанию межведомственной культурной и языковой помощи русскоязычному населению Молдавии. В связи с этим представляется, в частности, возможным открыть в Гагаузии и других регионах Республики Молдова нескольких лицеев с русским языком обучения, обеспечив их высокопрофессиональными преподавателями, учебными пособиями и другим необходимым оборудованием, с тем, чтобы нейтрализовать турецкую монополию в этноязыковой и этнокультурной сферах. Нуждается в серьезной поддержке Комратский Государственный Университет, в том числе в подготовке квалифицированных преподавателей рус-

ского языка, истории, географии и других предметов с помощью стажировок в университетах России.

В соответствии с договором о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии РАН и Департаментом по национальным отношениям и функционированию языков РМ в сентябре 1998 года в г.Кишиневе была проведена первая международная конференция по проблемам этнической мобилизации и межэтнической интеграции. Принявшие в ней участие ученые, политики и общественные деятели Республики Молдовы единодушно поддержали мнение о необходимости расширения дальнейшего сотрудничества ученых двух стран - Республики Молдовы и России.

Исследования, проведенные под руководством Л.В.Остапенко и И.А.Субботиной, ставшие основой предлагаемой читателю книги, являются наглядным подтверждением продуктивности научного сотрудничества. В национальную историографию постсоветской Молдавии вписаны яркие страницы. Они написаны русскими учеными, влюбленными в предмет и в поле своего изучения. Эти исследования, как и научные конференции имеет смысл продолжить во имя подлинной, демократической дружбы и братства народов бывшей единой, а теперь - разных стран.

Михаил Губогло

Введение

80-ые годы XX столетия явились тем эпохальным рубежом, когда характерная для истории русских инерция центробежного движения, “растекания” по территории Советского Союза ослабла, наступил момент относительного покоя, перелома, после которого зародилось и стало набирать силу противоположное по направлению движение - центростремительное, “собирающее” русских в Россию /1/.

Развал СССР привел к тому, что 145 млн русских, считавших себя гражданами единого государства, имевших одинаковые гражданские права, свободно перемещавшихся в пределах страны, в “одночасье” оказались жителями 15 независимых государств, разделенными государственными границами, законами о языках и гражданстве. Единая нация оказалась разорванной: 25 млн русских остались вне России, в странах, так называемого, нового зарубежья.

Этнополитическая ситуация, сложившаяся на всем пространстве бывшего СССР после его распада, будучи своеобразной в каждом из создавшихся независимых государств, характеризовалась и общими для всех чертами: подъемом национального самосознания, активным формированием национальных движений и партий титульных для этих стран национальностей, стремящихся к созданию государств с приоритетными правами титульных наций, нарастающей дискриминацией и официально утвержденным ущемлением прав национальных меньшинств, снижением их социального и языкового статуса, вытеснением из страны иноэтнического населения, в первую очередь, русских и т.п. Принятие в этих новых государствах ряда законов и постановлений, направленных на решение задачи построения моноэтнического государства, с приоритетом прав титульной национальности, привело к масштабной миграции из них нетитульного населения, главным образом, русского, оказавшегося там на положении дискриминируемого национального меньшинства, “людей второго сорта”. Этот процесс был в основном характерен для кануна и

первых лет после распада Союза. К середине 1990-х годов первая после образования независимых постсоветских государств бурная волна миграции, выплеснувшая в Россию свыше 2 млн русских, постепенно утасла, и в государствах, где межэтнические конфликты не сопровождались вооруженными столкновениями и физическим террором, большинство русских начало постепенно приспосабливаться к сложившейся ситуации, выбирая для себя новые формы и пути “выживания”, вырабатывая стратегию поведения в новых этнополитических и социально-экономических условиях.

Проблемы русского населения в странах нового зарубежья уже с начала 90-х годов привлекли широкое внимание исследователей. Среди них следует отметить российских специалистов Лаборатории миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования (Зайончковская Ж.А., Витковская Г.С.), Центра по изучению проблем народонаселения Экономического факультета МГУ под руководством Хорева Б.С., Центра демографии ИСПИ РАН, возглавляемого Рыбаковским Л.Л., Института стран СНГ под руководством Затулина К.Ф., Института этнологии и антропологии РАН (Арутюнян Ю.В., Губогло М.Н., Дробижева Л.М., Козлов В.И., Комарова О.Д., Лебедева Н.М., Остапенко Л.В., Савоскул С.С., Степанов В.В., Субботина И.А., Тишков В.А., Филиппова Е.И. и др.). /2/

Существенный вклад в изучение проблем русской диаспоры в государствах нового российского зарубежья внесли и ученые этих стран. В частности, в Молдавии, которой посвящена данная книга, вопросы жизни русского населения освещались в трудах местных историков, этнографов и языковедов, в том числе Анцупова И.А., Андрущак В.Е., Бабилунги Н.В., Зеленчука В.С., Лисецкого А.М., Млечко Т.П., Табак И.В., Шорникова П.М. и др. /3/.

Все эти работы отличаются обильным фактологическим материалом, глубоким раскрытием местных особенностей, и что не менее важно, большой заинтересованностью авторов в результатах своей деятельности. Особенно важной, с точки зрения вопросов, затрагиваемых в данной монографии, можно назвать книгу Шорникова П.М. “Покушение на статус” (Кишинев, 1997 год), подробно и хронологически последовательно освещающую этнополитическую ситуацию в Республике

Молдова в конце 80-х - первой половине 90-х годов. К сожалению, недостаток финансирования науки в республике не позволяет молдавским ученым проводить масштабные, комплексные исследования современных этносоциальных проблем, массовые опросы общественного мнения.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена жизненно важным проблемам новообразованной русской диаспоры. В ней акцентируется внимание на решении двух взаимоувязанных задач: исследовании миграционного поведения русских и социально-экономическом анализе процесса их адаптации в новых этнополитических условиях Молдавии. Иными словами, речь идет о вызовах иноэтнической среды и ответах русских Молдавии на эти вызовы, о том, как связаны прошлое и будущее русских в новом качестве национального меньшинства.

Книга базируется на обширных материалах как государственной статистики, так и (главным образом) этносоциологических исследований, проведенных в этой стране в 1993, 1996 и 1997 годах в рамках проекта “Русские в странах нового зарубежья: этнополитическая ситуация и социально-культурный статус” (авторы проекта Гинзбург А.И., Остапенко Л.В., Савоскул С.С., Субботина И.А.) и проекта “Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья” (автор - Субботина И.А.).

Программа этносоциологического исследования 1993 года определяла в качестве объекта взрослое (от 18 лет) население (городское и сельское) русской и титульной национальности. Объем выборки составил 1350 человек. В исследовании была применена многоступенчатая стратифицированная выборка, процедура которой сводилась к тому, что на основе статистического описания единиц на соответствующей ступени производится их многомерная классификация, а затем определение объектов репрезентации, под которыми понимаются различные локальные общности, включающие элементы выборочной совокупности. В исследовании был применен 3-х ступенчатый отбор, когда на 1-ой ступени отбирались городские и сельские поселения, на 2-й - предприятия и учреждения в соответствии с отраслевой структурой региона, на 3-й - респонденты.

Основу выборки составили материалы Всесоюзной переписи населения 1989 года по национальному, демографическому,

отраслевому и социально-профессиональному составу населения, списки предприятий и учреждений по выбранным на первом этапе объектам репрезентации.

Отбор городов на 1-й ступени производился по следующим типологическим признакам: этнический состав, численность населения, нахождение в той или иной этнографической и географической зоне. Отбор производился таким образом, чтобы в выборочной совокупности были представлены города, разные по численности и функциональной роли. В итоге исследование проводилось в следующих городских поселениях Молдавии - Кишиневе, Тирасполе, Бельцах, Сороках, Единцах. Сельские населенные пункты выбирались в районах, ассоциированных с городами, которые были включены в выборку.

Следующим шагом выборки был отбор предприятий и учреждений, в которых должен был проводиться опрос населения. Предприятия и учреждения отбирались в соответствии с отраслевой структурой городского населения. Число респондентов, опрашиваемых в каждой организации, было определено пропорционально доле занятых в той или иной отрасли хозяйства. Опрос незанятого в народном хозяйстве населения (студенты, пенсионеры, домохозяйки) проводился в ВУЗах, техникумах и по месту жительства.

Сопоставление генеральной и полученной выборочной совокупности по основным показателям (пол, возраст, социально-профессиональная структура) дало абсолютное отклонение, не превышавшее 4%-5%, что позволило положительно оценить представительность выборочных данных в проведенном исследовании.

В 1996 году в Кишиневе был осуществлен панельный опрос населения русской и молдавской национальности по ограниченной квотной выборке (250 человек) и опрос экспертов (100 человек), в число которых вошли депутаты Парламента, государственные чиновники, руководители предприятий, ученые, журналисты, бизнесмены и пр.

В 1997 году исследование проведено в столицах трех регионов Молдавии - Кишиневе, Тирасполе и Комрате. Объект исследования - русская молодежь в возрасте 16-30 лет. Объем выборки составил 450 человек.

Успешное проведение этносоциологических исследований в независимой Молдове в новых постсоветских условиях стало возможным, благодаря помощи и поддержке наших коллег из РМ и ПМР, с которыми у нас налажены давние творческие связи. Активную помощь нам оказали директор Института национальных меньшинств АН РМ академик Попович К.Ф., сотрудники этого же Института Андрущак В.Е., Гайдаржи Г.А., Курогло С.С., Млечко Т.П., Шипилов А.В. Неоценимая помощь была нам оказана и коллегами из Тираспольского государственного Университета - Бабилунгой Н.В., Бомешко Б.Г., Сомонием О.Г. Большую признательность авторы выражают депутату Парламента РМ Шорникову П.М., а также сотрудничавшим с нами руководителям и активистам русских культурных и общественных объединений Молдавии Белопопатову А.Н. и Савельеву Ю.Н.

В реализации перечисленных выше проектов на отдельных этапах работы принимали участие сотрудники Института этнологии и антропологии РАН Коростелев А.Д. (математическая обработка результатов исследования) и Тимошенко Е.А. (разработка выборки и полевая работа в Молдавии), которым мы также выражаем свою признательность.

Работа в 1993 и 1996 годах велась при финансовой поддержке Интерцентра (Междисциплинарного академического Центра социальных наук) и Правительственной комиссии РФ по делам соотечественников за рубежом, в 1997 году - при финансовой поддержке Фонда Дж. и К. МакАртуров.

При подготовке данной книги авторы опирались на итоги массовых этносоциологических исследований в Молдавии 1971, 1981, 1993 гг., проведенных Отделом этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН под руководством члена-корреспондента РАН Арутюняна Ю.В.. Изданная в 1980 году книга "Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР)", в работе над которой участвовали и авторы данной монографии, а также сборник социологических материалов "Молдова: столичные жители" (Москва, 1994) широко использовались авторами для проведения сравнительного анализа, выявления общих тенденций и закономерностей.

1. Подробнее см.: Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992.
2. Бывший СССР. Внутренняя миграция и эмиграция. Программа по исследованию миграции. Вып.1., М., 1992; Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. Отв. ред. В.А.Тишков. М., 1997; Гришаев И.А. Русские в Эстонии. М., 1995; Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998; Кабузан В.М. Русские в мире. Спб., 1996; Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1995; Миграционные процессы после распада СССР. Программа по исследованию миграции. Вып.5., М., 1994; Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. М., 1996; Молдова: столичные жители. Отв. ред. Арутюнян Ю.В., М., 1994; Новые славянские диаспоры. М., 1996; Российская диаспора и проблемы недобровольной миграции на постсоветском пространстве. М., 1997; Русские. Этносоциологические очерки. Отв. ред. Арутюнян Ю.В. М., 1992; Русские в ближнем зарубежье. Отв.ред. В.И.Козлов, Е.А.Шервуд. М., 1994; Русские в новом зарубежье. Средняя Азия. Этносоциологический очерк. Отв. ред. Савоскул С.С. М., 1992; Русские в новом зарубежье. Киргизия. Отв. ред. Савоскул С.С. М., 1993; Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований. Отв. ред. Савоскул С.С. М., 1994; Русские в новом зарубежье. Итоги этносоциологических исследований в цифрах. Отв. ред. Савоскул С.С. М., 1996; Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. Отв.ред. Савоскул С.С. М., 1997; Русский народ. Исторические судьбы в XXI в. М., 1993; Русский этнос и русская школа в XX в. Отв.ред. А.А.Сусоколов. М., 1996; Степанов В.В., Сусоколов А.А. Русские ближнего зарубежья. Проблемы адаптации в российской деревне.//Российский этнограф. М., 1993, N 9; Узбекистан: столичные жители. Отв. ред. Арутюнян Ю.В., М., 1996; Эстония: столичные жители. Отв. ред. Арутюнян Ю.В., М., 1995 и др.

3. Анцупов И.А. Русское население Бессарабии и левобережного Приднестровья в конце XVIII - XIX вв. Кишинев, 1996; Вне России. Сборник научных статей о русских и русской культуре Молдовы. Кишинев, 1997; Зеленчук В.С. Население Молдавии. Демографические процессы и этнический состав. Кишинев, 1973; Лисецкий А.М. Проблемы национальных меньшинств: на стыке двух парламентских сессий. Кишинев, 1992; его же. Право на самобытность. Брянск, 1993; Табак И.В. Русское население Молдавии. Кишинев, 1990; Шорников П.М. Покушение на статус. Кишинев, 1997; Яковлев В.Н. Тернистый путь к справедливости. Тирасполь, 1993 и др.

Глава 1

Немного о прошлом

1.1. История с географией

Молдавия занимает территорию, раскинувшуюся на сотни километров в Пруто-Днестровском междуречье и левобережье Днестра от Северо-Молдавской лесостепи до польинного Буджака на юге.

Всем одарила природа этот край! Кажется, навстречу спокойной небесной сини плывут эти певучие холмы, затканые зеленью буйных трав, опутанные кружевными сновидениями садов весной, плещущиеся золотыми озерами подсолнухов, усеянные разноцветными островками лавандовых и розовых плантаций летом, покрытые пурпурными и лиловыми, отороченными солнцем коврами виноградников, рыжим пламенем древних Кодр объятые осенью.

В бесконечную мелодию холмов вплетается светлое звучание переливчатых рек, лепет серебряных родников, звон овечьих колокольцев, грустный крик журавлей, узким клином растворяющихся в синей дали. Земля песенная и молчаливая, как тихи и молчаливы бывают поля отзвучавших колосьев, таивших в себе тысячи легенд и былин.

Печальна и прекрасна, как старая песня или сказ, судьба земли этой, щедро обласканной солнцем, овитой ветрами, настоянными на душистом дыхании цветов и щемящей горечи полыни, напоенными ароматами созревающего хлеба и спелых яблок.

Сколь многокрасочен и многозвучен край сей, столь пестра и вереница народов, появившихся на этой земле: “скифы, греки, сарматы, геты и даки, римляне, бастарны, аланы, готы, гунны, болгары, славяне, авары, венгры, печенегы, русские племена уличей и тиверцев, половцы, татары, галицкие русские, генуэзцы, молдаване, литовцы, запорожские казаки, турки, крымские татары, поляки, русские”.../1/.

Начальный этап появления русских в Бессарабии и левобережных районах Днестра, так же как и на многих других

окраинах государства Российского, был связан с религиозным расколом в России в ХУП веке. Старообрядцы (раскольники), а позднее бежавшие от помещиков и рекрутчины крепостные крестьяне, скрывавшиеся от преследователей участники крестьянских бунтов, крестьяне и горожане, приходившие вместе с русскими войсками и остававшиеся на этой земле - вот основные русские поселенцы Бессарабии ХУП-ХУШ веков. Они являлись выходцами из северных и центральных губерний России - Архангельской, Олонецкой, Ярославской, Костромской, Владимирской. Численность этих переселенцев была невелика, и к началу XIX века в Бессарабии насчитывалось всего несколько тысяч русских, составивших менее 1% населения края /2/.

В первой половине XIX века, особенно после присоединения Бессарабии по Бухарестскому миру 1812 года к России, миграция русских стала более масштабной, чему в немалой степени способствовало отсутствие официального крепостничества, терпимое отношение к иноверцам и остававшиеся еще на юге, в Буджаке, участки свободной земли, а также политика Императорской России по освоению новых территорий, имеющих стратегическое значение.

Если для первой половины XIX века миграция являлась одним из важнейших факторов динамики численности и этнического состава жителей Бессарабии, то во второй половине XIX века увеличение их числа определялось главным образом естественным движением населения. Слабые миграции в Бессарабию в этот период были связаны как с отменой крепостничества в России, так и с невысоким промышленным развитием региона. В то же время наблюдался отток сельских жителей, в том числе русских, из Бессарабии в другие губернии России, что было вызвано аграрным перенаселением края. К концу века, по данным переписи населения 1897 года, число неместных уроженцев в Бессарабии составляло лишь 7% населения губернии. В городах этот показатель возростал до 15,7%, а в Кишиневе он достигал 26,6%/3/, что объяснялось притоком населения на крупные предприятия города. Всего же, как показали материалы той же переписи, в Бессарабской губернии проживало уже 155,7 тыс. русских, составлявших 8,1% всего населения /4/. Правда, по мнению некоторых исследователей, численность русского

населения в Бессарабии в 1897 году была завышена, так как к великорусам была причислена часть русскоязычных украинцев и белорусов, поскольку в программе переписи был предусмотрен не показатель “национальность”, а индикатор “родной язык”. По расчетам Зеленчука В.С., численность русских равнялась 123,1 тыс. человек /5/. Табак И.В. приводит цифру в 100 тыс. человек /6/.

В первой половине XIX века большая часть русских была представлена сельскими жителями, но, начиная с 50-60-х годов, с ростом городов возрастает численность русских ремесленников и рабочих, служащих и интеллигенции. По данным переписи 1897 года, удельный вес горожан достигал у русских 45,9%.

Уже с начала заселения русскими Бессарабии многие из них отличались от молдаван по характеру своих занятий. Если среди первых русских поселенцев в Бессарабии весомую часть составляли крестьяне, то к концу XIX века крестьян в составе местных русских насчитывалось чуть более 40%, такой же была доля мещан и около 10% приходилось на представителей дворянских семей /7/. Непосредственно в сельском хозяйстве работало лишь около трети русского самостоятельного (имеющего самостоятельный доход) населения, в то время как среди молдаван - более 70%.

В сравнении с молдаванами русские заметно чаще занимались умственным трудом, включая сферу управления. Согласно данным переписи населения 1897 г., более 60% работников государственной администрации, суда, полиции, юридической деятельности, общественной и сословной службы Бессарабской губернии было представлено русскими, хотя в самостоятельном населении этого края русские составляли всего 12%. Среди педагогов и воспитателей их доля была равна 20%, в составе работников науки, литературы, искусства она возрастала до 36%, а среди людей, занятых врачебной и санитарной деятельностью - до 37%/8/. В известной мере это было связано с высокой долей горожан среди русских, их высоким образовательным уровнем, доминированием русского языка в сферах управления и образования, в государственных учреждениях на протяжении десятилетий.

Однако, как и у подавляющего большинства населения Бессарабии, социально-культурный уровень русских в те годы

оставался не высоким. По относительной численности образованных людей, доле учителей, врачей, работников культуры они отставали от русского населения многих других национальных регионов Российской империи.

На рубеже веков Бессарабия не имела особых успехов в индустриальном развитии. Причем участие русских в промышленно-ремесленном производстве в Бессарабии, как и в большинстве других национальных губерний, было слабее, нежели индигенного населения. Если во всем самостоятельном городском населении Бессарабии в конце XIX века в промышленно-ремесленных отраслях было занято более 16% работников, то среди местных русских горожан - около 12%. Рабочие и специалисты русской национальности сосредоточивались преимущественно на предприятиях крупной фабрично-заводской промышленности, становление которой в Бессарабии еще только начиналось.

Несколько иная ситуация складывалась на Левобережье Днестра. Днестр был не только географической, исторической, но и административной границей территорий. Левобережная часть Молдавии в 1897 году относилась к Херсонской губернии (Тираспольский уезд). Численность русского населения этих районов составляла 40,7 тыс. человек, или 16,9% всего населения. Из них 40% русских проживало в городах, остальные 60% - в сельской местности. Большая часть русского городского населения была сосредоточена в Тирасполе - 14 тыс. человек /9/. По сравнению с Правобережьем, русские Левобережья чаще занимались сельскохозяйственным трудом, в их составе была менее высокой доля интеллигенции.

После революции 1917 года различия в жизни русского населения Правобережной и Левобережной части Молдавии стали рельефнее.

В 1918 году королевская Румыния аннексировала Бессарабию, а левобережные районы Днестра вошли в состав МАССР. Перепись населения СССР, проведенная в 1926 году, зафиксировала в составе населения МАССР, включавшей в себя прилегающие к Днестру районы Одесской (ранее Херсонской) и Подольской губерний России, 48,9 тыс. русских, что составляло 8,5% всего населения республики. Русские были третьей по

численности (после украинцев и молдаван) национальностью республики. Большинство русских (60,7%) были жителями села.

В городах численность жителей русской национальности составляла 19,2 тыс. человек, а среди всего городского населения доля русских достигала 23,3 %. Русские в городах были третьей

Таблица 1. Этнический состав населения МАССР. 1926 год.

<i>Национальность</i>	<i>Численность (абс.)</i>	<i>В % ко всему населению</i>
Всего	572,3	100,0
в том числе:		
украинцы	277,5	48,5
молдаване	172,4	30,1
русские	48,9	8,5
евреи	48,6	8,5
немцы	10,7	1,9
болгары	6,0	1,0
поляки	4,9	0,8
прочие	3,3	0,7

Источник: Всесоюзная перепись населения. 1926 г. т. XIII, УССР,

М., 1929. С.30

по численности этнической группой после украинцев и евреев. В Тирасполе, который являлся столицей МАССР, проживало около 12 тыс. русских и они составляли более половины населения этого города (55%) /10/.

Увеличению численности русских в МАССР, помимо естественного прироста, способствовали и миграции. В период восстановления народного хозяйства республики в 1920-е годы сюда было направлено в порядке организованной миграции значительное число квалифицированных рабочих и специалистов различных отраслей из РСФСР и Украины. Соответственно менялся социально-профессиональный состав местного русского населения. В нем росла доля индустриальных рабочих и интеллигенции.

Аннексия Бессарабии королевской Румынией отрицательно сказалась на демографическом, социально-экономическом и культурном развитии этого края. Массовое разорение крестьянских хозяйств и упадок промышленности, вызвавшие безработицу и обнищание населения, привели не только к снижению естественного прироста населения, но и к значительной эмиграции из Бессарабии. “Румынская администрация посчитала задачей исключительной важности вытеснение русских и русскоязычных из государственных органов, системы образования, культуры, стремясь тем самым максимально уменьшить роль “русского фактора” в жизни провинции... Одним из средств вытеснения русских из государственных учреждений было принятие в 1918 году Закона о национализации, согласно которому все жители Бессарабии должны были принять румынское подданство, разговаривать и писать на румынском языке... Изгнание русского языка из официальной сферы отразилось прежде всего на многотысячном отряде чиновников и служащих. По некоторым оценкам, десятки тысяч семей чиновников, уволенных из-за незнания языка или по политическим мотивам, остались без каких-либо средств к существованию” /11/. В период с 1922 по 1930 гг. Бессарабию покинуло около 300 тыс. жителей /12/. По данным румынских статистических ежегодников 30-х годов, русское население Бессарабии эмигрировало в Северную Америку, Канаду, Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай и пр. Румынизация и экономический кризис 1929 года вытолкнули из Молдавии и группы русскоязычных гагаузов и болгар.

Всеобщая перепись населения, проведенная в Румынии в 1930 году, дает картину численности и этнического состава населения Бессарабии. Русские составляли 351,9 тыс. человек, или 12,3% всего населения, и являлись второй после молдаван этнической группой края. Немногим более четверти русских (28,3%) были жителями городов, остальные - сельскими жителями. Но по мнению некоторых ученых, количество русских Бессарабии в этот период было значительно завышено за счет включения в их число определенной части украинцев, и реальная численность русского населения в Бессарабии в 1930 г. едва ли превышала 200 тыс. человек /13/.

В 1940 году в составе СССР была образована МССР, включившая в себя как Бессарабию, так и левобережные районы Приднестровья. В том же году на всей ее территории был проведен сбор сведений о количественном и этническом составе населения. В Левобережных районах республики численность населения составила 283,1 тыс. человек, в том числе молдаван - 126,0 тыс., украинцев - 82,7 тыс., русских - 38,0 тыс. человек /14/. В Правобережной же части МССР проживало почти в 4 раза больше русских - 150,3 тыс. человек.

1.2. Численность, миграции, расселение

На протяжении всего послевоенного, более чем 40-летнего периода истории численность и этнодемографический состав населения Молдавии динамично изменялись. Это было обусловлено различиями в естественном приросте этнических групп, этнотрансформационными процессами (сменой этнического самосознания у части украинского населения на русское, широким выбором русской национальности в качестве своей детьми от национально-смешанных браков русских с представителями других национальностей, населяющих республику), а также интенсивными миграционными перемещениями. Если с 1959 г. по 1989 г. общая численность населения республики выросла с 2,9 млн до 4,3 млн человек, т.е. на 50,3%, то, например, русское население возросло за этот же период на 91,8%, с 293 до 562 тыс. человек, а численность евреев сократилась на 30,5% (см. табл. 2).

В 1959 г. доля титульной национальности - молдаван - в республике составляла 65,4%; 14,6% приходилось на долю украинцев и 10,2% - на долю русских. Остальные 9,8% в населении Молдавии составляли гагаузы, евреи, болгары и другие национальности. К 1989 г. удельный вес молдаван в населении снизился до 64,5%, существенно упал удельный вес украинцев (до 13,8%) и евреев (с 3,3 до 1,5%), а доля русских заметно возросла, составив 13,0% (см. табл.3).

-

Таблица 2. Динамика численности населения разных национальностей в Молдавии

<i>Национальности</i>	<i>1970 в %</i>	<i>1979 в %</i>	<i>1989 в %</i>	<i>1989 в %</i>
	<i>к 1959</i>	<i>к 1970</i>	<i>к 1979</i>	<i>к 1959</i>
молдаване	122,1	109,6	110,7	148,1
украинцы	120,4	110,6	107,1	142,5
русские	141,3	122,2	111,1	191,8
гагаузы	130,2	110,4	111,2	159,4
болгары	119,3	109,4	109,8	141,9
евреи	103,2	81,6	82,0	69,5
<i>В целом</i>	<i>123,7</i>	<i>110,6</i>	<i>109,8</i>	<i>150,3</i>

Таблица составлена по : Республика Молдова. Кишинев, 1992. С. 16

Таблица 3. Национальный состав населения Молдавии

<i>Национальности</i>	<i>1959</i>	<i>1970</i>	<i>1979</i>	<i>1989</i>	
				<i>по республике</i>	<i>по Левобережью</i>
молдаване	65,4	64,6	63,9	64,5	39,9
украинцы	14,6	14,2	14,2	13,8	28,3
русские	10,2	11,6	12,8	13,0	25,4
гагаузы	3,3	3,5	3,5	3,5	0,5
болгары	2,1	2,1	2,0	2,0	1,9
евреи	3,3	2,7	2,0	1,5	
другие	1,1	1,3	1,6	1,7	4,0
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Таблица составлена по : Республика Молдова. Кишинев, 1992. С. 16,23

Русское население Молдавии, как, впрочем, и других бывших союзных республик, отличалось высокой степенью урбанизированности. Удельный вес горожан среди русских в 1959 г. составлял 66,6%, к 1989 г. он существенно возрос и достиг 86,1%; доля горожан у молдавского населения выросла в этот период с 9,6% до 33,5%. Благодаря тому, что подавляющее

большинство русских Молдавии жило в городах, национальный состав городских поселений существенным образом отличался от сельского: удельный вес русских в городской местности республики достигал 23,9%, а доля молдаван составляла 46,3%. В сельской же местности Молдавии русских было сравнительно мало: их доля среди сельчан составляла лишь 3,4% (1989 г.), молдаван же было 80,3%. Значительная часть русского населения Молдавии сосредоточена в столице республики: в 1959 г. 35,7% всех городских русских были жителями Кишинева, к 1989 г. этот показатель возрос до 36,1%. Но в населении города доля русских составляла в 1989 г. лишь 26,4%, а удельный вес молдаван достигал 49,2%.

В Левобережных, приднестровских районах Молдавии численность молдаван составляла 239,9 тыс. чел., или 7,6% всех молдаван республики, русских же в Левобережье насчитывалось 153,3 тыс. чел., или 27,3% всего русского населения республики. Доля титульной национальности - молдаван этих районов Молдавии была значительно ниже, чем в республике в целом (соответственно 39,9 и 64,5%), а русских - существенно выше (соответственно 25,3 и 13,0%); значителен был удельный вес украинского населения (28,3%), более чем в два раза превышавший долю украинцев во всем населении Молдавии (13,8%).

И в Левобережье подавляющее большинство русских были жителями городов (79,5%), а молдаване - сельскими жителями. Но по своему национальному составу городская местность Левобережных районов заметно отличалась от городского населения республики в целом: русские составляли свыше трети горожан (34,6%), доля титульной национальности немногим превышала четверть всего городского населения (25,6%). Существенной была доля украинцев в городах Приднестровья - 32,7%. В Тирасполе, наиболее крупном городе Левобережья, удельный вес русских был заметно выше, достигая 41,3%, а доля молдаван была лишь 17,7%. И в сельской местности Левобережья доля русского населения была больше, чем в республике в целом: 12,6% против 3,4%. Но все же подавляющее большинство сельских жителей Приднестровья (60,0%) составляли молдаване /15/.

В сентябре 1990 года Второй съезд народных депутатов всех уровней Приднестровья, основываясь на свободном волеизъявлении народа Приднестровья, провозгласил образование Приднестровской МССР (позднее Приднестровская Молдавская Республика). В ее состав сейчас входят все левобережные районы Днестра, а также город Бендеры и ряд сел, расположенных на Правобережье Днестра. По состоянию на 01.01.1995 г., по данным Госкомстата Приднестровской Молдавской республики, численность ее населения составила 696,1 тыс. чел., из них русских насчитывалось 200,8 тыс. чел. (или 28,8%), а молдаван - 233,5 тыс. (или 33,5%), т.е. данные 1995 г. по ПМР отличаются от приведенных выше данных за 1989 г. по национальному составу левобережных районов Молдавии как за счет включения в состав ПМР некоторых населенных пунктов в Правобережной Молдавии, так и за счет некоторого оттока молдаван и притока на эти территории русских /16/.

На протяжении ряда послевоенных десятилетий Молдавия была тем регионом бывшего СССР, который неизменно привлекал к себе мигрантов разных национальностей: мягкий климат, благоприятные природные условия, заинтересованность местных руководителей различного ранга в получении крупных инвестиций из Москвы, часть которых шла на улучшение инфраструктуры края, потребность городских отраслей хозяйства в квалифицированных рабочих и специалистах - вот те условия, которые способствовали притоку сюда мигрантов из разных районов страны. Как показывают расчеты, до начала 1970-х годов Молдавия имела положительное сальдо миграции в обмене населением с остальными территориями Советского Союза. Лишь в начале 70-х годов миграционная картина изменилась: положительное сальдо миграции сменилось отрицательным, правда, абсолютные размеры оттока были очень незначительны (см.табл.4). Этническая структура потоков выбытия из республики в 70-е и 80-е годы отличалась повышенной долей лиц титульной национальности, молдаван, которые довольно интенсивно перемещались по стране, особенно на Украину и в Россию. К концу 80-х годов значительную долю в потоках мигрантов, выбывавших из республики, составили евреи, уезжавшие за пределы бывшего СССР (см.табл.5). В 90-е годы миграционный отток населения

из Молдавии был стабильно отрицательным, составив в 1991 г. 15,6 тыс. чел., в 1992 г. - 25,7 тыс. чел., в 1993 г. - 8,3 тыс. чел., в 1994 - 14,9 тыс. чел., в 1995 - 17,1 тыс. чел., в 1996 - 16,5 тыс. чел. /17/.

Таблица 4. Сальдо межреспубликанской миграции в Молдавии в 1960-80-е годы

<i>Годы</i>	<i>Абсолютные размеры</i>	<i>В расчете на 1000 чел</i>
	<i>(тыс. чел.)</i>	<i>(промилле)</i>
1961-70	+68	+20
1971-80	-58	-15
1981-88	-26	-6

Источник: Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 35.

Если до начала 1990-х годов естественный прирост населения в Молдавии компенсировал миграционные потери, то начиная с 1992 года, при одновременном падении рождаемости и увеличении смертности отрицательная роль миграции заметно выросла и абсолютная численность населения республики впервые за все послевоенное время стала уменьшаться /18/.

Особенно велик был миграционный обмен Молдавии с Россией, который уже с конца 70-х годов складывался положительно для РФ (см.табл.6).

Таблица 5. Этническая структура мигрантов в городских поселениях Молдавии (%)

<i>Национальности</i>	<i>Прибыло</i>		<i>Выбыло</i>		<i>Миграционное сальдо</i>	
	<i>1980</i>	<i>1989</i>	<i>1980</i>	<i>1989</i>	<i>1980</i>	<i>1989</i>
Всего:	100	100	100	100	100	100
в т. ч.:						
молдаване	55,3	56,1	52,2	49,0	64,9	98,1
русские	17,6	20,3	20,3	18,2	9,2	15,2
украинцы	18,8	16,8	18,6	16,7	19,3	17,1
белорусы	0,8	0,7	0,5	0,6	1,7	1,1
евреи	1,2	1,0	3,4	7,2	-1,4	-35,7
гагаузы	2,2	2,3	1,8	2,3	3,4	3,0
болгары	1,7	3,0	1,3	3,6	2,9	1,1

Источник: Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 45

Таблица 6. Миграционные перемещения между Россией и Молдавией

Годы	Абсолютная численность (чел.)		
	Прибыло в РФ из Молдавии	Выбыло из РФ в Молдавию	Миграционное сальдо в РФ за счет Молдавии
1980	30882	28203	2679
1981	34535	28672	5863
1982	34835	29488	5347
1983	34744	30725	4019
1984	35716	30254	5462
1985	34435	30988	3447
1986	43130	32894	0236
1987	40716	37316	3400
1988	40941	37361	3580
1989	36358	34407	1951
1990	32320	31400	920
1991	29554	27052	2502
1992	32340	22419	9921
1993	19344	14881	4463
1994	18738	8646	10092
1995	17498	7769	9729
1996	17847	6894	10953
<i>В среднем за год</i>			
1981-85	34853	30025	4828
1986-90	38693	34676	4017
1991-95	23495	16153	7342

Источник: Демографический ежегодник РФ. 1993, М., 1994. С. 380-381;

Естественное движение и миграция населения Республики Молдова в 1991-94 гг., Кишинев, 1995. С.180-181; Republica Moldova in cifre. 1995. Chisinau, 1996, s. 28- 29.

Динамика миграционного оттока /19/ населения из Молдавии в Россию была изменчивой: отток плавно нарастал с

1980 по 1984 г., затем в 1985 г. был небольшой спад этого показателя, а 1986 г. дал резкий всплеск миграционного оттока, в 2,5 раза превысивший показатель предыдущего года и достигший 10 тыс. человек. Затем миграционный отток постепенно снижался, достигнув своей минимальной величины в 1990 г. (около 1 тыс. чел.).

1992 год вновь дает резкий всплеск миграционного оттока до 9,9 тыс. чел., как за счет некоторого увеличения числа выбывших из Молдавии в РФ, так и (главным образом) за счет уменьшения миграционных потоков из России в Молдавию. И на этом уровне миграционный отток держался последние годы, составив в 1994 г. -10,0 тыс. чел./20/, в 1995 г. -9,7 тыс. чел., в 1996 г. -11,0 тыс. чел./21/.

Данные о миграции по Приднестровской Молдавской республике за 1990-94 гг. дают следующую картину: в 1990 г. ПМР имела миграционный прирост населения в 3,1 тыс. чел., в 1991 г. +1,3 тыс. чел.; 1992 г. - год войны - показал существенный отток населения -10,8 тыс. чел., а в 1993 и 1994 гг. сальдо миграции составило соответственно +1,1 и -1,9 тыс. чел./22/.

Если в конце 70-х - начале и середине 80-х годов миграционные связи России и Молдавии определялись выбытием из республики как русского, так и молдавского населения, то с конца 80-х-начала 90-х годов наибольшее влияние на показатели миграционного оттока из Молдавии в Россию имели миграции русского населения.

1989 год - год "тихой языковой революции" (как образно назвал его М.Н.Губогло /23/) - еще не выделялся из ряда предыдущих лет активным миграционным оттоком из Молдавии русского населения. Но уже 1990 год, когда 11 союзных республик, в том числе и Молдавия, приняли декларации о суверенитете, оставаясь в рамках СССР, а еще 4 республики - законодательные акты о независимости, дал резкое увеличение размеров миграционного оттока русских из бывших союзных республик. К концу 1990 г. во всех республиках Закавказья, Средней Азии, в Казахстане, в Молдавии и Прибалтике наблюдался отток русского населения. Численность выбывавших из республик русских превышала количество русских, прибывавших в соответствующие республики из других регионов

страны. Если в 1989 г. Молдавия еще имела положительное миграционное сальдо русского населения, то в 1990 г. оно стало отрицательным и составило -2,9 тыс. чел., в 1991 г. - 4,9 тыс. чел. Следующий 1992-й год был годом вооруженного конфликта в Приднестровье. Военные действия усилили миграционный отток русского населения из республики: он составил уже -11,6 тыс. чел. В 1993 г. отток русских из Молдавии несколько снизился (до -3,6 тыс. чел.), что было связано с прекращением военных действий в Приднестровье. В 1994 г. отрицательное миграционное сальдо русских в Молдове вновь возросло до 7,0 тыс. чел., в 1995 г. - до 7,8, в 1996 г. - до 7,3 тыс. чел./24/.

За период 1990-96 гг. чистые миграционные потери русского населения в Молдавии (разница между прибывшими и выбывшими) составили примерно 45 тыс. чел., или 8% численности русских в республике. Таким образом, проводимая национал-радикалами Молдавии политика “выдавливания” русских из республики под лозунгами “Молдавия - для молдаван” и “Чемодан - вокзал - Россия” имела свои наглядные результаты. Эти миграционные потери усугублялись начавшейся с 1993 г. естественной убылью русских в республике, сложившейся в результате превышения у них смертности над рождаемостью. За 4 года (1993-96 гг.) потери русского населения от превышения смертности над рождаемостью составили уже 6,7 тыс. чел., или более 1% русских /25/. Таким образом, за сравнительно короткий исторический период (1990-1996 гг.) общее сокращение численности русских в Молдавии превысило 9%.

Наиболее значительная роль в обмене русским населением с Молдавией выпала России. Если в 1989 г. миграционный отток русских из Молдавии в обмене с РФ был незначителен (-74 чел.), то в 1990 г. он возрос до -3тыс.чел., а в 1992 г. уже достиг -11 тыс.чел. (см. табл.7). В 1993 г. отток русских несколько снизился, достигнув -4тыс.чел., в 1994 г. вновь несколько возрос, составив уже -7,6 тыс. чел., в 1995 г. -6,9 тыс. чел., а в 1996 г. -6,5 тыс. чел. Отъезд русских из Молдавии сопровождался эмиграцией и других национальностей: украинцев, белорусов, евреев, болгар, гагаузов и пр.

Таблица 7. Миграционные перемещения между Молдавией и Россией (по национальности) (1989-96 гг.)

<i>Прибыло в РФ</i>	<i>1989</i>	<i>1990</i>	<i>1991</i>	<i>1992</i>	<i>1993</i>	<i>1994</i>	<i>1995</i>	<i>1996</i>
всего	36358	32320	29554	32340	19344	18738	17498	17847
в т.ч.:								
молдаване	18468	13260	10978	8365	5362	4892	3954	3938
русские	9399	11121	11278	16759	8913	10824	9991	9694
украинцы	4102	3816	3259	3977	2579	3172	2736	2724
белорусы	202	238	222	283	157	215	170	150
Выбыло из РФ в Молдавию								
всего	34407	31400	27052	22419	14881	8646	7769	6894
в т.ч.:								
молдаване	17864	15985	12826	11395	6247	3614	3054	2555
русские	9325	8036	7144	5651	4963	3271	3065	2683
украинцы	3563	3461	3167	2734	1996	1350	1246	923
белорусы	234	212	204	168	113	92	88	51
Миграционное сальдо в РФ за счет Молдавии								
всего:	1951	920	2 502	9921	4463	10092	9729	10953
в т.ч.:								
молдаване	604	-2725	-1848	-3030	-885	1278	900	1383
русские	74	3085	4134	11108	3950	7551	6926	6514
украинцы	539	355	92	1243	583	1822	1290	1801
белорусы	-32	26	18	115	44	123	82	99

Источник: Численность и социально-демографические характеристики русского населения в республиках бывшего СССР. М., 1994. С. 31, 35; Материалы Госкомстата РФ.

С 1994 г. в Молдавии отмечено отрицательное миграционное сальдо в обмене с Россией у титульной национальности молдаван. С этого времени число выбывших в Россию молдаван стабильно превышает численность прибывших из России в

Молдавию, достигнув в 1996 г. - 1,4 тыс. чел./26/. В эти последние годы экономического кризиса и ухудшения жизни всего населения республики лозунг “Чемодан - вокзал - Россия” по иронии судьбы приобрел несколько иное звучание и стал актуальным и для титульного населения Молдавии, выезжающего в РФ в основном на заработки.

По данным Федеральной миграционной службы России, на 1 января 1993 г. в России было зарегистрировано 10,3 тыс. беженцев (вынужденных переселенцев) из Молдавии, или 6,4% всех зарегистрированных в РФ беженцев. На 31 декабря 1993 г. число беженцев из Молдавии в России составило 14,7 тыс. чел. Для сравнения укажем, например, что численность беженцев из Таджикистана достигала 134 тыс. чел. /27/. В 1994 г. Федеральная миграционная служба России зарегистрировала на территории РФ еще 2,6 тыс. беженцев из Молдавии, среди которых русские составили 1,9 тыс. человек, или 73,2%/28/. В 1995 г. ФМС России зарегистрировала еще 2,7 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев из Молдавии, русских среди них было 74,8% /29/. К 1 июля 1996 года на территории России всего находилось 20,6 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев из Молдавии /30/.

1.3. Изменение социального статуса

В течение послевоенного периода не только существенно менялась численность русского населения Молдавии, но и происходили перемены в сфере его занятости, в социально-профессиональном и отраслевом составе. В первые годы после образования Молдавской ССР русские занимали в Молдавии довольно стабильное и сравнительно высокое социальное положение.

К началу 1940-х годов экономическая, политическая, культурная жизнь значительной части населения Союза уже претерпела существенные изменения, что нашло отражение в социальной структуре различных народов. Молдавии пришлось «догонять» ушедшие вперед регионы. Но даже в конце 1950-х годов она имела довольно низкие экономические и социальные показатели, а ее титульное население - молдаване, проживало

преимущественно в сельской местности (более 90%) и занималось сельским хозяйством. В сфере умственного труда работало чуть более 5% молдаван. Это был самый низкий показатель среди всех титульных народов союзных республик /31/.

Мероприятия советского государства, аффирмативная политика, направленная на подъем социально-культурного уровня отстававших в прошлом народов, на ускоренную коренизацию республиканской интеллигенции, органов управления, в Молдавии еще не принесли ощутимых результатов. Во многих ключевых сферах деятельности, и прежде всего в органах управления, силовых структурах, науке и некоторых других, ведущую роль играли представители нетитульного населения и чаще всего - русские.

Политика советской власти по «подтягиванию» отстававших в прошлом республик, по форсированию в них процессов индустриализации и урбанизации, утвержденная решениями X и XI съездов ВКП(б) и именуемая на Западе политикой аффирмативных акций, вела к необходимости значительных кадровых перемещений. Нередко русские, как и украинцы, белорусы, евреи, имевшие по сравнению с рядом других народов Союза более высокий образовательный уровень, более широкие навыки промышленной культуры, опыт работы в «городских» сферах деятельности, восполняли нехватку кадров в тех отраслях хозяйства, в которых участие титульных этносов оставалось невысоким и не обеспечивало намеченных темпов роста данных отраслей. Для более быстрого подъема экономики и культуры Молдавии в эту республику, как и во многие другие, были направлены многочисленные отряды рабочих и специалистов из Украины, Белоруссии, России, в том числе значительное число русских, пополнивших местное русское население квалифицированными кадрами.

Неудивительно поэтому, что в Молдавии русские в ряде сфер деятельности, даже в городах, были представлены относительно шире, нежели молдаване, и в известной мере отличались от последних по своему отраслевому и социально-профессиональному составу. Согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. треть русских, а в городах - почти 40%, была занято умственным трудом. В индустриальных

отраслях работало более 40% людей русской национальности /32/. При доле в занятом городском населении Молдавии равной 29%, русские насчитывали (в городах) среди руководителей производственных предприятий и организаций почти 40%, среди учителей, врачей, медицинских сестер, научных работников и преподавателей вузов, художественной интеллигенции - от трети до половины, среди рабочих промышленности, транспорта и связи - более трети и т.п. Весьма высок был уровень участия русских в такой, ставшей для них традиционной, отрасли хозяйства, как машиностроение и металлообработка. Среди занятых в ней работников численность русских превышала число работающих здесь молдаван в 1,5 раза, хотя в населении республики абсолютная численность русских была ниже, чем молдаван. В составе руководства Молдавии, включая партийное, удельный вес русских был также весьма внушительным - 46%, более чем в 4,5 раза превышая долю русских (10,2%) в составе всего населения республики.

В последующие годы с повышением социально-культурного уровня молдаван, степени их урбанизированности, расширением участия в городских отраслях хозяйства, позиции русских в ряде сфер деятельности стали ослабевать. Работники русской национальности продолжали концентрироваться в промышленных отраслях. Так, в 1959 г. (по данным соответствующей переписи населения) доля занятых в промышленности среди всего местного русского населения составляла 24%, а в просвещении, здравоохранении, науке, культуре, искусстве - около 17%. В 1989 г. это соотношение заметно изменилось: представительность работников промышленности увеличилась до 35%, а занятых в просвещении, здравоохранении, науке, культуре, искусстве - всего до 19% (Табл.8)/33/. У молдаван, напротив, более интенсивно росла доля работающих в просвещении, здравоохранении, науке, культуре, повысившись более чем в 5 раз (с 3% в 1959 г. до 16% в 1989 г.), доля же работников промышленности возросла лишь втрое (с 5% до 17%).

Среди городского населения к началу 1990-х годов в индустриальной сфере Молдавии было занято уже около 60% русских (среди молдаван - 50%), что было выше аналогичного показателя у русского населения многих других бывших республик

Союза, в том числе таких индустриально развитых, как РСФСР, Украина, Эстония. В отраслях тяжелой промышленности трудилось 38% городских рабочих русской национальности (среди молдаван - 25%), а в машиностроении и металлообработке - 31% (среди молдаван - 19%). Если в конце 1980-х годов численность русского населения в городах республики была в 2 раза ниже численности молдавского, то по числу техников русские превышали молдаван в 1,2 раза, инженеров - в 1,3, конструкторов - в 2,4, наладчиков, настройщиков, регулировщиков оборудования и аппаратуры - в 1,2 раза и т.д.

Благодаря тому, что работники русской национальности относительно, а иногда и абсолютно преобладали в крупном промышленном производстве с высокой научно-технической оснащенностью, в том числе на предприятиях военно-промышленного комплекса, в их составе было почти в 1,4 раза меньше работников мало- и неквалифицированного физического труда, нежели среди молдаван. Они имели сравнительно высокую заработную плату, более или менее комфортабельное жилье, получали льготные путевки в санатории и дома отдыха, места для детей в детских садах и яслях. Молдаване же чаще работали в легкой и пищевой промышленности, в том числе на небольших перерабатывающих предприятиях, менее оснащенных технически, где были ниже заработки, слабее развита социальная инфраструктура.

Следует, однако, отметить, что отраслевой состав русских и молдаван - городских жителей различался не столь принципиально, как, например, между русским и титульным населением в республиках Средней Азии, Грузии, Эстонии. Молдаване, например, довольно широко участвовали в отраслях строительства и автотранспорта, но разница с русскими здесь не была особенно значительной. В конце 1980-х годов в строительстве работало 9% занятого городского молдавского населения и 6% русских, на автотранспорте соответственно 12% и 8%. Молдаване несколько «обгоняли» русских по представительности работников торговли и обслуживания (Табл.8). Крайне слабо были представлены русские лишь в

Таблица 8.

Распределение городского населения
русской и молдавской национальностей
по различным отраслям народного хозяйства в 1989 г.%

Отрасли	Русские	Молдаване
1. промышленность	38,0	31,0
2. строительство	10,3	12,3
3. транспорт, связь	7,8	7,3
4. сельское хозяйство	3,0	7,5
5. торговля, снабжение, бытовое обслуживание	12,4	15,1
6. здравоохранение	5,3	7,2
7. просвещение	8,8	8,9
8. культура, наука	4,9	3,1
9. управление	6,2	4,3
10. прочие отрасли	3,3	3,3
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

*Таблица составлена по материалам Всесоюзной переписи населения
1989 г.*

сельскохозяйственном производстве, где было занято только около 8% всего местного русского населения.

При сохранении определенных различий в распределении русских и молдаван по хозяйственным отраслям социально-профессиональный состав работников этих национальностей с течением времени постепенно сближался (табл.9). За счет роста представительности молдаван в отраслях хозяйства, требующих квалифицированного умственного труда, происходило ослабление позиций русских в интеллектуальной сфере, в первую очередь среди управленческой и гуманитарной интеллигенции, где в прошлом русские относительно преобладали.

Таблица 9.

**Социально-профессиональный состав
русского и молдавского городского
населения в 1989 г. %**

Социально- профессиональные группы	<i>Русские</i>	<i>Молдаване</i>
1. руководители высшего звена	1,6	1,5
2. руководители среднего звена	5,5	3,6
3. специалисты высшей квалификации	19,5	11,3
4. специалисты средней квалификации	7,5	7,1
5. служащие	12,8	8,7
6. работники физического труда высшей квалификации	25,8	29,3
7. работники физического труда средней квалификации	11,5	16,5
8. работники мало- и неквалифицированного физического труда	15,8	22,0
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Таблица составлена по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Госкомстат СНГ. Табл. 32 в. Распределение населения по занятиям и национальностям. Молдавская ССР.

Хотя и среди русского населения Молдавии, как и среди титульного, продолжала увеличиваться доля горожан, росла абсолютная и относительная численность людей с высшим и средним специальным образованием, тем не менее по темпам роста интеллигенции русские отставали от молдаван.

Судя по данным статистики, за 10 лет (с 1979 по 1989 г., согласно материалам соответствующих переписей населения) доля людей с высшим и средним специальным образованием среди занятого городского населения русской национальности Молдавии возросла на 12 процентных пунктов, у молдаван лишь чуть больше - на 13 процентных пунктов. Доля же интеллигенции (людей, занятых на должностях, требующих высшего или среднего специального образования) за этот период среди молдаван увеличилась на 4 процентных пункта, а среди русских снизилась на 1 процентный пункт.

В результате последовательно сокращалась доли работников русской национальности среди всей республиканской интеллигенции. Так, в 1959 г. (согласно соответствующей переписи населения) индекс участия /34/ русских в составе городской интеллигенции Молдавии был равен 133, т.е. доля русских среди работников высокоинтеллектуального труда более чем на 30 процентных пунктов превышала долю людей русской национальности в занятом городском населении этой республики. В 1979 г. этот индекс снизился до 127, а в 1989 г. до 124. У молдаван же он вырос соответственно с 52 в 1959 г. до 86 в 1989 г.

В то же время, как видно, уровень представительства работников русской национальности в городской интеллигенции Молдавии оставался еще выше доли русских в занятом городском населении этой республики, а относительная численность русской интеллигенции была больше, чем молдавской - соответственно 34% у русских и 21% у молдаван, хотя дистанция между ними за период между последними переписями сократилась. Однако, подобное «преимущество» русских обеспечивалось главным образом за счет особой массовости русской производственной интеллигенции. Так, если городская молдавская интеллигенция включала в себя 37% производственных специалистов, то русская - 49%, т.е. почти половину всей местной русской интеллигенции составляли работники, занятые на производстве. Это был один из самых

высоких показателей среди русского населения, живущего во всех союзных республиках в конце 1980-х годов. В составе всей городской производственной интеллигенции Молдавии русские насчитывали 31% при доле в занятом городском населении - 23%.

Русское население Молдавии отличалось и сравнительно солидной долей в корпусе хозяйственных руководителей. Одной из причин этого было то, что многие из крупнейших хозяйственных объектов Молдавии, прежде всего предприятия военно-промышленного комплекса, были построены на средства, инвестируемые союзными министерствами и ведомствами, и находились в подчинении последних, а их руководители назначались из Москвы. В конце 1980-х годов среди всех хозяйственных руководителей в городах Молдавии русские составляли 30%, в том числе среди руководителей предприятий и организаций индустриальных отраслей - 26%, начальников производственно-технических управлений, отделов, секторов, групп, бюро - 38%, начальников цехов, участков, мастерских - 30%.

В то же время в ряде других отрядов местной республиканской интеллигенции участие русского населения сокращалось. Весьма резко, например, представительство русских упало в органах государственного управления, где подавляющее большинство работников стали составлять молдаване. В городах индекс участия русских в этой сфере упал со 159 в 1959 г. до 93 в 1989 г., т.е. уже в конце 1980-х годов среди руководящих кадров в городах Молдавии русских было относительно меньше, нежели в городском населении этой республики. Снизилась доля русских среди учителей (с 1959 по 1989 гг. индекс участия уменьшился со 129 до 109) и особенно врачей (индекс за эти годы уменьшился со 122 до 82). Такие профессионально-отраслевые группы интеллигенции, как руководители государственного аппарата, медицинские работники, юридический персонал в конце 1980-х годов оказались у русских относительно малочисленнее, нежели у молдаван (табл. 10).

«Перекося» в профессионально-отраслевом составе русской интеллигенции в сторону ее производственных кадров в Молдавии был довольно заметен. Разница, в относительной численности наиболее крупных групп интеллигенции - произ-

Таблица 10. Численность ряда профессий специалистов и руководителей на 10 000 человек занятого городского населения русской и молдавской национальности.

профессии	1959 г.		1979 г.		1989 г.	
	молдаване	русские	молдаване	русские	молдаване	русские
1. руководители государственно-партийного аппарата	42	100	63	71	72	62
2. хозяйственные руководители	36	169	103	221	130	268
3. инженерно-технические работники	161	735	656	1518	669	1457
4. медицинские работники	147	434	357	333	471	335
5. научные работники и преподаватели ВУЗов	51	91	89	129	90	136
6. учителя	197	360	327	379	341	416
7. юридический персонал	13	27	26	24	30	28
8. работники литературы и печати	38	35	35	24	28	25
9. работники искусства	54	78	55	72	61	88

Таблица составлена по материалам Всесоюзных переписей населения 1959, 1979, 1989 гг. Российский государственный архив. Материалы Всесоюзной переписи населения. 1959 г. Фонд 1562. Опись 336.

Ед. хр. 2884. Материалы Всесоюзной переписи населения. 1979 г. Там же. Ед. хр. 7456. Материалы Всесоюзной переписи населения. 1989 г. Госкомстат СНГ. Табл. 32в. Распределение населения по занятиям и национальностям.

водственной и массовой - составляла 2,1 раза в пользу первой (у молдаван это соотношение было примерно одинаковым).

Надо отметить, что в сельской местности так же, как и в городах, происходило постепенное сокращение представительства

русских в сфере умственного квалифицированного труда, причем в последние десятилетия даже более интенсивное. Тем не менее из-за крайне низких «стартовых» позиций сельских молдаван и на рубеже 1980-1990-х годов русские еще сохраняли здесь заметную роль во многих ведущих сферах деятельности. Например, в 1989 г. на 10 000 русских сельчан, занятых в народном хозяйстве, приходилось 34 руководителя производства (среди молдаван - лишь 14), 46 врачей (среди молдаван - 20), 400 учителей (среди молдаван - 317) и т.д. Среди работников сельского хозяйства русской национальности более трети были механизаторами, специалистами и руководителями сельскохозяйственного производства. Среди молдаван лица, имеющие подобные занятия, составляли чуть более 20%.

Можно сказать, таким образом, что к началу периода реформ ситуация в трудовой сфере русского населения Молдавии была далеко неоднозначной. С одной стороны, русские продолжали здесь занимать определенную и относительно стабильную социально-профессиональную нишу. Отрасли тяжелой промышленности, несмотря на некоторое пополнение со стороны молдаван, оставались прерогативой русских. При сравнительно ограниченном представительстве русских в партийно-государственных органах немаловажное значение имело широкое их участие в составе руководителей и организаторов производства, что давало возможность русским хоть в какой-то мере оказывать влияние на сферу республиканского управления.

Несмотря на постоянное снижение представительности русских в составе республиканской интеллигенции Молдавии, еще немалая часть местного русского населения в конце 1980-х годов была занята профессиями интеллектуальной сферы. Так, русские Молдавии занимали шестое место среди русского населения всех союзных республик, включая Россию, по доле работников умственного труда - 47% (для сравнения, в России - 39%) и пятое - по доле интеллигенции - 34% (в России - 28%) /35/. В отличие от русских, живущих в ряде других бывших союзных республик (например, в Эстонии, Грузии, Казахстане), и в конце 1980-х годов русские жители Молдавии «опережали» представителей титульного народа по относительной величине интеллигенции. При этом мало- и неквалифицированный

физический труд среди русских был распространен сравнительно слабо - им было занято менее 16% русского городского населения. В России же работники мало- и неквалифицированного физического труда составляли среди русских 18%, а, например, в Эстонии - 24%/36/.

В ряде ключевых профессий и занятий (помимо производственных) и к концу 1980-х годов участие русских в Молдавии, несмотря на определенное снижение, продолжало оставаться все же еще достаточно заметным. В городах русские представляли, например, почти третью часть научных и художественно-творческих работников, более четверти преподавателей вузов, более четверти рабочих высшей квалификации и т.п. при доле в занятом городском населении, равной 23%.

С другой стороны, особенности трудовой занятости русских, их отраслевого и социально-профессионального состава в конце 1980-х годов имели и немало негативных сторон. Прежде всего следует еще раз подчеркнуть слабое участие русских в органах государственного управления, что не могло не отразиться на жизни и самочувствии местного русского населения. Русские утратили свои прежние позиции не только в управлении, просвещении, культуре, где их представительство раньше было сравнительно велико, что вызывало у молдаван чувства недовольства, ущемленности своей национальной культуры и языка, но и в таких сферах как здравоохранение, юриспруденция и т.п.

С ростом образовательного и профессионального уровня молдаван, повышались и их социальные запросы, обострялась конкуренция между работниками русской и молдавской национальностей в ряде престижных сфер деятельности, преимущественно умственного квалифицированного труда. Многие молдаване, особенно недавние выходы из села, еще материально неустроенные, испытывали отрицательное отношение к русским из-за лучшей обеспеченности последних квартирами, дачами, садовыми участками и прочими материальными благами.

Негативной чертой можно назвать и «перекос» профессионально-отраслевой структуры русской интеллигенции в сторону производственно-технических отрядов, что сказывалось на снижении возможностей местного русского населения

пользоваться услугами работников массовых профессий своей национальности, особенно врачей, юристов. Подобный «перекос» отражался и на характере влияния русской интеллигенции на остальные группы населения. Не умаляя значения труда производственных специалистов и руководителей, нельзя не констатировать, что фигура инженера в последние годы советского периода во многом утратила свою былую престижность и популярность. В то же время именно представители этой профессии, как наиболее массового отряда русской интеллигенции, нередко брали на себя интерпретацию и выражение интересов русского населения, живущего в иноэтнической среде, стимулировали рост национального самосознания, участвовали в общественно-политических движениях и т.п.

Естественно, что в этой области они часто «проигрывали» профессиональным работникам просвещения, управления, юриспруденции, литературы, которые у молдаван составляли более весомую часть интеллигенции. При этом нельзя забывать и о том, что, сосредоточиваясь в определенной хозяйственной отрасли, русские в той или иной мере были удалены как на службе, так и в быту (работа в мононациональных коллективах, расселение в ведомственных домах с аналогичным контингентом жителей) от проблем и запросов титульного населения, что имело в дальнейшем (после суверенизации республики) довольно отрицательные последствия, вызывая у немалой части русского населения чувства непонимания и неприятия происходящих в республике перемен.

После распада Союза специфика трудовой занятости русских, которая в течение многих лет определяла их особый социально-культурный статус и известную стабильность положения, стала приобретать еще более негативную окраску. На фоне недавнего сравнительного социально-экономического благополучия психологический шок, который испытали русские в конце 1980-х - начале 1990-х годов в связи с резким изменением отношения к ним на всех уровнях со стороны молдаван, а также угрозой понижения социального статуса, оказался особенно силен, а процесс адаптации к новым условиям - более затруднителен по сравнению с рядом других стран нового зарубежья, где русские в недалеком прошлом

занимали менее высокое положение на социальной лестнице, например, в государствах Балтии.

На изменение социального статуса русских в Молдавии основное влияние оказали два фактора, явившиеся результатом распада Союза и становления национальной государственности в его бывших республиках: экономический, связанный с хозяйственным кризисом и отраслевой перестройкой экономики республики, и этнополитический, заключающийся прежде всего в принятии в суверенной (независимой) Республике Молдова ряда законов, в той или иной мере ущемляющих интересы местного нетитульного населения. Кардинальные изменения в условиях жизни русских в Молдове вынудили многих из них задуматься об отъезде за пределы этого государства.

- 1 Берг Л.С. Бессарабия. Страна - люди - хозяйство. Пг., 1918. С.8.
2. Здесь и далее приводятся расчеты по материалам переписи населения 1897 г. Первая всеобщая перепись населения 1897 г., т.Ш, Бессарабская губерния, Спб., 1905.
3. Табак И.В. Русское население Молдавии. Численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев, 1990. С. 22.
4. Там же. С. 70-73.
5. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX веке. Этнические и социально-демографические процессы. Кишинев, 1979. С. 138.
6. Табак И.В. Указ. соч. С. 59.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. т.Ш. Бессарабская губерния. Спб., 1905. С. 41.
8. Там же.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. т. 47, Херсонская губ., Спб., 1905. С. 90.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIII, УССР, М., 1929. С. 182-183.
11. А.Ю.Скворцова. К общерумынскому знаменателю не приведенные. Русские в Бессарабии после ее присоединения к Румынии (1918- начало 20-х гг.) - Вне России. Кишинев, 1997. С. 42- 43.

12. Зеленчук В.С. Население Молдавии. Демографические процессы и этнический состав. Кишинев, 1973. С. 31.
13. Табак И.В. Указ. соч. С. 91.
14. Зеленчук В.С. Указ. соч. С. 40.
15. Республика Молдова. Кишинев, 1992. С. 23
16. Приднестровская Молдавская республика в цифрах с 1990 по 1994 гг. Тирасполь, 1995. С. 30.
17. Естественное движение и миграция населения республики Молдова в 1991-94 гг. Кишинев, 1995. С.178; Republica Moldova in cifre. 1995. Chisinau. 1996. S. 27; Migratia populatiei Republicii Moldova in anii 1990-1996. Buletin statistic. Chisinau, 1997. S. 9.
18. Republica Moldova in cifre. 1995. Chisinau, 1996. S. 16.
19. Миграционный отток (миграционное сальдо) представляет собой разницу между прибывшим и выбывшим с данной территории населением.
20. Естественное движение и миграция населения Республики Молдова в 1991-94 гг., Кишинев, 1995. С.180-181; Republica Moldova in cifre. 1995. Chisinau, 1996. S. 27.
21. По данным Госкомстата РФ.
22. ПМР в цифрах с 1990 по 1994 гг. Тирасполь, 1995. С. 36.
23. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 168.
24. Migratia populatiei Republicii Moldova in anii 1990-1996. Buletin statistic. Chisinau, 1997. S. 10-22.
25. Естественное движение и миграция населения республики Молдова в 1991-1994 гг. Кишинев, 1995. С. 55-57; по данным Госкомстата РМ.
26. По данным Госкомстата РФ.
27. Численность и социально-демографические характеристики русского населения в республиках бывшего СССР. М., 1994. С.38.
28. Вынужденные переселенцы в России. Статистический бюллетень. N 6, М., 1995. С. 52.
29. Информационный бюллетень N 2. ФМС России, М., 1996.
30. Федеральная миграционная служба России. Информационно- справочный бюллетень. 1996, сентябрь. С. 29-31.

31. Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 93.
32. Здесь и далее приводятся расчеты по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. Российский государственный архив. Материалы Всесоюзной переписи населения. 1959 г. Фонд 1562. Опись 336. Ед. хр. 2884.
33. Здесь и далее приводятся расчеты по материалам Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг. Российский государственный архив. Материалы Всесоюзной переписи населения. 1979 г. Фонд 1562. Опись 336. Ед. хр. 7456; Материалы Всесоюзной переписи населения. 1989 г. Госкомстат СНГ. Табл. 32 в. Распределение населения по занятиям и национальностям. Молдавская ССР. Табл. 33 в. Распределение населения по отраслям хозяйства и национальностям. Молдавская ССР.
34. Индекс участия рассчитывался по формуле:
 доля русских (молдаван) в составе
 данной группы работников
 ----- X 100
 доля русских (молдаван) в составе
 занятого населения Молдавии
 Чем выше был индекс, тем более высокий уровень
 представительства имели русские (молдаване) в со-
 ставе данной группы работников и наоборот
35. Русские. Указ. соч. С. 102
36. Там же.

Глава 2

Уехать или остаться?

2.1. Новая политика в новом государстве

Молдавию можно отнести к тем государствам нового зарубежья, политика которых в отношении их жителей нетитульной национальности, и прежде всего русских, в первые годы после достижения государственной независимости была сравнительно жесткой. Закон “О гражданстве Республики Молдова” не ограничивал русских в правах стать гражданами этого государства (как это было в Эстонии или Латвии). Согласно Закону, гражданство предоставлялось всем жителям, постоянно проживавшим в республике на 23 июня 1990 года, когда был провозглашен суверенитет республики Молдова в составе СССР. Однако названный закон имел ряд моментов, дающих широкие возможности государственным органам по своему усмотрению отказывать в гражданстве или лишать такового человека, приписав ему, например, мотив распространения идей сталинизма или фашизма и т.п.

Провозглашение в 1989 году языка титульной национальности единственным государственным языком в республике, перевод на латиницу и идентификация его с румынским языком, а также установление неоправданно коротких сроков перевода на этот язык системы образования и делопроизводства, издательского дела и других сфер поставило русских, не владеющих молдавским языком, в почти безвыходное положение. Подавляющее большинство русского населения всех бывших союзных республик, в т.ч. и Молдавии, весьма слабо владело языками титульных национальностей. Материалы последней Всесоюзной переписи населения 1989 года показали, что наиболее приобщенными к языку титульной национальности были русские жители Украины, Белоруссии, Литвы и Армении, где от 27% до 38% русских свободно владели как вторым или считали родным язык титульной национальности. Но, скажем, в Казахстане, республиках Средней Азии подобная категория русских составляла лишь 1%-5%.

Молдавия занимала в этом ряду промежуточное положение: здесь среди русских свободно владели молдавским как вторым языком или считали его родным только 12%. В то же время русский язык был родным или вторым, которым свободно владели, для 68,5% жителей Республики Молдова разных национальностей. В сложившейся этноязыковой ситуации объявление государственным только молдавского языка и отказ в придании русскому языку официального статуса существенно ущемляли права той части населения, которая была ориентирована на русский язык.

Перед русскими жителями Молдавии возникло множество острых проблем, особенно в сфере труда и профессиональной подготовки: у них уменьшились шансы на получение образования и профессии на языке своей национальности, ибо шло сокращение численности групп, обучающихся на русском языке, в техникумах и ВУЗах республики; у русских появилось больше трудностей при устройстве на работу и служебном продвижении; наконец, для них оказалась более реальной возможность оказаться уволенными, пополнить армию безработных.

В 1994 году Аграрно-демократическая партия Молдовы, пришедшая к власти, пошла на некоторую либерализацию установленного Народным фронтом языкового режима. В новой Конституции Республики Молдова был зафиксирован особый статус русского языка, отличный от статуса региональных языков, уменьшено давление на учреждения образования, функционирующие на русском языке. Но к этому времени задачи, поставленные языковыми законами, были в основном решены: часть русских уехала за пределы Молдавии, часть была вытеснена из властных структур и престижных сфер деятельности.

Развернутая национал-радикалами этническая чистка в Молдавии начала 90-х годов, направленная на "выдавливание" русского и другого русскоязычного населения из республики с целью построения моноэтнического унитарного государства, сокращение сферы использования русского языка, закрытие русских школ и детских садов, резкое ограничение русскоязычным доступа к высшему и средне-специальному образованию сопровождалась нагнетанием вражды к

национальным меньшинствам, в первую очередь, к русским, резким обострением межнациональных отношений. И лишь традиция толерантных межэтнических отношений, имевшая глубокие корни в Молдавии, воспрепятствовала размежеванию в стране, перерастанию межнациональных противоречий в открытый конфликт.

Тем не менее закон о языке, наряду с требованиями румынистов присоединения Молдавии к Румынии, с ограничением национальным меньшинствам доступа к образованию, спровоцировал гражданский конфликт в Приднестровских и южных, населенных гагаузами районах Молдавии, переросший затем в вооруженное столкновение 1992 года, приведшее к территориальному расколу республики, углублению взаимонепонимания и разобщенности в обществе.

Законотворческие процессы в Молдавии сопровождалась процессами обеспечения монополии на власть титульному населению страны, кадровой политикой неокоренизации, ярко выражающей национальную дискриминацию нетитульного населения.

Новая этнополитическая ситуация, характерная для Молдавии конца 1980-х - начала 1990-х годов, а затем для Республики Молдова, существенным образом отразилась на всех сторонах жизни местного русского населения, весьма заметно затронув и его социально-экономическое положение, неудовлетворенность которым, в свою очередь, явилась важным миграционным стимулом для русских. Одной из форм новой национально-языковой политики в социально-экономической сфере стала кадровая политика.

Следуя примеру государств Балтии и Закавказья, руководство Республики Молдова еще в начальный период государственного строительства приняло ряд законов, в той или иной мере ущемляющих интересы национальных меньшинств. Так, согласно законам о языке, о государственной службе замещение всех руководящих постов, а также должностей, связанных с общением, обуславливалось обязательным знанием государственного (молдавского) языка. К тому факту, что значительная часть русского населения Республики Молдова к моменту принятия данных законов молдавский язык не знала вообще или знала не слишком

хорошо, добавлялась еще и неопределенность лингвистического критерия: язык требовалось знать на уровне, "достаточном для выполнения профессиональных обязанностей", что открывало широкий простор для произвола и проведения этнической чистки во всех сферах деятельности - от государственного аппарата до коммунального хозяйства, затрагивая не только министров, врачей и учителей, но и шоферов, сантехников, электромонтеров.

Знание государственного языка стало необходимым требованием при приеме на работу, о чем свидетельствует, в частности, содержание соответствующих анкет, заполняемых при найме, где отдельным пунктом фиксируется знание молдавского языка. На государственный язык было переведено все делопроизводство. Он стал использоваться в качестве превалирующего, а иногда и единственного в сферах управления и государственного образования, на производственных совещаниях, планерках, Ученых Советах и т.п. При поступлении в ВУЗы и техникумы необходимо было пройти собеседование на владение государственным языком.

Языковая некомпетентность стала реальным поводом для увольнения с работы представителей нетитульного населения. Хотя официальная дата аттестации русскоязычных работников на знание ими государственного языка постоянно отодвигалась (сначала она была назначена на апрель 1994 года, затем перенесена на январь 1997 г.), уже сама идея подобной аттестации, выдвинутая на государственном уровне, вдохновляла чиновников на произвольные кадровые изменения в своих ведомствах в пользу лиц титульной национальности, которые сами далеко не всегда достаточно свободно владели литературным румынским языком.

Начало массовых кадровых перестановок в государственном аппарате Молдовы было положено в мае 1990 года Верховным Советом МССР, где к тому времени подавляющее число мест уже занимали молдаване и самопровозглашенные румыны. В результате из 30 руководителей министерств и ведомств Республики Молдова остался только один русский. Среди 143 судей, утвержденных Верховным Советом республики, только двое являлись представителями национальных меньшинств. В Прокуратуре

Молдовы сохранили работу лишь трое сотрудников-немолдаван /1/. Серьезный характер приобрели увольнения в среднем звене государственных и административно-хозяйственных органов, а затем и научных учреждениях, высшей школе, в проектных институтах, учреждениях здравоохранения, органах МВД, в средствах массовой информации /2/.

Ряд учреждений науки, культуры, планирования и учета был подвергнут полной или частичной реорганизации с целью смены их персонала. Довольно ярким примером этому может служить бывший Госкомстат Молдавии, где в результате реорганизации из 40 уволенных сотрудников оказалось всего 3 молдаванина, остальные - русскоязычные, среди 25 пониженных в должности - 20 русскоязычных, а 6 человек, получивших повышение, были молдаванами /3/.

Многочисленные увольнения работников нетитульных национальностей прошли в начале 1990-х годов и среди научно-технического и промышленно-производственного персонала, в том числе на известной кондитерской фабрике "Букурия", заводах "Счетмаш", "Сигнал", "Альфа", "Микропровод". Волна увольнений лишила республику множества руководителей научно-исследовательских коллективов, ведущих специалистов. В связи с незнанием государственного языка были уволены, например, главный конструктор НИИ "Аргон" при заводе "Счетмаш", разработчик системы контроля ведения огня, вскоре использованной войсками США в операции "Буря в пустыне", заведующий лабораторией НПО "Виерул", автор технологии знаменитого коньяка "Белый аист" и многие другие /4/.

Русским пришлось потесниться и в сфере хозяйственного управления, где до последних лет они занимали ведущие позиции. Уже с 1989 по 1991 год доля молдаван в составе руководителей (первых лиц) производственных отраслей народного хозяйства, увеличилась с 50% до 53% /5/. По темпам роста за данный период этой группы работников у титульного народа Молдова занимала среди других бывших союзных республик третье место (после Киргизии и Казахстана). Только в 1991 году из 8 директоров кишиневских предприятий союзного подчинения, входивших в

Таблица 1. Русские и молдаване в органах управления Республики Молдова. %

Органы управления	1989 г.		1996 г.	
	русские	молдаване	русские	молдаване
Конституционный суд	-	-	13	80
Верховный суд	22	65	6	89
Генеральная прокуратура	0	48	0	80
Министерство финансов	13	73	17	71
Министерство приватизации			2	96
Министерство промышленности			12	68
Министерство связи и информатики	39	33	9	85
Министерство труда, социальной защиты и семьи	19	59	9	89
Министерство здравоохранения	17	68	4	87
Министерство образования			2	89
Министерство юстиции	20	71	11	81
Министерство транспорта и дорожного хозяйства	38	31	35	51
Министерство коммунального хозяйства и эксплуатации жилого фонда	26	37	16	64
Департамент статистики	36	37	18	71

Таблица составлена по материалам, предоставленным Департаментом статистики Республики Молдова Институту национальных меньшинств Академии Наук Республики Молдова (письмо 10-06-38 от 11.07.1996 г.)

военно-промышленный комплекс СССР, было уволено пятеро - все немолдаване /6/. К середине 1990-х годов русские были вытеснены почти со всех постов в сфере государственного и хозяйственного управления (табл.1). В составе сформированного в начале 1998 г. Правительства Республики Молдова не оказалось ни одного представителя национальных меньшинств, а в новом Парламенте русских было всего 5%, в то время как молдаван и румын - 83%. /7/

Подобная кадровая политика, вполне понятная с точки зрения руководства республики, ее сформировавшейся в недрах народного Фронта национальной элиты, желающих видеть более

широкое представительство людей титульной национальности на ключевых постах экономики и культуры, особенно в период хозяйственного разгосударствления, передела собственности, тем не менее не могла не быть социально и экономически продуктивной, хотя бы уже потому, что уровень образовательной и профессиональной подготовки молдаван оставался гораздо ниже, чем у русских. Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, относительная численность людей с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием в составе русских превышала соответствующий показатель у молдаван по всему занятому населению (городскому и сельскому) в 2 раза, а по городскому - в 1,4 раза /8/.

Кроме того, далеко не все профессии, важные для республики, были востребованы молдаванами, особенно в первые годы кадровых перемен, а многие из тех представителей титульного народа, кто готов был занять освободившиеся после увольнения русскоязычных работников места, не обладали нужным уровнем образовательной и профессиональной подготовки, необходимыми трудовыми навыками. В 1991 году, например, в результате увольнений органы МВД лишились более 25% сотрудников и в итоге в Кишиневе некомплект следователей составил 52% штатной численности. Среди оставшихся четверть не имела высшего образования, свыше 70% были со стажем работы от 1 до 3 лет /9/. К 1993 году в правоохранительных органах республики все еще имелось 2000 вакантных мест, юридическое образование имели лишь 40% личного состава /10/.

Численность персонала, занятого научно-технической деятельностью, сократилась с 1990 по 1994 гг. с 23 тысяч человек до 10 800, а число специалистов-технологов и строителей уменьшилось за этот период с 14 410 до 7355, что побудило Президента Национальной академии наук А.М. Андриеша сказать в своем выступлении в Парламенте Молдовы 2 июня 1995 года: "Если сохранится эта же скорость уничтожения научно-технического потенциала, через четыре года оставшихся специалистов потребуется занести в Красную книгу". /11/. Результаты этнической чистки вынудили вице-премьер-министра И.Т. Гуцу публично признать, что "... самой большой ошибкой

переходного периода было уничтожение государственного аппарата и увольнение профессионалов" /12/.

Сложившаяся ситуация, как видим, носила негативный характер не только с точки зрения интересов местного русского населения, но и государства в целом. К середине 1990-х годов, когда многие задачи становления этнической государственности в Молдове были решены, в том числе и в сфере кадровой политики, и стали сильнее ощущаться негативные последствия оттока из республики высококвалифицированных рабочих и специалистов, а экономическая ситуация продолжала ухудшаться, еще недавнее жесткое давление на негитуйское, особенно русское население, стало менее актуально и пошло на спад. В результате острота проблем в сфере труда и образования русских несколько сгладилась.

Парламент республики принял решение о предварительном обучении работников молдавскому языку перед языковой аттестацией, о сужении круга лиц, подлежащих аттестации, о смягчении предъявляемых к аттестуемым требований в части владения государственным языком. С лета 1994 года сократился поток жалоб на увольнения по национально-языковым мотивам на всей территории республики. В Гагаузии русский язык получил официальный статус наряду с молдавским и гагаузским, было узаконено делопроизводство на русском языке.

В русскоязычной прессе Молдовы все шире стали подниматься проблемы, связанные с экономической ситуацией, а не с национальной ущемленностью. Больше, по сравнению с первой третью 1990-х годов, стало сообщений о выступлениях трудовых коллективов с экономическими требованиями, в том числе по поводу задержек выплаты заработной платы, неполадок с отоплением в производственных помещениях и т.п., а не с жалобами на закрытие русских школ, увольнение русскоязычных работников. Хотя острота национально-языковых проблем к середине 1990-х годов стала отчасти спадать, они еще далеко не ушли с повестки дня, а в середине 1997 года вспыхнули с новой силой. В июле этого года Правительство Молдовы представило в Парламент проект постановления "Об утверждении "Плана мероприятий по изучению государственного языка иноязычными гражданами", "Перечня должностей в Республике Молдова, подпадающих под действие статьи 7 "Закона о функционировании

языков на территории Республики Молдова" и "Способа оценки уровня знаний государственного языка". Согласно этим постановлениям, были обязаны знать государственный язык и "употреблять его как рабочий инструмент в своей деятельности" руководители и члены государственных органов, высшие руководители профессиональных союзов, политических и общественных организаций, руководители хозяйственных и коммерческих единиц, учреждений культуры, образования, здравоохранения, науки, бытового обслуживания, транспорта, связи и т.д. В список людей, от которых требуется знание государственного языка, были включены также работники средств массовой информации, независимо от языка печатного органа, специалисты и служащие всех отраслей народного хозяйства, чья деятельность связана с общением.

Как и в основном Законе "О функционировании языков на территории Республики Молдова", в новых Постановлениях отсутствовала четкая стандартизация языковых требований, не был достаточно детально проработан способ оценки уровня знаний государственного языка, не определен состав будущих экзаменаторов. Важно и то, что и ко второй половине 1990-х годов численность русских, настолько хорошо знающих государственный язык, чтобы не бояться аттестации, увеличилась не слишком значительно.

В конце 1980-х - начале 1990-х годов необходимость изучения молдавского языка осознавалась многими русскоязычными. На языковых курсах, созданных на предприятиях и организациях в 1989 году, изучение молдавского языка носило массовый характер. В 1990-92 гг. их прошли 127,8 тыс. работников. Вместе с тем насильственные методы его внедрения породили, по словам председателя парламентской комиссии по науке, культуре, образованию и СМИ В.Б.Сенника, "обратную реакцию русскоязычного населения, определенная часть которого просто из принципа отказалась изучать язык" /13/. Кроме того, люди видели, что работников увольняют вне зависимости от степени владения языком. "Все это, а также сокращение финансирования, привело к свертыванию сети языковых курсов. Число занимающихся сократилось с 59 тысяч в 1990 году до 39,7 тысяч в 1991 г. и до 29,7 тысяч - в следующем году. В 1993-95 гг. число групп по изучению молдавского языка

сократилось более чем в пять раз, с 1550 до 300. Эффективность массового обучения языку на курсах была невысока" /14/. Тем не менее, к середине 1990-х годов половина из почти миллиона русскоязычных граждан, живущих на Правобережье Днестра, как полагает В.Б.Сенник, в той или иной степени владела молдавским языком /15/.

По мнению доктора педагогики Т.М.Млечко, выраженному ею в статье "Есть у аттестации начало, нет у аттестации конца", в настоящее время в Молдове отсутствует удовлетворительная материальная, научная, учебно-методическая, кадровая база, соответствующая национальной мечте о единственном государственном языке. "Нетитульные" взрослые учатся у своих коллег работать с документацией на государственном языке, платят за составление или перевод тех или иных бумаг; родители будущих абитуриентов тоже платят - репетиторам за частные уроки в преддверии предстоящего собеседования. А в школе государственному языку обучают то по одному и тому же учебнику два года подряд, то по шести книгам на всю академическую группу" /16/. Главное на сегодняшний день, как считает Т.М.Млечко, не шоковая языковая политика, а серьезная, полноценная работа по созданию условий для изменения языковой ситуации в республике. Однако, пока подобная работа еще не ведется и русскоязычное население может ждать новая волна увольнений.

Как считает бывший депутат Парламента Республики Молдова П.М.Шорников, активизация в середине 1997 года языковой политики в Молдове во многом связана с провалом экономического курса власти. "Заняв общественность очередной дискуссией о языковом режиме, инициаторы нового наступления на национальное равноправие надеются расколоть ряды протестующих против политики ограбления и нищеты" /17/.

Иная ситуация складывается в Приднестровье, где после провозглашения ПМР законы Республики Молдова перестали иметь силу. Государственными языками здесь объявлены молдавский, украинский, русский. Делопроизводство, как и раньше, ведется в основном на русском языке, также как и преподавание в вузах и техникумах, хотя абитуриентам предоставляется право сдавать вступительные экзамены на любом

из трех языков по желанию. Благодаря тому, что подавляющее большинство местного населения хорошо знает русский язык, никаких языковых затруднений в сфере труда и образования обычно не возникает. Положение трудящихся в Приднестровье, независимо от их национальной принадлежности, определяется главным образом экономическими факторами.

2.2. Стратегия миграционного поведения

Новые политические реалии начала 90-х годов поставили русское население большинства бывших союзных республик, в том числе и Молдавии, перед выбором: уехать или остаться?

По данным этносоциологического исследования в Молдавии 1993 г., доля потенциальных мигрантов, т.е. тех, кто собирался покинуть место своего жительства и уехать за рубежи республики нынешнего проживания, составила в Правобережной ее части среди горожан 25%, т.е. каждый четвертый русский намерен был в ближайшей перспективе уехать. В Кишиневе доля потенциальных мигрантов была еще выше и составляла среди русских 29%.

Значительно большей была доля тех, кто пока не принял твердого решения об отъезде, но задумывался над этой проблемой: таких среди русских в городах Правобережья оказалось более четырех пятых. В селах Правобережья отмечалась меньшая ориентация на миграцию: потенциальных мигрантов среди сельских русских было немногим более 7% , но тех, кто размышлял о возможности уехать из Молдавии - более половины (52%)(табл. 2,3).

Таблица 2. Русские. Потенциальная миграция - 1(%)

<i>Думаете ли Вы о выезде из Молдавии?</i>	<i>Левобережье</i>		<i>Правобережье</i>	
	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
не думаю	12	48	68	68
иногда	47	41	28	29
очень часто	41	11	4	3
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Таблица 3. Русские. Потенциальная миграция - 2 (%)

<i>Собираетесь ли Вы уехать из Молдавии?</i>	<i>Правобережье</i>		<i>Левобережье</i>	
	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
да, собираюсь	25	7	1	-
нет	17	71	73	69
трудно сказать	58	22	26	31
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Совершенно иная миграционная ситуация наблюдалась в Левобережной части Молдавии, в Приднестровье. Доля потенциальных мигрантов среди русских горожан составила лишь 1%, среди опрошенных сельчан таких не оказалось. Но и в Левобережье русские задумывались над проблемой выезда из республики: немногим более 30% опрошенных как в городе, так и на селе.

Опрос 1996 г. дал уже иные результаты замеров потенциальной миграционной активности русских. Только немногим более 11% кишиневцев высказали намерение уехать из Молдавии, тогда как тремя годами раньше почти 29% русских выражали намерение уехать из столицы государства. Твердое “нет” ответили 46% респондентов, по-прежнему велика была группа тех русских, у кого не сложилось определенного решения о миграции на данный момент: таких было около 42%.

Несомненно, три года, прошедших со времени опроса 1993 года, оказали свое влияние на формирование решения о миграции. Во-первых, определенное количество русских уже покинуло республику; во-вторых, зачастую неудачный опыт миграции других людей заставляет оставшихся задуматься о целесообразности этого шага, более взвешенно оценить преимущества и потери от переезда; в-третьих, уже пять лет, прошедшие со времени распада Союза, дали некоторым русским возможность как-то приспособиться к новым условиям существования; в-четвертых, изменившаяся обстановка в межнациональных отношениях,

во многом обусловленная экономическими трудностями в стране, отодвинувшими межнациональные конфликты на второй план, заставила часть русских изменить свои прежние намерения мигрировать и т.д.

Решение уехать из республики сопряжено с выбором вектора миграции. Большинство русских ориентированы на иммиграцию в Россию, на свою этническую Родину. Так, около 80% русских потенциальных мигрантов из Правобережья Молдавии (как в городе, так и на селе) намерены уехать в Россию (табл.4). Но экономический кризис, растущая безработица в самой России могут трагически отразиться на судьбе этих переселенцев. Необходимо учитывать и сложности социальной, психологической и культурной адаптации русских из ближнего зарубежья к условиям самой России. Иммиграция в Россию - не единственный путь "исхода" русских. Второй путь - эмиграция за рубеж. По данным опроса русского населения Правобережья Молдавии, 8% русских горожан и 5% сельских русских, значительную часть которых составляют высококвалифицированные кадры, были ориентированы на выезд

Таблица 4. Направления возможных перемещений (%)

<i>Куда хотели бы переехать?</i>	<i>Правобережье</i>	
	<i>город</i>	<i>село</i>
Другие районы Молдавии	1	0
Север России	4	7
Центр России	45	44
Юг России	14	0
Урал	3	4
Сибирь, Дальний Восток	4	5
Любые районы России	11	16
Украина	9	14
Другие территории бывшего СССР	1	5
За границу	8	5
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

за границу бывшего Союза, в страны Западной Европы и США. Возможная для России потеря интеллектуального потенциала русских ближнего зарубежья усугубит процессы "утечки умов" и из самой России. Как правило, вынужденные мигранты - это люди молодых возрастов, и отдача от них может быть весьма эффективной, если им предоставляется возможность реализовать свой потенциал. Расходы на обустройство мигрантов могут быть "быстрокупаемыми", и это своеобразный вклад, инвестиция в будущее своей страны. По оценкам специалистов, около 18% прибывших в Россию из ближнего зарубежья имеют высшее образование, 29% - среднее специальное и незаконченное высшее. Это почти в 1,5 раза выше, чем соответствующие показатели по всему занятому населению страны.

Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в 1991-95 гг. составила 520 тыс. человек, в том числе в Германию - 319 тыс., в Израиль - 113 тыс., США - 64 тыс. человек. Доля русских в эмиграционных потоках очень значительна: так, например, в 1995 году среди эмигрировавших в Германию русские составили 23%, среди выехавших в Израиль - 35%, а среди эмигрантов из России в США удельный вес русских достигал 47% /18/.

В 1995 году доля специалистов с высшим образованием в общем потоке выехавших из России на постоянное место жительства в Канаду составила 56%, в Австралию - 51%, Францию - 51%, США - 45%, Швецию - 41%, Израиль - 30% /19/. Только в 1995 году из России эмигрировало 8,3 тыс. человек, входящих в группу работников науки, культуры, искусства, преподавателей вузов и других специалистов, что составляет 11,3% по отношению к общей численности взрослых россиян, выехавших на постоянное место жительства за пределы бывшего СССР. В результате эмиграции страну покидают ученые и специалисты ведущих отраслей экономики. Преимущественно - программисты, химики, электронщики, механики, специалисты по молекулярной биологии, физике твердого тела, прикладной механике, представители перспективных направлений медицинской науки /20/.

Особо значимой становится эта проблема в условиях углубляющихся процессов депопуляции населения в самой России, трагично проявляющихся у русского населения, что может

привести к демографической катастрофе, которую нечем будет остановить. По оценкам специалистов, даже самым оптимистичным, к 2010 году население России достигнет уровня начала 1990-х годов только в том случае, если ежегодный миграционный прирост будет колебаться в пределах 200-400 тыс. человек. Демографический же прогноз для России на 2000-2005 годы предусматривает прирост населения за счет миграции лишь в 120-245 тыс. человек /21/. Миграция русской молодежи в Россию могла бы в определенной степени затормозить эти процессы, изменив в какой-то мере возрастную структуру русского этноса, ибо среди мигрантов в Россию очень велика доля детей. Если в 1995 году в населении России дети до 15 лет составляли 22,5%, а скажем, в Центральном экономическом районе - 19,3%, то среди беженцев из республик бывшего Союза их было 29%/22/. Однако подобная миграция может иметь место только в том случае, если факторы притяжения России, т.е. более высокий уровень жизни, возможности получения образования и работы, материальная поддержка мигрантов будут ощущаться русскими переселенцами в полной мере.

Пока же, как видим из вышеизложенного, миграции из Молдавии не стали ответной реакцией большинства русских на изменение этнополитической ситуации, на реализацию идеи усиления моноэтничности государства. Значительная часть русских Молдавии все же ориентирована на адаптацию. Намерение же русских остаться в стране связано с выбором стратегии выживания в ней:

1) пассивная адаптация к предложенным условиям (овладение языком титульной национальности, принятие предлагаемых социально-профессиональных ролей, системы ценностей и норм поведения титульной национальности и т.п.), ведущая в конечном счете к ассимиляции;

2) активная деятельность, направленная на защиту своих прав и национальных интересов, создание самостоятельной русской общины. Эта деятельность ведет к:

а) интеграции в новое гражданское общество, позволяя изменить условия своего существования в нем и сохранить свою этнокультурную идентичность на основе законов, обеспечивающих равные возможности и взаимную толерантность;

б) созданию автономии или вычленению определенных территорий из состава нового государства, если доминирующая титульная национальность будет оказывать противодействие этнической мобилизации русских.

Как же представляют себе сами русские свою будущность, каким видится им поведение их соотечественников в ближайшей перспективе? По данным опроса 1993 года в Молдавии, 25%-26% русских Правобережья, сельчан и горожан, считали, что большинство их постарается уехать в ближайшие годы. В Левобережье лишь 2%-4% русских видели будущность большинства русского населения Молдавии вне пределов республики. Подавляющее большинство русских Приднестровья связывали будущее русского населения с активной борьбой за свои права и интересы при условии, что русские останутся в республике: почти 67% русских горожан и 53% сельчан имели подобное мнение. В Правобережной Молдавии лишь незначительная часть русских (13% горожан и 20% сельских жителей) видела будущность русских Молдавии на путях борьбы за свои права. В Правобережной части Молдавии существенно большая, по сравнению с Левобережьем, доля русских считала, что русское население выберет иной путь: останется и приспособится к сложившемуся положению. Так, в городах Правобережья имели подобное мнение немногим более 15%, а в селе - 31% русских, в Приднестровье - около 7% горожан и 11% сельских русских (табл. 5).

Интересно было, на наш взгляд, рассмотреть вариативность мнений респондентов о возможном поведении русского населения в зависимости от их социально-демографических характеристик.

Молодежь 18-19 лет Правобережья почти в одинаковой мере полагала, что большинство русских уедет (29%) или приспособится к предложенным условиям (24%). Доминирующее мнение 20-24-летних - отъезд русских из республики (31%). Максимально высокой была оценка возможного отъезда русских у 25-29-летних (42%), что, очевидно, было связано с тем, что эти молодые люди столкнулись с наибольшими трудностями в поисках работы после окончания высших учебных заведений республики. Люди этих возрастов, как правило, уже имеют

собственную семью и проблема ее материального обеспечения (без помощи родителей) становится очень актуальной.

Таблица 5. Представления о миграционном поведении русского большинства в Молдавии (1993 год) (%)

<i>Как, по Вашему мнению поведут себя русские, живущие в Молдавии, в ближайшие годы</i>	<i>Правобережье</i>		<i>Левобережье</i>	
	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
1. Большинство постарается уехать	26	25	4	2
2. Большинство останется, но будет активно бороться за свои права	13	20	67	53
3. Большинство останется и приспособится к сложившемуся положению	15	31	7	11
4. Трудно сказать, все будет зависеть от обстоятельств	43	20	21	33
5. Затрудняюсь ответить	3	4	1	1
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Активная позиция борьбы русских за свои права и интересы наиболее близка людям зрелого возраста, старше 40 лет, а приспособление к предложенным условиям - это в большей мере позиция очень молодых (18-24 года) и уже пожилых (старше 60 лет) людей.

В городах Приднестровья люди самых разных возрастов были более единодушны в своих оценках, отдавая приоритет в жизненных позициях русских активной борьбе за свои права и интересы.

Опрос молдаван Молдавии в 1993 г. показал, что они несколько иначе представляли себе будущность русских в республике. Очень незначительна была доля тех молдаван, кто считал, что русские уедут из республики: 6%-8% в Правобережной Молдавии и немногим более 3% - в Приднестровье. В Правобережье более трети молдаван полагали, что русские выберут путь адаптации, приспособления к новым условиям, в то

время как в Приднестровье более трети молдаван считали, что русские будут активно бороться за свои права и интересы. Необходимо отметить, что очень значительное число молдаван не смогли на момент опроса оценить возможное поведение русского населения, отметив, что все будет зависеть от обстоятельств, от того, как будет развиваться политическая и социальная ситуация в республике.

В исследовании 1996 года подобный вопрос задавался как горожанам, так и группе экспертов, представляющих политиков, ученых, писателей, журналистов, бизнесменов, руководителей крупных предприятий Молдавии. Результаты опроса представлены в табл. 6. Как видно из материалов, оценки русских и молдавских экспертов и горожан близки в своих общих направлениях: и те, и другие будущность большинства русских связывают с адаптацией, приспособлением к сложившейся ситуации. Второе по удельному весу место занимают оценки, связывающие будущность русских с активной борьбой за свои права. Русские и молдавские горожане дают почти равные шансы отъезду большинства русских из республики и активной борьбе за свои интересы. Эксперты же, как русской, так и молдавской национальности, в 2,5-3 раза реже прогнозируют отъезд русских из республики в сравнении с возможностью отстаивания своих интересов в борьбе. В целом же прогнозные оценки поведения русских в Молдавии близки у всех групп опрошенных, связывающих его с ориентацией на Молдавию.

Необходимо отметить, что оценка прожективного поведения русских в очень большой степени обусловлена миграционной установкой самого респондента. Так, среди тех опрошенных, кто сам собирается уехать из Молдавии, в 10 раз чаще, чем у тех, кто решил остаться, встречается мнение, что большинство русских уедет из республики.

В конце 80-х годов, когда по всей стране начали вспыхивать межнациональные конфликты и резко усилился отток русских из ряда союзных республик, обнажились и стали наиболее рельефно проявляться те сложные социально-этнические противоречия, которые зародились и начали развиваться еще в предыдущие десятилетия. К началу 90-х годов обозначился ряд новых факторов - политических, социально-экономических, культурно-языковых, психологических, провоцирующих

дальнейшее ухудшение положения русских. В качестве одной из важнейших встала проблема определенного ущемления прав и интересов русских, резкое усиление межнациональной напряженности.

Таблица 6. Представления о миграционном поведении русского большинства в Молдавии (1996г., %)

<i>Как, по Вашему мнению, поведут себя русские, живущие в Молдавии, в ближайшие годы</i>	<i>Русские</i>		<i>Молдаване</i>	
	<i>Горожане</i>	<i>Эксперты</i>	<i>Горожане</i>	<i>Эксперты</i>
	1. большинство постарается уехать	10	10	16
2. большинство останется, но будет активно бороться за свои права	12	24	14	27
3. большинство останется и приспособится к сложившемуся положению	38	52	30	60
4. трудно сказать, все будет зависеть от обстоятельств и затруднились ответить	40	14	40	5
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Этнодемографическое равновесие в Молдавии последнего столетия (до 80-х годов XX века) без существенного изменения (повышения или понижения) веса и роли той или иной этнической составляющей в населении республики, создавало определенные предпосылки стабильности межэтнических отношений на этой земле. Распад Советского Союза и образование независимого государства Молдовы, как впрочем и создание из бывших союзных республик ряда суверенных госу-

Таблица 7. Оценка русскими изменений в отношениях к ним в Молдавии, 1993 год

<i>Изменилось ли отношение к русским в Молдавии после того, как она стала независимым государством?</i>	<i>Правобережье</i>		<i>Левобережье</i>	
	<i>Город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
<i>а) на уровне органов власти</i>				
Заметно улучшилось	0	-	1	0
Несколько улучшилось	1	1	-	3
Не изменилось	2	7	2	1
Несколько ухудшилось	19	53	5	14
Заметно ухудшилось	76	31	92	79
Затруднились ответить	2	8	0	3
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
<i>б) на бытовом уровне</i>				
Заметно улучшилось	0	-	1	2
Несколько улучшилось	0	2	1	3
Не изменилось	18	32	52	63
Несколько ухудшилось	39	41	27	22
Заметно ухудшилось	41	22	19	10
Затруднились ответить	2	3	0	0
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

дарств, т.е. мощные геополитические факторы, привели в движение всю эту сравнительно устоявшуюся систему отношений. Гражданский конфликт, переросший затем в вооруженное столкновение 1992 года, повлекшее за собой территориальный раскол республики, породил, а затем и углубил взаимонепони-

Таблица 8. Оценка изменений в отношениях к русским в Молдавии, 1996 год

<i>Изменилось ли отношение к русским в Молдавии после того, как она стала независимым государством?</i>	<i>Правобережье .Город</i>	
	<i>Русские</i>	<i>Молдаване</i>
	<i>а) на уровне органов власти</i>	
Заметно улучшилось	1	1
Несколько улучшилось	1	2
Не изменилось	4	34
Несколько ухудшилось	26	27
Заметно ухудшилось	64	19
Затруднились ответить	4	17
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
	<i>б) на бытовом уровне</i>	
Заметно улучшилось	0	0
Несколько улучшилось	1	2
Не изменилось	19	31
Несколько ухудшилось	51	36
Заметно ухудшилось	24	17
Затруднились ответить	5	14
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

вание и разобщенность в обществе, ущемление прав национальных меньшинств.

По данным упомянутого выше этносоциологического исследования 1993 г., русские отмечали изменения, происшедшие в межнациональных отношениях в республиках их проживания в течение последних лет. Так, ухудшение отношения к русским на властном уровне отметили от 84% до 96% русских в разных районах Молдавии; а ухудшение межнациональных отношений людей в повседневной, обыденной жизни наиболее остро

почувствовали русские в Правобережье: от 63% до 80% русских в селе и городе отметили это ухудшение, в Левобережной части Молдавии таких оказалось в два раза меньше - от 32% до 45% (см.табл.7). Опрос горожан в 1996 г. показал примерно те же результаты: ухудшение отношения к русским на властном уровне отметило около 90% русских, а на бытовом уровне - немногим менее 75% (табл. 8).

Конкретным проявлением негативных изменений межнациональных отношений является ощущение ущемленности своего национального достоинства. По данным наших опросов, русские Правобережья в два раза чаще, нежели жители Приднестровья, отмечали, что испытывали подобные чувства в последнее время (см.табл.9). Пессимистично оценивали русские и перспективы развития межнациональных отношений в будущем: надеялись на их улучшение лишь от 3% до 15% русских в разных районах Молдавии, предвидели дальнейшее ухудшение этих отношений 15%-30% русских в Приднестровье и 36%-44% - в Правобережной Молдавии (см.табл.10).

Таблица 9. Мнения русских об ущемлении их национального достоинства в Молдавии (%)

<i>Приходилось ли Вам за последние годы испытывать ущемление чувства собственного достоинства из-за своей национальности?</i>	<i>Правобережье</i>		<i>Левобережье</i>	
	<i>Город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
Да, чувствовали	61	38	34	32
Нет	31	36	57	61
Затруднились ответить	8	26	9	7
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Но, видимо, в Правобережной Молдавии наметились некоторые тенденции к изменению в межнациональных отношениях. Опрос 1996 г. показал, что доля лиц, пессимистично оценивающих будущее межнациональных отношений,

снизилась до 27%, а тех, кто надеялся на их улучшение, стало заметно больше - 20%.

Таблица 10. Оценка русскими характера изменения национальных отношений в Молдавии в будущем (%)

<i>Как будут меняться национальные отношения в Молдавии в будущем?</i>	<i>Правобережье</i>		<i>Левобережье</i>	
	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
Отношения улучшаться	15	3	9	15
Отношения ухудшатся	36	44	31	15
Останутся без изменения	9	17	8	9
Затруднились ответить	40	36	52	61
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Ощущение русскими ухудшения межнациональных отношений в республике их проживания коррелирует с оценками представителями титульной национальности последствий возможного выезда русских из Молдавии. Так, среди молдаван Правобережья в 5 раз больше, чем среди русского населения, положительных оценок последствий выезда русских из республики, и в 3 раза меньше тех, кто видит отрицательные результаты этого выезда для Молдавии (табл.11).

Обострение межнациональных отношений в республике в первой половине 1990-х годов в значительной мере проявилось и в мотивации потенциальной миграции русских. Вследствие этого этнические факторы миграции выдвинулись на одно из первых мест. В 1994 г., по сравнению с данными единовременного выборочного обследования причин миграции, проведенного Госкомстатом России совместно с МВД РФ в конце 1991 г., в 1,8 раза (с 8,3% до 15%) возросла доля респондентов, сменивших за этот период место жительства по причине обострения межнациональных отношений, включая требование обязательного владения языком титульной национальности /23/.

Таблица 11. Оценка последствий возможного выезда русских из Молдавии (%)

<i>Как Вы оцениваете последствия для Молдавии массового выезда русского населения?</i>	<i>Русские</i>		<i>Молдаване</i>	
	<i>Правобережье</i>		<i>Правобережье</i>	
	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
Положительно	7	5	36	25
Отрицательно	75	85	23	38
Зависит от состава уезжающих	15	6	31	32
Другое мнение	0	0	4	2
Трудно сказать и нет ответа	3	4	6	3
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

По данным этносоциологического исследования в Молдавии в 1993 г., ухудшение межнациональных отношений в качестве причины возможного отъезда из республики занимало второе место. А первое по удельному весу место среди названных русскими причин возможного отъезда из Молдавии занимал мотив "принятие законов, ущемляющих права русских": от 56% до 67% в разных районах республики (табл.12). И среди них один из наиболее значимых - закон о языке.

Незнание большинством русских языка титульной национальности (так, по данным нашего исследования, от 41% до 67% русских в городах Молдавии вообще не говорят на молдавском языке, в селе от 19% в Правобережной части до 42% в Приднестровье) в новой для них политической и социальной ситуации в республике стало мощным выталкивающим фактором: многие русские предпочитали уехать из республики, нежели заняться изучением государственного языка.

И, видимо, не случайно иерархия мотивов возможного переезда русских из Молдавии, по данным опроса 1996 г., выглядит иначе, чем в 1993 г. Состояние межнациональных отношений не является сегодня острейшей проблемой Молдавии, а если этноконфликтные тенденции и существуют, то не столько на

уровне взаимоотношений отдельных личностей, сколько на уровне отношений между обычными людьми и “властью”. На первое место переместились мотивы, связанные с невозможностью продолжить образование (свое и детей) - 34 %, и опасностью безработицы - 24 %, которая разделяет 2 и 3 места в ряду причин миграции с принятием законов, ущемляющих права и интересы русских в республике.

Таблица 12. Что заставляет думать об отъезде? (%)

	<i>Русские. Правобережье.</i>		
	<i>1993 год</i>		<i>1996 год</i>
	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>
1. ухудшение межнациональных отношений	50	27	10
2. принятие законов, ущемляющих права русских	56	67	24
3. ущемление национального достоинства русских	42	14	15
4. распад СССР	14	5	15
5. неустойчивое экономическое положение	27	9	20
6. безработица	30	4	24
7. рост цен	17	1	7
8. невозможность решения жилищной проблемы	8	-	5
9. невозможность получения образования	42	11	34
10. угроза физической расправы	14	-	7
11. другое	3	-	5

Несмотря на принятые в Конституции (1994 год) и Законе об образовании (1995 год) права выбора родителями языка обучения своих детей, разрушение школьного образования на русском языке в Молдавии, сужение возможностей его получения продолжается. В русских школах открываются молдавские классы, таким образом эти школы превращаются в русско-молдавские, в которые затем запрещают набор в младшие классы

с русским языком обучения, а позднее их преобразовывают в молдавские школы. С 1992/93 по 1995/96 учебный год число русских школ сокращено с 311 до 278. Только за 1995/96 учебный год число учащихся русских школ в Молдове сократилось со 164 тыс. в 1994/95 году до 130 тыс./24/.

Сокращаются возможности получения образования на русском языке не только в школах, но и средних и высших специальных учебных заведениях; в средних специальных учебных заведениях прекращено обучение на русском языке по самым престижным специальностям, в Вузах обучение на русском языке в основном платное.

2.3. Потенциальные мигранты и “стабильные” русские

В данном параграфе имеет смысл более подробно представить различия между русскими потенциальными мигрантами и стабильным русским населением в их социально-демографической структуре, политических, экономических и культурных ориентациях, степени удовлетворенности различными сторонами их жизни, их этнопсихологических установках и т.п. При этом особое значение имеет анализ названных групп русского населения по их социально-демографическим характеристикам. Среди русских потенциальных мигрантов в Молдавии преобладают мужчины, что типично практически для всех исследованных регионов. Возрастная структура потенциальных мигрантов более “молодая”, нежели у “стабильных” русских: среди них существенно выше доля молодежи (до 30 лет) - соответственно 26% и 17%; несколько ниже удельный вес лиц активного трудоспособного возраста (от 30 до 50 лет) - соответственно 37% и 45%.

С возрастной структурой группы тесно связано и семейное положение ее членов. Так, например, среди потенциальных мигрантов отмечена наряду с преобладанием молодежи и более высокая доля людей, еще не вступавших в брак .

Отличительной особенностью потенциальных мигрантов является повышенная доля лиц с незаконченным средним образованием в сравнении со стабильными русскими (соответственно 11% и 1%). Что касается социально-

профессионального статуса, то среди потенциальных мигрантов несколько больше, чем у стабильных жителей, лиц, занятых неквалифицированным физическим трудом (соответственно 11% и 3%); следует отметить, что высококвалифицированных рабочих среди потенциальных мигрантов гораздо меньше (соответственно 22% и 36%).

Одним из наиболее интересных структурных показателей, определяющих ту или иную установку или ориентацию, необходимо признать хронологический фактор, т.е. продолжительность проживания в той или иной этноконтактной среде, ибо именно этот фактор существенно влияет на изменение социально-культурных характеристик человека, адаптацию русских мигрантов к инонациональному окружению. В Молдавии среди "стабильных" русских в два раза больше, нежели у потенциальных мигрантов, доля уроженцев этих мест (соответственно 39% и 20%). У потенциальных мигрантов значительна доля тех, кто живет в Молдавии менее 10 лет (18%), тогда как среди стабильных русских она составляет лишь 5%. В целом же среди стабильных жителей 85% живут в Молдавии 20 лет и более или родились на этой земле, в то время как у потенциальных мигрантов аналогичная группа лиц едва превышает половину (55%).

Потенциальные русские мигранты в массе своей (более 3/4 уроженцев) являются уроженцами в первом поколении, чьи родители приехали в Молдавию главным образом после войны. Стабильные же русские, те из них, кто родился в Молдавии, это уроженцы во втором, третьем и более раннем поколении. Свыше 40% этих уроженцев являются ими в четвертом и более ранних поколениях, чьи предки еще в XIX веке переселились в Молдавию. Естественно, что эти люди более уверенно ориентированы на жизнь в Молдавии, нежели на отъезд из республики, ибо они более полно включены в систему ее социальных и культурных связей, ими в большей мере усвоены наиболее характерные элементы менталитета местного населения и традиционного образа жизни, типичного для Молдавии. Наконец, среди них выше удельный вес лиц, свободно владеющих языком титульной нации. Так, по данным наших исследований, среди стабильных русских каждый четвертый назвал Молдавию своей Родиной, в то время как среди потенциальных мигрантов таких оказалось

лишь около 1%. Очевидно, что для социально-психологической адаптации русского населения к той или иной иноэтнической среде важным условием выступает знание русскими молдавского языка. Результаты проведенных нами опросов ярко свидетельствуют об этом. Так, среди стабильных русских 9% думают и свободно говорят по-молдавски, и лишь 32% совсем не говорят на молдавском языке. В то же время у потенциальных мигрантов лишь около 3% думают и свободно говорят по-молдавски, а число не говорящих на молдавском языке достигает 43%.

На миграционную установку человека, живущего в иноэтнической среде, значительное влияние оказывает формирование им связей и отношений с окружающими микрогруппами, состоящими из земляков, родственников, друзей из числа лиц иной национальности. У русских потенциальных мигрантов подобные связи менее значительны, чем у стабильных русских. Так, у 43% потенциальных мигрантов есть родственники и у 84% есть друзья среди молдаван. У стабильных русских аналогичные показатели составили 54% и 95%.

Особенно ярко проявилась взаимосвязь миграционных установок русских с национальностью супруга(супруги). Среди потенциальных мигрантов, состоящих в браке, только у 5% супруги-молдаване, в то время как у стабильных русских в подобных браках состоит 30% опрошенных.

Помимо названных выше социально-демографических и этнических диспозиций опрошенных, на их миграционную установку значительное влияние оказывают и некоторые другие условия. Таковым, в частности, является жилищный фактор, играющий в данном случае немалую роль. Потенциальные мигранты в целом существенно хуже обеспечены жильем, среди них почти 18% вынуждены жить в общежитиях и снимать квартиры, еще 6% опрошенных живут в коммунальных квартирах. У стабильных русских подобные показатели составили соответственно 7% и 1%. Кроме того, потенциальные мигранты, имеющие собственную жилплощадь, живут в гораздо более стесненных условиях, нежели стабильные русские: практически половина из них имеет менее 9 квадратных метров жилплощади на 1 члена семьи, в то время как у стабильных жителей в подобных условиях живет лишь треть опрошенных.

В 1991 году после распада СССР, когда 25 млн. русских оказались жителями 14 независимых государств, строящих свою будущность, исходя из концепции этноцентризма, приоритета титульной нации, одной из острейших стала проблема этнической дискриминации и борьбы с ущемлением прав и интересов русских, резкое усиление межнациональной напряженности. Принятые в Молдавии законы определенным образом осложнили положение русского населения, заставив его почувствовать себя незащищенным национальным меньшинством во враждебном к ним государстве. Так, по данным наших опросов, мнения русских разделились практически пополам: немногим более половины опрошенных (51%) считают, что их права совершенно не защищены, остальные полагают, что в той или иной степени эта защита присутствует. Ощущение правовой защищенности сильно дифференцировано у русских потенциальных мигрантов и стабильных жителей. Так, среди тех, кто собирается уехать, не оказалось лиц, которые посчитали свои права полностью защищенными. 37% мигрантов считали, что эти права хоть в какой-то степени защищены и 63% чувствовали полную правовую незащищенность. У стабильных русских ощущение правовой защиты было несколько иным: почти 11% из них полагали, что их права полностью защищены; 54% ответили, что права защищены в какой-то мере и лишь 31% стабильных русских отрицали всякую правовую защищенность (а это в два раза меньше, чем у потенциальных мигрантов).

Мнения потенциальных мигрантов и стабильных русских были различны и по вопросу о том, кто должен выступать защитником их интересов в Молдавии. Потенциальные мигранты полагали, что основными защитниками должны выступать Парламент и Правительство России (87%). Второе место они отдают Парламенту и Правительству Молдавии (58%), а 3-5 места с практически равными весами отданы общественным движениям русского населения в Молдавии, России и мировому сообществу (34% - 31%). Стабильные русские ориентированы в большей степени на помощь и защиту в первую очередь Парламента и Правительства Молдавии (76%), затем Парламента и Правительства России (49%). На третьем месте в роли защитника

своих прав и интересов стабильные русские видят общественные движения русского населения Молдавии (33%).

Но полагаясь на защиту своих прав и интересов со стороны властных ветвей Молдавии и России, русские считают необходимым вести активную самостоятельную борьбу за свои права и интересы, не ущемляя при этом интересы молдаван и других жителей Молдавии. И в этом мнения как потенциальных мигрантов, так и стабильных русских совершенно совпадают (91% - 96%). Различия наблюдаются только в вопросах о наиболее приемлемых формах этой борьбы. Стабильные русские наиболее эффективным считают активное участие в выборах депутатов всех уровней - от Парламента до сельского совета (74%). Потенциальные мигранты отдают предпочтение этнической мобилизации путем создания сети общественных организаций русского населения по всей Молдавии (77%), стабильные же русские в два раза реже (36%) выбирают эту форму борьбы за свои права и интересы. Русские потенциальные мигранты гораздо чаще, нежели стабильные русские, в качестве одной из форм этой борьбы называют участие в митингах, пикетах и демонстрациях (соответственно 16% и 8%).

Немалые надежды на изменение своего положения в Молдавии русские связывают с поддержкой России. Русское население, как и следовало ожидать, справедливо полагает, что Россия не должна оставаться безучастной к их судьбе. Так, по данным опроса в Молдавии в 1993 и 1996 гг., 95% - 96% русских считают, что Россия, как правопреемница СССР, должна защищать русских, живущих в странах ближнего зарубежья. Но делает ли это Россия реально? Судя по материалам опроса 1996 г., лишь 3% русских Молдавии считают, что Россия их защищает, еще 33% русских полагают, что она недостаточно делает для этого, а 58% из них вообще не видят усилий и реальных шагов России по защите своих соотечественников, живущих в странах ближнего зарубежья. И здесь различия между потенциальными мигрантами и стабильными русскими очень незначительны.

Россия, в самом деле, пока предпринимает мало усилий для решения сложнейших проблем спасения жизни, защиты достоинства и чести своих соотечественников, избавления их от страха за свою жизнь, будущее своих детей. Сами же русские, как

показывают данные исследований, представляют себе возможное участие в их судьбе следующим образом. Русские Правобережья Молдавии (до 3/4 опрошенных) наиболее приемлемым считают политико-правовой аспект решения этой проблемы: заключение двусторонних соглашений по защите прав русского населения между Россией и Республикой Молдова. Второе место в средствах такой защиты русские отводят оказанию помощи желающим уехать из Молдавии, вынужденным мигрантам и беженцам, а третье - применению Россией экономических и политических санкций к РМ в случае нарушения прав русского населения в республике. И в этих вопросах русские потенциальные мигранты и стабильные жители проявляют заметное единство взглядов.

В первые годы существования молодого независимого государства Молдовы, когда Народный фронт пришел к власти и его идейно-политическая платформа стала основой официальной идеологии государства, когда наряду с возвеличиванием всего румынского официальными властями стала открыто допускаться и проявляться русофобия, когда началась массовая кадровая чистка в министерствах, учреждениях и на предприятиях по национальному признаку, русские остро почувствовали ущемление своих национальных прав, интересов, своего национального достоинства. По итогам исследования 1993 года, среди потенциальных мигрантов группа лиц, испытавших ущемление своего достоинства из-за национальной принадлежности, была в полтора раза больше, чем у стабильных русских (соответственно 67% и 41%). Русские остро почувствовали и изменения в межнациональных отношениях в республике. Ухудшение отношения к русским на властном уровне отметили практически 100% потенциальных мигрантов, на бытовом уровне - 92%, у стабильных же русских эти показатели были соответственно 81% и 53%.

Пессимистично оценивали русские и перспективы развития межнациональных отношений в будущем. При этом среди потенциальных мигрантов оптимистов было в три раза меньше, нежели среди стабильных жителей (соответственно 10% и 30%).

Решение русскими вопроса - уехать или остаться, во многом связано с ситуацией в сфере труда. Недовольство работой, ее

условиями и оплатой, боязнь увольнения, ощущение неравноправия из-за этнической принадлежности или незнания государственного языка нередко вынуждают работников не титульных национальностей переквалифицироваться или же искать новые сферы для приложения своей рабочей силы, в том числе за пределами республики нынешнего проживания.

Исследования 1993 и 1996 г. в Правобережной Молдавии продемонстрировали четкую связь миграционных установок русских со степенью удовлетворенности их своей работой. Так, в 1993 г. среди людей, ответивших твердое «да» на вопрос об отъезде из Республики Молдова, полностью довольных работой оказалось менее трети (31%) респондентов, среди же тех, кто уезжать не собирався - более половины (51%). Напротив, доля людей, которых работа совершенно не устраивала, была заметно больше в первой группе респондентов - 29%, нежели во второй - всего 6%.

К середине 1990-х годов в связи с дальнейшим углублением экономического кризиса в республике, сопровождающегося ухудшением условий труда, сокращением размеров реальной заработной платы, вынужденными отпусками работников и т.п., уровень удовлетворенности трудом у всего русского (как, впрочем, и молдавского), населения заметно снизился. Тем не менее отмеченные выше закономерности в основном сохранились. Индекс удовлетворенности работой /25/ у русских, ответивших, что не собираются уезжать, упал с 0,446 до 0,289, но остался выше по сравнению с аналогичным показателем в группе людей, пожелавших уехать, который уменьшился с 0,024 до 0,001.

У большинства русского городского населения Правобережной Молдавии были весьма пессимистичными и представления о перспективах развития своей трудовой деятельности. Хотя в 1996 г., по сравнению с 1993 г., доля людей, надеявшихся на улучшение ситуации в сфере труда, несколько возросла, тем не менее относительная численность ожидавших негативных изменений на работе и среди потенциальных мигрантов, и среди русских, намеренных остаться, «перевешивала» долю тех, кто оценивал возможные перемены положительно. В то же время мнения русских, решивших не уезжать из Молдавии, относительно перспектив своей работы имели существенные особенности.

Эта группа отличалась наибольшей долей уверенных в стабильности своего положения. В 1993 г. 37% ее представителей считали, что никаких изменений у них на работе не произойдет, в 1996 г. (по материалам опроса кишиневцев) - 31%. Оба эти показателя были выше, чем у потенциальных мигрантов: соответственно 12% в 1993 г. и 1% в 1996 г. И в 1993 г. и в 1996 г. русские, намеренные остаться в Молдавии, чаще, чем потенциальные мигранты, говорили о том, что увольнение с работы им не грозит или скорее всего не грозит: в 1993 г. - 27%, в 1996 г. - 34%.

Для тех же людей, кто собирался уехать, угроза потери работы имела принципиальное значение, выступая, как один из важнейших стимулов к отъезду. Причем среди них доля высказавших надежду на то, что их не уволят, с годами заметно падала: в 1993 г. такого мнения придерживалось 22%, а в 1996 г. - лишь 9%. Ожидали же увольнения (с той или иной долей вероятности) в 1996 г. 64% потенциальных мигрантов (среди стабильных жителей - 45%).

Результаты исследования 1993 г. позволили выявить, что в этот период именно русские, желающие уехать из Молдавии, наиболее часто жаловались на факты этнического неравноправия в трудовой сфере. 53% потенциальных мигрантов, назвали в качестве причины возможного увольнения с работы свою принадлежность к нетитульной национальности. Даже такой фактор, как незнание или плохое знание государственного языка, был упомянут ими в 2, а экономические причины - в полтора раза реже.

Среди русских, высказавших готовность остаться, первое место в ряду причин возможного увольнения уже в то время занимали экономические и языковые (примерно равное число выборов в пределах 40%-48%). Этническая принадлежность, как повод для увольнения, была названа заметно меньшей долей респондентов (чуть более 20%).

В 1996 г. экономические факторы возможной потери работы, судя по опросу кишиневцев, заняли лидирующие позиции у всех опрошенных: их назвало от 60% респондентов. Даже для русских, намеренных уехать, этнический фактор, в качестве повода увольнения, утратил свое значение. Тем не менее и в 1996 г. его назвали более четверти русских кишиневцев, собирающихся

покинуть Молдавию. Перестав быть непосредственным мотивом для увольнения, принадлежность работника к нетитульной национальности продолжала служить существенным тормозом в продвижении человека по службе, в устройстве на работу в элитные сферы, получении специального образования. Среди потенциальных мигрантов, например, оказалась довольно высокой доля людей, ощутивших конкуренцию со стороны молдаван на своей работе (46%). Около 70% среди них считали, что молдаване имеют преимущества при занятии более престижных, высокооплачиваемых должностей, а также при поступлении в Вузы.

Следует, однако, отметить, что и русские, решившие остаться, отнюдь не считали себя «застрахованными» от возможных этнических ущемлений. Почти половина из них признавала свою национальную принадлежность фактором, затрудняющим служебное продвижение, более 40% ощущали конкуренцию со стороны молдаван на своей работе и более 60% были уверены, что молдаване имеют преимущества при занятии престижных, высокооплачиваемых должностей. Представители этой группы вполне осознавали, что остаются жить в Республике Молдова в условиях далеко не равных с молдаванами, но тем не менее сделали выбор в пользу этого государства, предоставившего им достаточно стабильную (по их оценкам) и более или менее удовлетворяющую их работу.

Таким образом, к середине 1990-х годов этническая дискриминация в сфере труда в Республике Молдова в той или иной мере еще продолжала ощущаться русскими и была, вероятно, одной из причин, заставлявших многих задумываться о возможном выезде из этого государства. Но все же роль этноязыковых факторов стала снижаться и у стабильных русских, и у потенциальных мигрантов. Так, хотя требования к уровню владению работниками государственным языком продолжали сохраняться, за время между исследованиями 1993-96 гг. русские потенциальные мигранты не стали чаще ссылаться на свое незнание или плохое знание государственного языка, как на возможный повод для увольнения с работы. Однако важность владения молдавским языком осознавалась многими русскими, особенно стабильными жителями, то есть людьми готовыми жить и работать в Молдавии.

В этой связи представляется важным, что в 1996 г. 54% русских, твердо решивших не уезжать, отвечая на вопрос о путях возможного развития трудовой деятельности местной русской молодежи, посоветовали русским юношам и девушкам активнее осваивать язык и культуру молдаван, чтобы иметь равные шансы с последними в социальном росте. В группе потенциальных мигрантов подобное мнение не поддержал никто.

Тем не менее, как видно, далеко не все русские, даже твердо решившие остаться в Молдавии, считали столь уж необходимым более полное включение местной русской молодежи в молдавскую культуру. Мало того, по сравнению с 1993 г., доля респондентов из группы стабильных жителей, поддержавших подобное мнение, судя по опросу кишиневцев, снизилась более чем в 1,3 раза. В определенной мере это было связано с некоторым смягчением национально-кадровой политики в Молдове. Но немаловажную роль, видимо, сыграло и то обстоятельство, что многие русские были еще просто не готовы или не согласны признать нужным для себя и своих детей изучение языка и культуры титульного народа, в отличие, например, от русского населения государств Балтии.

Согласно данным исследования 1996 г., более 40% русских Кишинева, намеренных остаться в Молдавии, видели трудовое будущее местной русской молодежи вне молдавского языка и культуры. Представители этой группы, в частности, советовали русским юношам и девушкам основать собственное дело, заняться частным предпринимательством, в отношении которого влияние национально-кадровой политики государства заметно слабее, освоить профессии физического труда, в которых не столь необходимо знание государственного языка и даже уехать из Молдавии. Русские, твердо намеренные уехать, проявили в этом вопросе большее единодушие. Основная масса их (85%) считала, что лучшим вариантом для местной русской молодежи было бы устройство своей трудовой судьбы за пределами Молдавии.

Вполне понятно, что большинство русских, готовых покинуть Молдавию, связывали с отъездом и решение своих собственных трудовых проблем. Так, например, в случае увольнения с работы более 90% из тех, кто выразил желание

уехать (по данным 1996 г.), ориентировались только на переезд, не собираясь предпринимать никаких активных усилий даже для временного трудоустройства в Молдавии.

Среди респондентов, решивших остаться, 40% были готовы в случае увольнения со своей нынешней работы заняться любой другой, нужной в данный момент в республике. Хотя, как мы видели, многие русские из этой группы были удовлетворены своей работой и надеялись на стабильность своего служебного положения, тем не менее довольно заметная часть их находилась, можно сказать, в постоянной «боевой» готовности и даже была согласна на определенные уступки и самоограничения в трудовой сфере. И это обстоятельство несомненно должно было бы помочь русским в процессе их социальной адаптации в Молдавии.

Однако подобные установки имели далеко не все стабильные русские. Почти такая же их доля (39%) намеревалась в случае увольнения искать работу по своей или близкой к ней специальности (остальные затруднились ответить на данный вопрос). Если учесть, что почти 60% русских, решивших остаться, по данным нашего исследования 1996 г., было занято умственным трудом, спрос на который значительно упал (особенно на работников нетитульной национальности), можно предположить, что перед этой частью русского населения встанут достаточно серьезные проблемы.

Следует заметить также, что сам факт увольнения с работы не подтолкнул никого из русских, намеревавшихся остаться, к изменению подобного решения. Никто из них даже в этом случае не высказал намерения уехать.

Рассматривая возможные пути трудоустройства русских, решивших остаться в Молдавии, следует учитывать довольно высокие социальные запросы последних, имевшие к тому же тенденцию к росту. Лишь весьма небольшая часть респондентов советовала местным русским юношам и девушкам шире осваивать рабочие профессии. На вопрос же анкеты о том, в каких профессиях наиболее целесообразно использовать труд русских в Молдавии (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов), 50% русских, намеренных остаться, по данным опроса 1993 г. и 71% в 1996 г. назвали профессии специалистов, соответственно - 40% (1993 г.) и 42% (1996 г.) отметили профессии

квалифицированных рабочих и 16% и 25% - должности руководителей.

Группа потенциальных мигрантов оценивала возможные социальные позиции русских в Молдавии более скромно. Может быть потому, что сами представители данной группы не собирались жить и работать в этом государстве, а судьба остающихся представлялась им не слишком радужной. Так, за рабочие профессии для русских высказалась среди них такая же доля респондентов, как и за профессии специалистов (38%) (по данным опроса 1996 г).

Тем не менее, нельзя не отметить, что многие русские, возможно и те, кто был готов в нынешней непростой ситуации на определенные самоограничения в трудовой сфере, в перспективе вряд ли захотят смириться со значительным снижением своей социальной роли, согласятся остаться людьми «второго сорта», отстраненными от участия в управлении, в престижных сферах деятельности. Об этом, в частности, свидетельствуют и ответы респондентов на вопрос о том, в каких отраслях экономики они предпочли бы работать, динамика их отраслевых предпочтений.

Общим явлением для всех групп русских было нежелание работать в промышленности, особенно в тяжелой, переживающей сейчас не лучшие времена не только в Молдавии, но и в России. Меньше всего доля людей, согласных работать в промышленности, оказалась в группе «остающихся» - 10%, среди решивших уехать их было в 2 раза больше. Русских, решивших остаться в Молдавии, отличала и наиболее высокая доля желающих заняться торговлей и обслуживанием - 21% (среди потенциальных мигрантов - 16%), что было в 2 раза больше доли людей из этой группы, реально занятых в данных отраслях. Почти треть стабильных жителей отдала предпочтение отраслям просвещения, здравоохранения, науки, культуры, что было в полтора раза больше доли респондентов, работающих в данных отраслях.

Подобные отраслевые предпочтения русских, намеренных остаться, с одной стороны, вполне отвечали «духу времени», свидетельствуя о реалистичном подходе немалой части представителей этой группы к социально-экономической ситуации в республике, о готовности их к социальным перемещениям в связи

с переходом на рыночную экономику, кардинальной смене сфер деятельности, в том числе на те, которые в нынешних условиях могли предоставить относительно высокий уровень жизни и стабильность в работе (торговля, обслуживание, посреднические услуги). С другой стороны, заметный рост претензий (в 1996 г. по сравнению с 1993 г. в 2 раза) на занятия в отраслях просвещения, здравоохранения, науки, культуры, искусства вряд ли можно назвать перспективным.

Повышение социальных запросов стабильных русских явилось результатом их реакции на ослабление этнической дискриминации в трудовой сфере. Однако, вполне вероятно, что при тех или иных переменах в политических, экономических и социально-культурных условиях в этом государстве, мнения многих представителей данной группы, достаточно динамичной в своих оценках и ориентациях, могут вновь измениться.

В связи с этим важно отметить, что, судя по отраслевым предпочтениям русских, намеренных остаться, и молдаван их интересы особенно остро могут столкнуться помимо интеллектуальных сфер деятельности в отраслях торговли и обслуживания, в то время как в материальном производстве между ними не должно быть особой конкуренции. Явно недостаточная и среди молдаван (16%), и среди русских, намеренных остаться в Молдавии (10%), доля людей, согласных работать в промышленных отраслях, являющихся, несмотря на все сложности переходного периода, важнейшей составной частью экономики республики, диктует необходимость более бережного отношения к тем слоям местного населения, которые были бы согласны работать в данной сфере.

Картина отраслевых предпочтений русских из группы потенциальных мигрантов была еще более далека от реальности, нежели стабильных русских. Почти 40% людей, намеренных уехать, хотели бы работать в сферах просвещения, здравоохранения, науки, культуры. Реально же в этих отраслях было занято (по материалам нашего кишиневского исследования 1996 г.) всего 23% представителей данной группы. Вряд ли и на новом месте жительства русские, собирающиеся покинуть Молдавию, смогут найти работу, полностью соответствующую их интересам.

Довольно заметно различались представления потенциальных мигрантов и стабильных русских по поводу проводимых в Республике Молдова экономических реформ и своего участия в рыночных отношениях. Так, те русские, которые были твердо намерены остаться в Молдавии, оценивали переход к рынку в республике почти так же, как молдаване. Положительные оценки этому процессу выявились у 54% русских из группы стабильных жителей и 55% молдаван (по данным опроса кишиневцев 1996 г.). Среди же потенциальных мигрантов позитивно оценили рыночные реформы в Молдавии лишь 39%. В этой последней группе доля людей, настроенных категорически против рынка, была почти в 3 раза больше по сравнению с группами «остающихся». Примерно в том же соотношении распределялись мнения представителей этих групп по поводу деятельности коммерческих организаций.

Различное отношение потенциальных мигрантов и стабильных жителей к социально-экономическим преобразованиям в Республике Молдова выразилось и в их выборе форм собственности тех предприятий и учреждений, на которых они предпочли бы работать. Русские, собирающиеся уехать, чаще говорили о своем желании связать свою трудовую судьбу с частным сектором в роли наемных работников. На это была настроена почти четверть потенциальных мигрантов и лишь чуть более 4% стабильных жителей. Основать же собственное дело, стать владельцами предприятий предпочитали главным образом русские, высказавшие намерение остаться в Молдавии - 12% (среди потенциальных мигрантов - 1%). И это вполне понятно, ведь владение крупной собственностью не только повышает шансы представителей нетитульного населения на выживание в новых социально-экономических и этнополитических условиях, но и делает более высоким их социальный статус, помогает включиться в сферу управления, что в нынешней ситуации в Республике Молдова имеет важное значение. Однако, естественно, что осуществление подобных намерений возможно лишь в условиях рыночной экономики и стабильной демократии без проявлений авторитаризма.

Правда жизни состоит, однако, в том, что в действительности к середине 1990-х годов более 40% русских респондентов Кишинева как потенциальных мигрантов, так и стабильных

жителей продолжало работать в государственном секторе и примерно четверть - на акционерных предприятиях. Владельцами частных предприятий было лишь 3,8% русских, намеренных остаться, среди желающих уехать - никого. Доля людей, которые были бы не против стать владельцами таких предприятий, в группе остающихся была в 3 с лишним раза больше реальных собственников. Приблизительно равный «спрос» у потенциальных мигрантов и стабильных русских относился к работе на совместных предприятиях (8%-12% выборов). К середине 1990-х годов у стабильных жителей вырос интерес к государственным предприятиям. В 1996 г. представители данной группы стали называть государственные предприятия в качестве особо предпочтительных, даже почти в полтора раза чаще, чем в 1993 г. За то же время доля выбравших работу в государственном секторе среди потенциальных мигрантов заметно снизилась. Такое распределение мнений было, видимо, не случайным.

Русские, твердо решившие остаться в Молдавии, проявили себя в ходе опроса наиболее социально динамичными, сравнительно быстрее реагирующими на происходящие в Молдавии перемены. Эта особенность, видимо, сказалась и на изменении их отношения к государственным предприятиям в связи с ослаблением в Республике Молдова национально-языковых проблем в государственных структурах, в том числе с отсрочкой аттестации на знание государственного языка, при одновременном росте трудностей и проблем, с которыми столкнулись работники негосударственного сектора. Нельзя не отметить в связи с этим, что в середине 1990-х годов, рыночные реформы в Республике Молдова несколько «забуксовали». Возможно, что с их дальнейшим развитием характер предпочтений тех или иных типов предприятий у русских, намеренных остаться, может быть вновь откорректирован.

Стабильные русские чаще, нежели потенциальные мигранты, хотели бы приобрести себе какую-либо собственность в Молдавии. И это вполне понятно, хотя теоретически приобретенные здесь недвижимость или ценные бумаги при желании можно было бы продать или обменять (например, квартиру). Тем не менее, по данным опроса кишиневцев 1996 г., более половины (54%) русских, желающих уехать, ничего не

хотели приобретать в Молдавии, а среди намеренных остаться - чуть более трети (34%). Те, кто собирался уехать, претендовали только на покупку акций и ценных бумаг. Русские же, решившие остаться, ориентировались на приобретение квартир или домов (25% выборов), земли (12%), собственных предприятий (14%).

Объясняя причины того, почему они не собираются приобретать собственность в Молдавии, почти половина потенциальных мигрантов назвала свое намерение уехать из этого государства. В то же время почти треть среди них сослалась на отсутствие материальных средств для таких приобретений. Эта последняя причина была основной и для значительной части стабильных русских (48%). Другие причины нежелания приобретать собственность в Молдавии были названы сравнительно меньшей долей респондентов. Чуть более 10% стабильных русских опасались возможной социально-экономической и политической нестабильности в республике. Только 6% среди них ответили, что не имеют необходимости приобретать собственность. О том, что в Молдавии пока нет подходящих условий для обзаведения собственностью высказалось еще меньше опрошенных - 2%.

Можно предположить, что политическая стабильность, успехи в экономическом развитии республики, а также повышение материального уровня жизни местного русского населения могло бы помочь его представителям занять более прочные социальные позиции в этой республике, дав им возможность стать собственниками квартир, предприятий, земельных участков.

Между тем, согласно нашим исследованиям, уровень жизни у большинства русских горожан, как, впрочем, и молдаван оставался весьма низким, и за последние годы ситуация еще более ухудшилась. Снижение жизненного уровня, судя по оценкам респондентов, коснулось обеих исследуемых групп. Тем не менее, можно заметить, что среди ориентированных на отъезд этот процесс затронул более широкие слои, нежели среди стабильных русских. Доля людей, которым денег хватает на питание и предметы первой необходимости сократилась в группе потенциальных мигрантов с 1993 по 1996 гг. в 4 раза, в группе «остающихся» - в 2 раза, а доля самых бедных, семейный бюджет

которых не обеспечивает им даже пропитания, соответственно возросла в названных группах в 4,5 и в 1,4 раза. В то же время среди потенциальных мигрантов, согласно опросу кишиневцев 1996 г., оказалась сравнительно более заметной доля людей (8%), оценивших свой семейный бюджет достаточно высоко (денег хватает на любые приобретения), причем доля таковых, по сравнению с 1993 г., даже несколько возросла. Хотя в целом по массиву процент подобных оценок был крайне низким, он приходился именно на группу потенциальных мигрантов. Можно сказать, что уехать из Молдавии хотели бы как наиболее обеспеченные слои местного русского населения, так и беднейшие.

Группа русских, намеренных остаться, объединяла в себе преимущественно людей с достатком среднего уровня. По данным исследования 1996 г., доля тех, чьего семейного бюджета хватало на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, а также имевших некоторые накопления, но не для дорогих покупок, составляла в группе «остающихся» чуть более 40%, а среди потенциальных мигрантов - 8%. Принципиально важно, что доля более или менее зажиточных людей в группе русских, намеренных остаться, за три года, прошедшие между исследованиями 1993 и 1996 гг., заметно возросла. Так, если в 1993 г. 6% представителей этой группы ответили, что имеют определенные накопления, но не для особенно дорогих покупок, то в 1996 г. уже 19%. Доля же тех, которым не хватало денег даже на питание, в этой группе практически не изменилась. Если данная тенденция сохранится, то можно ожидать, что социально-экономическое положение русских, решивших остаться в Молдавии, может постепенно измениться к лучшему. Хотя это, конечно, относится далеко не ко всем представителям данной группы, среди которых, как и среди потенциальных мигрантов, идет интенсивный процесс социального и имущественного расслоения.

С теоретической и практической точек зрения важное значение имеет тот факт, что выделенные нами группы русских по наличию или отсутствию у них миграционных установок не только различаются между собой по ряду некоторых общих характеристик, но и имеют заметную внутреннюю дифференциацию. Например, среди потенциальных мигрантов

существуют значительные расхождения во взглядах на многие ключевые проблемы. Так, немало их хотело бы работать на частных предприятиях в качестве наемных работников, и в то же время солидная их доля высказала отрицательное отношение к рыночным реформам вообще.

Группу русских, готовых остаться, во многом объединяет сравнительно оперативная реакция на происходящие в Молдавии перемены, готовность приспособиться к ним, и желательно без особого снижения своих социальных прав и позиций. Хотя немалая часть представителей этой группы довольна своей нынешней работой и не ожидает в этой сфере серьезных изменений, сравнительно высокая доля среди них все же согласна переменить специальность и отрасль хозяйства на те, в которых ощущается сейчас наибольшая потребность и где работать выгоднее. В то же время русские, ориентированные на дальнейшую жизнь в Молдове, хорошо осознают, что живут в условиях сохраняющегося этнического неравноправия и неравенства и, соответственно, смотрят в свое трудовое будущее с большой долей пессимизма и настороженности. По многим вопросам мнения представителей этой группы заметно расходятся. Существенным представляется тот факт, что лишь чуть более половины русских, намеренных остаться в Молдове, рекомендовали местной русской молодежи изучать язык и культуру титульного народа.

1. "Единство". 1996 г. 2 ноября, 7 ноября
2. Подробнее см. П.М.Шорников. Покушение на статус. Кишинев., 1997 г.
3. Там же
4. "Единство". 1996 г. 26 октября
5. Союзные республики. Основные экономические и социальные показатели. М. 1991. С.60.
6. "Единство". 1996. 26 октября
7. "Экономическое обозрение", Кишинев, 1998, май, N20.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по уровню образования. Молдавская ССР.М.,1990.

9. "Единство". 1996 г. 2 ноября
10. "Независимая Молдова". 1993 г. 11 февраля
11. П.М.Шорников. Ук.раб. С.56
12. "Momentul". 1996 г. 20 martie.
13. "Кишиневские новости". 1996 г. 3 августа
14. "Единство". 1996 г. 2 ноября
15. "Кишиневские новости". 1996 г. 3 августа
16. "Единство". 1996 г. 9 октября
17. Там же
18. Красинец Е.С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М., 1997. С. 11, 20.
19. Там же. С. 25.
20. Там же. С. 69.
21. Вишневецкий А. "Русский крест", Новые Известия, 1998, 26 февраля.
22. Там же.
23. Основные итоги микропереписи населения 1994г. Госкомитет РФ по статистике. М., 1994. С. 12.
24. Шорников П.М. Покушение на статус. Кишинев, 1997. С.141-142.
25. О расчете индекса удовлетворенности трудом см.: Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР.- М., 1971. С. 358.

Глава 3

Остаться: жизнь или выживание?

3.1. Равенство в нищете

1990-е годы и в Молдове, и в Приднестровье были отмечены драматическими переменами в социально-экономических условиях. Значительные изменения произошли на территории Правобережья. Как и в других республиках бывшего Союза, становление суверенизации Молдовы проходило на фоне глубокого экономического кризиса, сопровождавшегося спадом производства, ростом безработицы, снижением жизненного уровня людей. Разрыв прежних хозяйственных связей между регионами бывшего Союза усугублялся в Молдове тем, что ее экономика, до недавнего времени была довольно сильно связана с внутрисоюзным рынком, во многом ориентировалась на внутрисоюзную межхозяйственную деятельность, в том числе поставку из других республик энергоресурсов, сырья и комплектующих, реализацию собственной, прежде всего сельскохозяйственной, продукции в других регионах Союза.

Повышение стоимости энергии и материально-технических ресурсов, превысившее практически во всех бывших союзных республиках рост цен на сельскохозяйственную продукцию, особенно сильно ударило по республикам аграрного профиля, к которым относится и Молдавия. На хозяйстве республики крайне отрицательно сказалась и массовая эмиграция значительной части трудоспособного населения, в том числе научно-технических кадров, спасавшихся не только от экономической разрухи, но и от этнической дискриминации, военных столкновений в Приднестровье и Гагаузии. И, наконец, последний удар по экономике Молдовы нанесла Украина, установившая грабительские таможенные поборы за пересечение своей территории.

Не последнюю роль сыграл и фактический раскол Молдавии на Правобережную и Левобережную части, заметно отличающиеся

хозяйственной специализацией, наличием энергоресурсов и т.п. В начале 1990-х годов, например, на долю Приднестровья приходилось 17% населения Молдавии, 37% основных фондов промышленности, 32% общереспубликанского объема произведенной промышленной продукции и до 30% общей суммы платежей в бюджет /1/.

Республика Молдова, потерявшая значительную часть своих индустриальных мощностей, расположенных на левом берегу Днестра, в середине 1990-х годов стала отставать по многим экономическим показателям от других стран СНГ, несмотря на то, что и те переживали экономический спад.

В 1996 году валовой внутренний продукт, произведенный в Правобережной Молдове, составил лишь 43% от уровня 1991 года - времени, когда Молдавия еще была единой /2/. Это был один из самых низких показателей по государствам Содружества (в России, например, он был равен 61%). В 1997 г разрыв с началом 1990-х годов увеличился еще больше. По данным на первое полугодие 1997 г. ВВП в Молдове достиг лишь 96% от соответствующего периода 1996 г. По заявлению министра финансов Валериу Кицана, январь 1998 года с финансовой точки зрения может стать критическим для Молдовы. «Страна вступит в следующий год с намного меньшими, чем в предыдущие годы финансовыми и материальными ресурсами, которые уже в январе могут быть израсходованы» /3/.

Из всех хозяйственных отраслей Молдовы особенно сильно пострадала промышленность, для которой разрыв прежних хозяйственных связей стал особенно серьезным испытанием в результате сокращения поставок сырья из других регионов, сужения рынка сбыта готовой продукции. Рост производства сдерживали и внутренние проблемы - неплатежеспособность потребителей, недостаток собственных оборотных средств, слабый спрос на продукцию, взаимные задолженности, дефицит сырья. Не оправдались расчеты руководства Молдовы на значительные капиталовложения Запада, на выход молдавской продукции на западные рынки.

Для промышленного производства республики были характерны одни из наиболее низких темпов развития. Если индекс

объема продукции сельского хозяйства в 1996 г. (по сравнению с 1991 г.) был равен 64, то производство промышленной продукции составило лишь 46% от уровня 1991 г. /4/. К концу 1997 г. спад в промышленности был несколько приостановлен. В сентябре, например, промышленной продукции было произведено больше, нежели в августе. Однако по сравнению с началом 1990-х годов отставание оставалось достаточно заметным.

Важно отметить, что в разных отраслях промышленности ситуация была далеко неодинаковой. Наиболее тяжелое положение сложилось в машиностроении и металлообработке, химической отрасли. Так, в 1990-1995 гг. в общей стоимости произведенной (без Приднестровья) продукции доля машиностроения сократилась с 21% до 9%, доля же пищевой промышленности выросла с 38% до 54% /5/. В 1997 г. ситуация почти не изменилась. Объем производства в машиностроении и металлообработке за 9 месяцев 1997 г. составил 70% к уровню соответствующего периода 1996 г. в химической промышленности - 44%, в то же время в легкой - 94%, в пищевой - 101%, в сельском хозяйстве - 108% /6/.

Экономический кризис, спад производства и рост безработицы вели к ухудшению материального положения людей. Согласно данным статистики, темпы повышения цен на товары и услуги в Молдове, заметно обгоняли рост заработной платы, пенсий и пособий. По сравнению с 1991 годом в 1996 г. индекс потребительских цен в Молдове вырос в 1466 раз, а среднемесячная номинальная заработная плата лишь в 291 раз /7/. В середине 1996 года среднемесячная заработная плата покрывала лишь 48% минимального потребительского бюджета, составляя 186 лей или около 240 тыс. рублей /8/.

Во второй половине 1990-х годов рост потребительских цен в Молдове несколько замедлился прежде всего из-за низкой платежеспособности населения. В августе 1997 года среднемесячная заработная плата одного работника выросла по сравнению с соответствующим периодом 1996 г. на 13% и была равна 209 леям или 260 тысячам рублей (45 долларов США) /9/, в том числе в бюджетных организациях - 179 леям. Однако, как и

раньше, она была более чем вдвое ниже минимального потребительского бюджета (470 лей). Средняя пенсия, равная 92 леям, удовлетворяла жизненные потребности лишь на 10-12% /10/.

Почти 70% своих доходов люди тратили на покупку продовольствия, а большую часть из оставшихся средств - на оплату жилищно-коммунальных услуг, расценки на которые в 1997 г. резко поднялись. Даже официальная статистика Молдовы была вынуждена признать, что «большая часть населения имеет низкий уровень жизни» /11/.

В начале 1990-х годов весьма тяжелая экономическая ситуация сложилась и в Приднестровье. В то время как экономика Правобережной Молдовы в той или иной мере поддерживалась за счет связей с другими государствами как СНГ, так и «старого» (по отношению к бывшему СССР) зарубежья, прежде всего с Румынией, Приднестровье после провозглашения Приднестровской Молдавской Республики (2 сентября 1990 г.) оказалось почти в полной экономической блокаде, при отсутствии иностранных инвестиций. Проводя социально-экономическую политику, независимую от Кишинева, руководство Приднестровья пыталось улучшить экономическое положение, введя собственную денежную систему, регулируя цены на товары и услуги, всячески поддерживая государственный сектор экономики и т.п. Однако, в отличие от Правобережья, прилавки государственных магазинов здесь часто оставались пустыми, а цены на рынках и в уличной торговле были недоступны большинству населения, средний заработок которого не превышал 10-15 долларов США.

Однако с середины 1990-х годов экономика Приднестровья стала постепенно возрождаться. Падение курса местной валюты, так называемых, «сувориков» приостановилось, удалось замедлить темпы снижения производства (с 24% в начале 1997 г. до 7% по итогам 9 месяцев этого года). Правда, по сравнению с 1989 годом спад производства составил 40%. Из 54 предприятий агропромышленного комплекса, прошедших в 1997 г. проверку Госкомимущества, 76% оказались банкротами. Из 140 приднестровских предприятий промышленности и

энергетики 97 снизили объемы производства, из них 28 более чем вдвое, а 11 предприятий вообще не работали /12/.

Тем не менее постепенный переход к рыночной экономике, возобновление хозяйственных связей с другими регионами, в том числе странами дальнего зарубежья, помогают Приднестровской Молдавской Республике выйти из экономического тупика. Наращивает производство Бендерская обувная фабрика, местный металлургический завод. Расширяются экономические отношения с Молдовой, в том числе рассматриваются вопросы совместного восстановления, развития и эксплуатации такого важного экономического объекта, как Молдавская ГРЭС, расположенного в Днестровске /13/.

В 1997 г. в Приднестровье были повышены заработная плата и пенсии, которые почти достигли уровня Молдовы. В промышленности, например, зарплата составляла 287 лей /14/. При этом цены на большинство товаров и услуг были в основном такими же, как в Молдове, а оплата жилья - даже ниже. В магазинах, большинство из которых стали представлять собой арендные предприятия, расширился ассортимент товаров, хотя, конечно, он был еще далек от предлагаемого в Молдове, с развитой рыночной структурой хозяйства.

Переносить экономические трудности русским, живущим в Приднестровье, во многом помогало отсутствие на этой территории политики этнической ущемленности по отношению к представителям национальных меньшинств. На территории Приднестровья не действовали не только молдавские lei, но и законы Республики Молдова о государственном языке, государственной службе и другие, в той или иной мере задевающие интересы населения нетитульных национальностей. В Правобережной Молдове ухудшение экономической ситуации, так или иначе коснувшись всего ее населения, наиболее жестко затронуло местное русское население. Экономические проблемы, которые несомненно испытывало большинство населения республики, нередко использовались ее руководством в качестве определенного оправдания кадровой «чистки», в том числе по национальному признаку. Рост претензий к языковой компетенции русских вел к их массовым увольнениям, создавал

затруднения при устройстве на работу, способствовал снижению социального статуса. Кроме того, русские Правобережной Молдовы, как было показано выше, в значительной массе ра-ботали именно в тех отраслях хозяйства, которые в первую очередь пострадали от экономического кризиса.

Судя по итогам наших исследований, и молдаване, и русские, живущие и в Молдове, и в Приднестровье ощутили в последние годы заметное ухудшение своего материального положения. Однако доля «пострадавших» у представителей разных национальностей, а также у русских, живущих в Правобережье и в Приднестровье, была неодинаковой. В 1993 г. наибольшей она оказалась у русских Правобережья, причем как среди городского, так и среди сельского населения. Почти 90% русских жаловались здесь на снижение своего жизненного уровня за последние годы. Молдаване Правобережья сравнительно реже, чем русские говорили об изменении своего материального положения в худшую сторону - чуть более 60% опрошенных.

В Приднестровье, несмотря на более тяжелое состояние экономики, в 1993 г. мнения русских по поводу своего материального положения были несколько оптимистичнее, нежели в Правобережье. Но и среди русских Приднестровья так же, как и в Право-бережье, людей, отметивших снижение своего уровня жизни, было больше по сравнению с местными молдаванами (соответственно 76% и 64%).

Сельское население, судя по ответам наших респондентов, несмотря на подспорье от приусадебных участков, пострадало от экономического кризиса почти в той же мере, что и городское, за исключением сельских молдаван Правобережья, около половины которых не заметило в своем материальном положении серьезных перемен за последние годы. Однако, согласно ответам на другой вопрос нашей анкеты - об оценке людьми возможностей своего се-мейного бюджета - и среди сельских молдаван Правобережья, как и среди прочих жителей Молдовы, основную массу составляли люди с невысоким уровнем жизни.

Подавляющее большинство молдаван и русских, живущих и в Правобережье, и в Приднестровье, и в городе, и в селе, отвечая на данный вопрос, отметило, что их семейного бюджета хватает лишь на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости или только на питание - от 60% до 90% ответов (Табл.1). Особенно тяжелым их материальное положение

Таблица 1.

Оценка материального положения семьи.
По данным опроса населения Кишинева. % .

Варианты ответов	Русские		Молдаване	
	1993 г.	1996 г.	1993 г.	1996 г.
1. средств хватает на все	1	1	3	4
2. средств хватает, но не на дорогие покупки	5	11	17	11
3. средств хватает на питание и предметы первой необходимости	34	24	27	31
4. средств хватает только на питание	41	25	29	15
5. средств не хватает даже на питание	17	40	22	36
6. затрудняюсь ответить	2	0	2	4
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

представлялось русским горожанам Правобережья, более трети которых считали, что могут позволить себе только покупку продуктов питания и предметов первой необходимости. Более 40% жаловались, что на свои средства в состоянии купить лишь продукты. Почти пятой части русских горожан, по их словам, денег не хватало даже на питание.

Среди молдаван Правобережья, живущих в городах, доля наименее обеспеченных была также сравнительно велика - 22%. Однако, судя по самооценкам, и зажиточных людей, которым их бюджет позволял делать почти любые покупки, кроме особенно дорогих (квартира, машина), среди них было заметно больше по сравнению с местными русскими, особенно в Кишиневе - 20% против 6% среди всех опрошенных горожан и 24% против 5% среди кишиневцев.

Вполне понятно, что каждый человек оценивает свое материальное положение, исходя не только из имеющихся ресурсов, но и из собственных потребностей. Нередко бывает, что, казалось бы, достаточно богатый человек не доволен своим уровнем жизни, а бедняк, напротив, говорит, что ни в чем не нуждается. Однако приведенные выше данные, на наш взгляд, в целом отражают объективную картину материального положения молдаван и русских, которая в основном соответствует распределению людей этих национальностей по социально-профессиональным группам, отличающимся, в свою очередь, величиной оплаты труда. Неудивительно поэтому, что молдаван оказалось относительно больше, нежели русских, в составе как наиболее обеспеченных слоев населения, так и самых бедных. Хотя многие молдаване в последние годы заметно продвинулись по социальной лестнице, заняв в том числе и руководящие посты, все же значительная их часть осталась в сфере мало-и неквалифицированного физического труда. Русские же оказались как бы между этими полярными группами, представляя в основном техническую интеллигенцию и квалифицированных рабочих с соответствующим уровнем заработка.

По данным опроса 1993 г., особенно остро ощутили ухудшение своего материального положения русские, занятые мало-и неквалифицированным физическим трудом, а также служащие - работники умственного труда на должностях, не требующих высшего или среднего специального образования. И в прошлом эти группы людей принадлежали к наименее оплачиваемым категориям. Тяжесть нынешнего экономического кризиса для них оказалась особенно непомерной. По мнению подавляющего большинства мало-и неквалифицированных

рабочих (более 90%) и почти 80% служащих их уровень жизни за последние годы понизился. Никто из представителей данных групп работников не отметил улучшение своего материального положения.

Оценивая возможности своего семейного бюджета, около 65% мало- и неквалифицированных рабочих и 62% служащих охарактеризовали их, как низкие или очень низкие (денег хватает только на покупку продуктов питания или денег не хватает даже на еду) Особенно тяжелым их материальное положение воспринималось служащими, треть которых жаловалась на отсутствие средств на пропитание.

Квалифицированные рабочие, специалисты и руководители также в значительной массе были недовольны ухудшением материальных условий жизни, однако среди них оказалась и некоторая, хотя и весьма небольшая, доля людей (от 3% до 8%), для которых последние годы принесли определенные положительные результаты. Оценивая свой семейный бюджет, назвали его низким или очень низким 46% специалистов и руководителей, что, как видим, было заметно меньше по сравнению с работниками мало- и неквалифицированного труда, а каждый десятый из них считал, что на свои средства может позволить себе или любые покупки или многие, хотя и не чересчур дорогие (квартира, машина). В целом по городской части опрошенных подобных ответов было получено вдвое меньше, а среди мало- и неквалифицированных рабочих и служащих так не ответил никто.

В то же время именно интеллигенция отличалась наиболее заметным имущественным расслоением. В ее состав входили как наиболее богатые люди (10%), так и сравнительно немалая доля самых бедных (20%). Среди квалифицированных рабочих также имелась некоторая доля относительно зажиточных людей, правда, заметно меньшая, чем у представителей интеллигенции. Зато квалифицированные рабочие имели самую низкую долю людей, которым не хватало денег на питание (17%).

Довольно заметно варьировали ответы русских о своем жизненном уровне и в зависимости от возраста респондентов. Относительно больше оптимистов оказалось среди 18-19-летних.

Это можно объяснить не только тем, что многие юноши и девушки данного возраста еще живут с родителями, помогающими им материально, но и большими возможностями представителей этой группы молодежи, еще не слишком загруженной учебной, семейными обязанностями, для дополнительного заработка, в том числе в начавших развиваться в Правобережной Молдове рыночных структурах. Согласно данным исследования 1993 г., более 40% среди 18-19-летней русской молодежи Молдовы имело побочный заработок (в целом по массиву - 12%). Более пятой ее части на вопрос об изменениях материального положения за последние годы ответило, что оно улучшилось. Это было в 9 раз больше, нежели в целом по массиву. Более трети 18-19-летних оценили возможности своего бюджета как очень высокие и достаточно высокие. Никто из них не пожаловался на отсутствие денег на питание.

Представители более старшей молодежной группы - 20-24 лет, реже оценивали свой материальный уровень столь радужно. Часть из них успела обзавестись собственными семьями, которые нужно было содержать. Многие учились на старших курсах институтов, где требовалось больше внимания уделять учебе и меньше времени оставалось на подработку. Некоторые уже работали после окончания вуза или техникума на постоянной работе. Среди этой возрастной группы дополнительный источник дохода помимо основного заработка или стипендии имела лишь пятая часть. Вполне понятно, что среди 20-24-летней русской молодежи доля оценивших возможности своего бюджета как очень высокие и достаточно высокие была почти в два с половиной раза меньше по сравнению с 18-19-летними, составляя чуть более 10%.

Чем старше был возраст, тем реже люди занимались дополнительной побочной работой. Доля тех, кто имел приработок, снижалась в старших возрастных группах до 10 и менее процентов. Резко падала и доля высоких оценок людьми своего семейного бюджета. Даже среди еще сравнительно молодых, 25-29-летних лишь 3% считали, что на свой бюджет могут позволить себе любые, хотя и не чересчур дорогие, покупки, а среди самой старшей возрастной группы - от 60 лет и старше, доля подобных ответов снижалась до 1%. Тем не менее пенсионеры, имеющие гарантированный источник дохода и

обычно менее высокие потребности, нежели работающие, относительно реже жаловались на нехватку денег на питание. Особенно же часто говорили об этом люди предпенсионного возраста - 50-59 лет, еще не получающие пенсии, но уже не слишком котирующиеся в силу своего возраста на трудовом рынке.

В Приднестровье оценки людьми своего материального положения выглядели несколько иначе. Среди местных русских горожан была выше, по сравнению с русскими Правобережья, доля людей, считавших, что их бюджет позволяет им делать более или менее дорогие покупки (10% против 6%), и меньше доля тех, кому денег хватает только на покупку продуктов или не достаёт даже на питание (49% против 58%). По сравнению с местными молдаванами русские горожане здесь были более имущественно расслоены. Группа людей, оценивающих свое материальное положение сравнительно высоко, составляла у местных русских 10% против 4% среди молдаван. В то же время тех, у кого не было возможности обеспечить даже свое пропитание, в составе русских было 16%, а среди молдаван лишь 4%.

Наиболее обеспеченными в Приднестровье ощущали себя квалифицированные рабочие, спрос на трудовую деятельность которых в государственном индустриальном секторе еще в той или иной мере сохранялся, а также руководители. В то же время многие представители групп интеллигенции, особенно непроизводственной, месяцами не получающие зарплату, в значительном большинстве оценивали свое материальное положение, как крайне низкое.

В сельской местности (и в Правобережье, и в Левобережье, и у молдаван, и у русских) довольно многочисленной (40-60%) оказалась группа людей, семейного бюджета которых хватало на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости.

Русские, живущие в селах Правобережья, выглядели (согласно их ответам) явно зажиточнее русских горожан. Это, скорее всего было связано как с наличием у сельских жителей дополнительного источника дохода от приусадебного хозяйства, так и с еще довольно высоким социальным статусом

русских в селе. Потребности в сельскохозяйственных профессиях, которыми владели местные русские, в отличие от многих «городских» занятий русского населения, оставались сравнительно актуальными, тем более, что среди живущих в селе молдаван, в том числе занятых в сельском хозяйстве, подавляющее большинство (более 80%), было представлено работниками мало- и неквалифицированного физического труда. Последнее обстоятельство, видимо, определило и несколько более высокий уровень жизни у русских сельчан по сравнению с сельскими молдаванами Правобережной Молдовы.

К 1996 г. на фоне продолжающегося обеднения всего населения Молдовы различия в уровне жизни молдаван и русских в той или иной мере еще продолжали сохраняться, но становились менее контрастными. Среди городских жителей Правобережья, судя по кишиневцам, группа людей с самым низким уровнем жизни (денег не хватает даже на питание) у русских увеличилась более чем в 2 раза, достигнув почти 40% против 17% в 1993 г. (Табл.1). У молдаван она возросла в 1,6 раза, составив 36%.

В то же время за счет некоторого послабления в национально-кадровой политике по отношению к работникам нетитульных национальностей, а также благодаря дальнейшему развитию рыночных отношений в республике, создававших возможности для получения дополнительного заработка (чем воспользовались многие русские), в составе русских горожан, согласно опросу кишиневцев, несколько увеличилась группа людей со сравнительно более высоким материальным уровнем (до 11% в 1996 г. против 5% в 1993 г.). У молдаван же она уменьшилась соответственно с 24% до 14%. Группы людей, средств которых хватало на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости и только на питание у русских и молдаван практически выровнялись - в 1993 г. они составляли 75% у русских и 56% у молдаван, а в 1996 г. соответственно 49% и 46%.

Часть горожан Правобережья - и молдаване и русские, отмечала особенности в уровне жизни представителей разных национальностей, Хотя большинство и русского, и молдавского

городского населения (соответственно 52% русских и 66% молдаван Правобережья, согласно данным исследования 1993 г.) не видело существенных различий в материальных условиях жизни молдаван и русских, тем не менее по представлениям более чем трети русских горожан Правобережья русским сейчас живется труднее, нежели молдаванам. Среди молдаван аналогичного мнения придерживалось около 5%, и почти 20% считали, что в лучшей ситуации находятся русские.

В Приднестровье 72% русских и 82% молдаван не находили различий в материальном положении местных молдаван и русских. Таких же оценок придерживалось и большинство сельского населения как в Правобережье, так и в Приднестровье, (около 90% ответов)

Подобные представления, естественно, носят субъективный характер. Весьма показательны в связи с этим, что за трехлетний период между двумя проведенными опросами мнения молдаван об условиях жизни местного русского населения подверглись довольно существенной корректировке. В Кишиневе доля тех, кто считал равными материальные условия жизни молдаван и русских возросла в 1,3 раза, достигнув 86%, доля же отметивших, что русским живется легче, нежели молдаванам, упала с 22% до 1%. На наш взгляд, это принципиально важный момент, символизирующий начало радикальных изменений в отношении титульного народа к, так называемым, «некоренным» национальностям, переход к более лояльным и более объективным представлениям молдаван о ситуации в республике, о реальном положении в ней местного русского населения. Многие молдаване ощутили ущербность проводимой в республике национальной политики, осознав, что ущемление прав инонационального населения не принесло ничего хорошего не только его представителям, но и самим молдаванам. Как говорили нам некоторые респонденты-молдаване, «нам дали язык, а на язык ничего не дали».

Взгляды русских по этому поводу тоже несколько изменились, но не в такой степени, как у молдаван - с 50% до 59% (судя по опросу кишиневцев) выросла доля тех, кто не видел

различий в уровне жизни русских и молдаван, а доля находивших преимущества у молдаван снизилась с 41% до 31%.

Показательно, что относительно больше русских, придерживающихся этого последнего мнения, было, с одной стороны, среди молодежи (18-29 лет) - 45%, отличающейся наиболее высокими запросами, с другой, - у людей предпенсионного и пенсионного возраста, с действительно низким уровнем жизни - 44%. В средней же возрастной группе (30-49 лет) доля русских, считавших, что в материальном отношении сейчас легче прожить молдаванам, снижалась почти вдвое.

Не последнюю роль в формировании подобных суждений играл и социально-психологический фактор. В своих оценках условий для «выживания» у молдаван и русских представители русского населения нередко ориентировались не только на оценки реального уровня жизни людей, имеющегося у них имущества, материальных ценностей, но и на факты этнического неравенства, ущемления прав и интересов людей нетитульных национальностей во многих сферах общественной жизни, в том числе в сфере труда. Не покажется странным поэтому, что сравнительно более часто говорили о материальных преимуществах жизни у молдаван русские специалисты и руководители и гораздо реже - мало-и-неквалифицированные рабочие.

Можно сказать, таким образом, что экономические трудности, переживаемые Молдовой и в начале, и в середине 1990-х годов, с одной стороны, вели к имущественному расслоению среди русских, как, впрочем, и среди молдаван, но, с другой, сближали большинство русского и молдавского населения, объединяя их перед общим «врагом» - экономическим кризисом и отодвигая все другие проблемы на второй план. Не удивительно, что при выборах нового Парламента Молдовы весной 1998 г. значительную долю голосов как русских, так и молдаван получили представители местной компартии. Равенство в нищете, как видно, не углубляло межнациональные противоречия, а расширяло солидарность и укрепляло толерантность. Эта грустная тенденция, как наследие прошлой эпохи, вряд ли имеет какую-либо перспективу.

3.2. «Ищу работу...»

Экономический кризис, остановка работы значительного числа предприятий и учреждений способствовали росту безработицы, особенно в первой половине 1990-х годов. Всего за год (с 1991 г. по 1992 г.), число безработных в Республике Молдова возросло в 192 раза, достигнув 15 тысяч человек, к 1994 году количество безработных составляло уже 21 тысячу, к 1995 - 24,5 тысяч человек /15/. В конце 1997 г. число официально зарегистрированных безработных увеличилось до 27 тысяч человек, причем из них каждый второй был сокращен с хозяйствующих объектов. За первое полугодие 1997 г. по разным причинам были высвобождены с предприятий и организаций свыше 110 тысяч человек (почти 10% от общего числа работающих, в том числе каждый одиннадцатый - в связи с сокращением штатов. На одно свободное место в экономике республики приходилось 11 безработных /16/.

Особенно много людей, лишившихся работы, было в Кишиневе. Из 12 864 человек, зарегистрированных в бюро по трудоустройству Кишинева за 9 месяцев 1997 г. смогло трудоустроиться всего 2455 /17/.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что рассчитываемый официальной статистикой уровень безработицы (отношение численности безработных к экономически активному населению) в Молдове по сравнению с другими государствами Содружества был далеко не самый высокий - в 1996 г. 1,4 (в среднем по Содружеству - 2,9) /18/, но, по мнению ряда экономистов Молдовы, данные официальной статистики были не совсем верны, т.к. не учитывали застойную (скрытую) безработицу, а также число тех, кто не обращался в службы занятости. С учетом всех этих «поправок» некоторые экономисты доводили уровень безработицы в республике до 30% /19/. Обратившись вновь к данным официальной статистики, заметим, что в первом полугодии 1997 г. в отпусках по инициативе администрации находилось 12% общего числа работающих. Средняя

продолжительность таких отпусков составляла 59 дней. Кроме того, около 27 тысяч человек были переведены администрацией на неполный рабочий день или неполную рабочую неделю в связи с сокращением объемов производства /20/.

Наиболее резкое снижение абсолютной и относительной численности работников отмечалось в индустриальных отраслях, являющихся важнейшими сферами приложения труда русских. Если все население, занятое в экономике Правобережья, с 1993 г. по 1996 г. уменьшилось лишь на 30 тысяч человек (примерно в 1,02 раза), то число занятых в промышленности и строительстве сократилось в полтора раза, а в машиностроении - более чем вдвое /21/.

На некоторых крупных промышленных объектах снижение численности работников происходило в особенно крупных масштабах: например, на Кишиневском заводе «Виброприбор», солидную часть производственного персонала которого составляли русские, в середине 1990-х годов было сокращено почти две трети работников /22/. Крайне тяжелая ситуация сложилась на Кишиневском тракторном заводе, что привело не только к резкому сокращению штата работников, но и к глубокой психологической депрессии оставшихся. В газете «Коммунист» по этому поводу говорилось следующее: »За последние два года умерло 60 тракторостроителей. Такого не случалось даже когда их было в четыре раза больше. Люди стали уже буднично воспринимать случаи «досрочного» ухода из жизни...И все же одна смерть поразила всех. У Вячеслава Дмитриевича Подвязкина, главного энергетика, прихватило сердце. В былые годы помощь оказали бы немедленно. Но где она теперь? С разрушением завода разрушили прежде всего его великолепную социальную инфраструктуру. А «скорая» не довезла» /23/.

По уровню занятости в промышленности и строительстве Молдова опустилась с 7 места, которое она имела среди других союзных республик в 1990-ом году, на 9-ое в 1996-ом, «пропустив» вперед Азербайджан и Киргизию /24/.

В непроизводственных отраслях к середине 1990-х годов особенно значительно сократилось число занятых научной

деятельностью. После распада СССР произошло существенное ослабление финансовой поддержки со стороны государства предприятий и организаций бюджетной сферы, что повлекло за собой закрытие многих научных и проектных учреждений, среди сотрудников которых немалую долю составляли русские. С 1990 по 1995 г. численность научных работников уменьшилась более чем втрое - с 33 до 10 тысяч человек /25/. В наибольшей степени кризис затронул отраслевую науку, в том числе ориентированную на потребности машиностроения, что, в свою очередь, еще сильнее подорвало потенциал последнего.

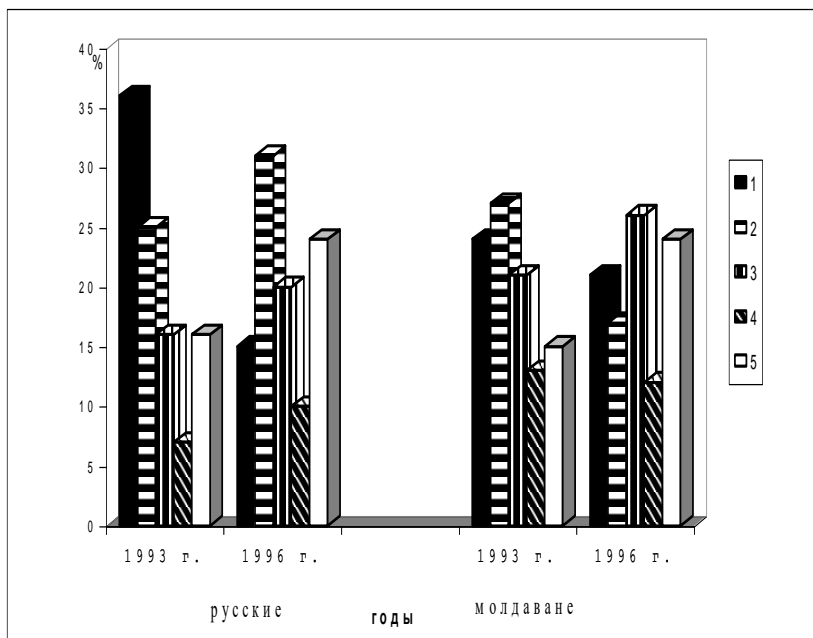
В тех отраслях, где русское население было занято меньше, сокращение персонала носило не столь выраженный характер. А в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, в пищевой промышленности, в сфере услуг численность работников даже несколько увеличилась. В банковской деятельности с 1990 по 1994 г. число работников возросло в 1,4 раза, в торговле и общественном питании - в 1,2 раза. /26/. С 1994 по 1996 г. численность занятых в сельском хозяйстве повысилась с 45,6 тысяч человек до 49 тысяч, в сфере услуг - с 35,2 тысяч до 36,7 тысяч человек /27/.

Таким образом, с начала 1990-х годов проблема безработицы и трудоустройства стала одной из важнейших для большинства жителей Молдовы, но наиболее острой она оказалась для русских. Это подтвердили и результаты наших этносоциологических исследований. На вопрос о том, ожидают ли респонденты в ближайшее время увольнения с работы, более трети (37%) русских горожан Правобережья ответили твердое «да» и еще четверть - «скорее, да», то есть свыше 60% русских в той или иной мере опасались за свою трудовую судьбу. Всего лишь 7% русских горожан были твердо уверены в том, что их не уволят и 16% считали, что «скорее, не уволят» (остальные затруднились ответить на этот вопрос) (диаграмма 1).

Чаще других опасались лишиться работы мало- и неквалифицированные рабочие, почти 60% которых были полностью уверены в своем ближайшем увольнении, а также служащие (49%). В то же время в составе русской производственной интеллигенции и квалифицированных рабочих доля людей, твердо убежденных в своем грядущем увольнении,

Диаграмма 1.

Оценка перспективы увольнения с работы.
По данным опроса населения Кишинева.

Варианты ответов:

1. уверен, что уволят
2. скорее всего уволят
3. скорее всего не уволят
4. уверен, что не уволят
5. затрудняюсь ответить

оказалась почти в полтора раза меньше по сравнению со служащими и неквалифицированными рабочими. Подобная ситуация в определенной мере явилась следствием притока в города Молдовы немалого числа сельских молдаван, которые претендовали в основном на занятия, не требующие особой профессиональной подготовки, вытесняя занятых там представителей нетитульного населения. Квалифицированные

кадры русских, занятые на производстве, подобное «давление» испытывали реже. Непростая ситуация сложилась у русской интеллигенции. Разница в доле людей, опасавшихся лишиться работы, между группами производственной и непроизводственной интеллигенции составляла более чем полтора раза. Несмотря на значительный упадок в Молдове индустриальных отраслей, где в значительной массе были заняты местные русские, все же именно здесь они чувствовали себя более или менее стабильно, так как в относительно меньшей степени испытывали гнет этноязыковой политики, нежели работники непроизводственных сфер. Об этом говорят, в частности, ответы русских горожан Правобережья о причинах их возможного увольнения с работы.

Согласно результатам опроса 1993 г., мнения русских горожан о вероятных причинах потери своей работы почти в равной мере распределились между следующими вариантами ответов: 44% указали причины, связанные с экономическими трудностями, 38% в качестве возможного повода для увольнения отметили плохое знание ими государственного языка, а 31% - свою принадлежность к нетитульной национальности (табл.2).

Экономические факторы чаще всего были названы в качестве возможных поводов увольнения квалифицированными рабочими (70%), которые в этом отношении имели заметный отрыв от других социально-профессиональных групп. Представители производственной интеллигенции значительно сильнее, нежели рабочие, страдали от возросших требований к языковой компетенции, называя свое плохое знание государственного языка в качестве возможной причины увольнения примерно в 4 раза чаще (более 60% ответов). Экономические факторы по числу выборов у специалистов и руководителей производства стояли уже на втором месте, хотя доля их указавших в этой группе была также сравнительно высока (44%).

Представители непроизводственной интеллигенции языковые причины упоминали еще чаще (около 60% ответов). Но второе место по числу выборов в отличие от производственной интеллигенции у них занимали не экономические факторы (26%

Таблица 2. Представления о причинах возможного увольнения с работы. По данным опроса русского городского населения Молдовы. 1993 г. %.

Категории респондентов	Причины					
	экономические	профессиональные	демографические	языковые	этнические	затр. отв.
1. мало- и неквалифицированные рабочие	47	0	4	16	26	0
2. квалифицированные рабочие	70	3	12	14	20	3
3. служащие	29	4	11	43	31	7
4. производственная интеллигенция	44	1	5	64	30	2
5. непроизводственная интеллигенция	26	3	18	54	37	2
1. мужчины	51	1	7	28	32	3
2. женщины	37	2	16	47	29	1
1. 18-29 лет	60	6	0	12	20	4
2. 30-39 лет	48	0	2	35	23	3
3. 40-49 лет	39	1	6	49	36	4
4. 50-59 лет	31	2	22	50	35	0
в целом по массиву	43	2	12	37	30	2

Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос.

выборов), а этнические (37%). Как видим, почти 40% специалистов и руководителей, занятых в непроизводственной сфере Молдовы, опасались увольнения с работы из-за своей национальной принадлежности. В других социально-профессиональных группах было тоже немало людей, боявшихся «этнических чисток», но все же их доля оставалась несколько ниже, чем среди русской непроизводственной интеллигенции. Так, около трети работников умственного труда без специального образования (так называемые, служащие), почти 30% специалистов и руководителей производства и примерно столько же рабочих говорили, что их могут уволить с работы из-за того, что они русские.

Показательно, что очень мало русских респондентов (всего 2%) назвало в качестве возможного повода увольнения свою профессиональную непригодность, несоответствие своего образовательного или квалификационного уровня требованиям, предъявляемым на работе. Эту причину в основном упомянула 18-19-летняя молодежь, не достигшая еще нужного профессионализма, не овладевшая необходимыми трудовыми навыками. В старших же возрастных группах данную причину не отметил практически

никто, что, возможно, связано и с несколько завышенными профессиональными самооценками людей старшего возраста, трудовые годы которых выпали на советский период, когда социальные позиции местного русского населения были сравнительно высокими.

Более чем десятая часть (12%) русских горожан отмечала в числе причин своего возможного увольнения с работы демографические факторы (пол, возраст). Их называли в основном женщины и люди старшего возраста. Показательно, что в числе причин лишения работы у женщин на первом месте по числу выборов стояли языковые факторы (47% против 28% у мужчин), а у мужчин - экономические (51% против 37% у женщин). Свою национальную принадлежность, как причину увольнения, мужчины и женщины указывали практически в равной степени - 30-32% ответов.

Русская молодежь меньше опасалась увольнения с работы по сравнению с людьми более старшего возраста. Среди 18-29-летних

говорили о возможной потере работы немногим более четверти людей, среди же 50-59-летних - почти половина (45%), причем твердо уверенных в том, что их не уволят, в составе работающих юношей и девушек было более чем втрое больше, нежели среди людей 50-59 лет - соответственно 17% и 5%. Это обстоятельство можно считать достаточно оптимистичным, свидетельствующим о том, что русская молодежь или, по крайней мере, определенная ее часть, даже в начале 1990-х годов - периоде наибольшего «давления» на негитуйское население в трудовой сфере, сумела в определенной мере приспособиться к сложившейся ситуации, оказаться «востребованной», «вписаться» в новую жизнь.

Принципиальное значение имеет, на наш взгляд, и следующая закономерность - с понижением возраста уменьшалась роль национально-языковых факторов, как причин возможного увольнения с работы, а экономических, напротив, росла. Причем, если о такой причине как принадлежность к негитуйской национальности, говорила примерно пятая часть молодых людей (в старшей возрастной группе более трети), то недостаточное знание государственного языка называлось лишь чуть более 10% русской молодежи, среди же 50-59-летних - половиной респондентов. Однако, нельзя сказать, чтобы русская молодежь особенно выделялась среди остального русского населения по уровню знания молдавского языка. В ее составе была заметно более высокой доля людей, знающих молдавский язык, лишь по сравнению с самой старшей возрастной группой (60 лет и старше).

Можно предположить, что слабое знание государственного языка определенной частью молодежи русской национальности (по данным опроса 1993 г. достаточно свободно им владела лишь пятая часть русских горожан в возрасте 18-29 лет), тем не менее далеко не всегда мешало ей выполнять свои профессиональные обязанности. Возможно, что требования к языковой компетенции молодых русских кадров были менее жесткими, нежели к работникам старшего возраста, тем более, что уже сравнительно многие молодые люди работали во внегосударственном секторе, где к знанию государственного языка предъявлялось меньше претензий. Но дело, однако, было не только в этом. Результаты нашего исследования дают

основание для вывода о том, что, знание государственного языка, само по себе, далеко не всегда являлось решающим фактором в трудовой жизни русских. Так, русские, отметившие, что достаточно хорошо владеют молдавским языком, опасались увольнения с работы почти так же часто, как и те, кто его не знал совсем (в пределах 60-67%). О том, что их не уволят, или, скорее, не уволят говорили 24% русских хорошо знающих язык, 26% людей со средним знанием языка и 20% не владеющих им. Разница в ответах, как видно, невелика.

Отвечая на вопрос о возможных причинах увольнения с работы, русские, вообще не знающие молдавского языка, или знающие его средне, в два раза чаще по сравнению, с теми, кто владел им свободно, говорили, что их могут уволить с работы по языковым показателям. В то же время почти пятая часть русских, считающих, что совершенно свободно владеет молдавским языком или, по крайней мере, довольно свободно говорят на нем, тем не менее опасалась увольнения из-за «придиорок» к их языковой компетентности.

Объяснялось это достаточно просто. Вероятнее всего, что прежние языковые познания русских во многом утратили свою ценность из-за перехода Молдовы на латинский алфавит и румынизации языка, особенно на официальном уровне. Кроме того, экзамен по государственному языку требовал от экзаменуемого в первую очередь хорошего владения профессиональной терминологией, которую не знали не только русские, но и значительная часть самих молдаван. Во время проведения нашего исследования многие инженеры, врачи, учителя, бухгалтеры, статистики и другие специалисты русской национальности жаловались на то, что, умея в той или иной мере говорить по-молдавски и будучи готовыми совершенствовать свои языковые знания для того, чтобы сохранить работу, не могли найти подходящие курсы, учебники, словари, в которых можно было бы почерпнуть информацию по своей специальности на румынском языке.

По мнению одного из представителей Министерства экономики Республики Молдова «...далеко не все специалисты, даже молдавской национальности, понимают суть того или иного

документа на румынском языке. Нередко просят перевод...В нашем деле много специальных терминов, которые освоили еще далеко не все специалисты» /28/.

Русские, знающие молдавский язык, вдвое чаще, чем не владеющие им, опасались увольнения с работы из-за своей национальной принадлежности (49% против 23%). По словам одного из респондентов, для того, чтобы хорошо устроиться в современной Молдове, нужно не только знать румынский язык, но при этом еще и быть молдаванином.

Молдаване Правобережья, в 1993 г., когда еще не прошла эйфория от обретения республикой государственной независимости, перехода к новой национальной политике, патерналистской по отношению к титульному населению, гораздо оптимистичнее смотрели в свое трудовое будущее. Хотя перспектива увольнения с работы в условиях экономического кризиса, спада производства представлялась в той или иной мере реальной более чем половине молдаван, лишь около четверти говорили об этом с достаточно полной уверенностью, в то время как среди русских - около 40%, т.е. в полтора раза больше.

Русские, живущие в селе, несколько реже, нежели горожане, высказывали опасения по поводу возможного увольнения с работы. Однако, по сравнению с сельскими молдаванами, пессимисты среди русских сельчан так же, как и среди горожан, встречались чаще - 50% против 36%. Лишь 8% русских были уверены в том, что увольнение с работы их не затронет, молдаване же дали такой ответ в 30% случаев.

В тогдашней ярко выраженной атмосфере этнократизма и разгула русофобии и в сельской местности росли претензии со стороны молдаван на занятие более престижных, более оплачиваемых должностей, что вынуждало местных русских чаще опасаться за сохранение своих рабочих мест.

Важно, однако, отметить, что в сельской местности, судя по ответам русских респондентов, национальная принадлежность работника играла менее значимую роль, нежели в городе. В качестве причины возможного увольнения ее указали лишь 5% русских сельчан Правобережья, т.е. в 6 раз меньше по сравнению с горожанами. В то же время недостаточное знание

государственно языка русские жители села называли практически так же часто, как горожане - соответственно 30% и 38%. Для сравнительно небольших по численности групп русских, живущих в сельской местности Молдовы в окружении преимущественно молдавского населения (доля русских в селе среди занятого населения составляла в конце 1980-х годов чуть более 3%), языковая проблема была, как видим, не менее актуальной, чем для горожан. Этнический же фактор, как показали материалы наших исследований в бывших союзных республиках, имел тем меньшую значимость, чем ниже была численность живущих там русских.

В Приднестровье, несмотря на значительные сложности и проблемы экономического характера, отсутствие факторов, ущемляющих интересы работников по этническим и языковым признакам, давало возможность местным русским более оптимистично, нежели в Правобережье, оценивать ближайшие перспективы своей трудовой жизни. Более 60% местных русских склонялись к тому, что вряд ли в ближайшее время потеряют свое рабочее место. Молдаване несколько чаще, нежели русские, высказывались о возможном увольнении с работы (27% против 18%), но большинство среди них также надеялось ее сохранить.

Основные причины ухудшения своего положения в трудовой сфере русские и молдаване Приднестровья связывали прежде всего с экономическим кризисом. Экономические причины в качестве поводов возможного увольнения с работы назвали 46% русских горожан Приднестровья. Такая же доля ссылалась на демографические факторы (главным образом, возраст). В то же время плохое знание молдавского языка и принадлежность к нетитульной национальности упомянули соответственно всего 7% и 5% местных русских.

Можно, таким образом, сказать, что в начале 1990-х годов угроза безработицы страшила преимущественно русское население Правобережной Молдовы, причем в первую очередь работников умственного труда, занятых вне сферы производства, людей среднего и пожилого возраста. По итогам нашего повторного исследования 1996 г. мнения русских о перспективах

своей работы, о причинах возможных осложнений в трудовой жизни стали заметно иными по сравнению с 1993 г. Среди русских горожан существенно уменьшилась доля людей, опасавшихся увольнения с работы (диаграмма 1). Если в 1993 г. твердое «да» на вопрос о грядущем увольнении мы услышали от 38% русских кишиневцев, то в 1996 г. только - от 15%.

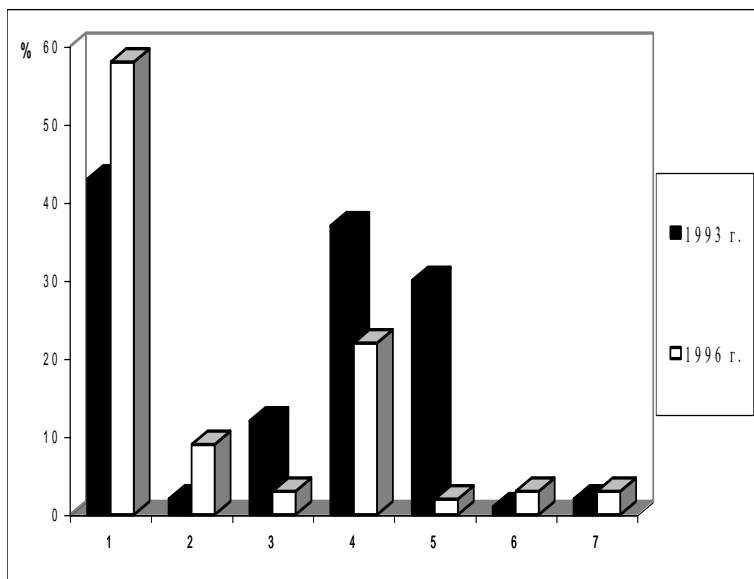
Особенно важно, что среди причин увольнения, высказанных русскими горожанами Правобережья в 1996 г. лидирующее место заняли уже чисто экономические - отсутствие работы из-за сокращения производства, слабого финансирования, нехватки сырьевых ресурсов и т.п. (диаграмма 2). Русскими жителями Кишинева они были названы в 1,5 раза чаще, нежели в 1993 г. (соответственно 64% против 43% в 1993 г.). Напротив, такой фактор, как принадлежность работника к негитуйльной национальности, в качестве причины возможного увольнения в 1996 г. был указан в 1,5 раза реже, доля людей его отметивших сократилась - с 33% до 22,5%. В то же время причина недостаточного владения молдавским языком упоминалась русскими Кишинева в 1996 г. также часто, как в 1993 г. Ее назвало 34% русских.

С середины 1997 г., когда вновь актуализировался вопрос о языковой аттестации работников, возвратились опасения русскоязычных потерять свою работу. По словам одной из служащих Департамента статистики Республики Молдова, пока волна увольнений русскоязычных спала, но скоро она может снова стать опасной для тех, кто плохо знает государственный язык. «Я очень боюсь грядущей аттестации, хотя хорошо справляюсь со своими служебными обязанностями, работать с документами на государственном языке мне помогают коллеги-молдаване.»

В условиях сохранения этноязыковой ущемленности в трудовой сфере, продолжающегося экономического кризиса угроза увольнения с работы для русских была особенно опасной, так как им было не только проще лишиться работы, нежели молдаванам, но и гораздо сложнее найти новую.

Сравнивая результаты исследования 1993 г. с теми, которые были получены в начале 1980-х годов в ходе опросов, осуществленных сектором этносоциологии Института этнографии

Динамика представлений о причинах возможного увольнения с работы. По данным опроса русского населения Кишинева. % .

Варианты ответов:

1. сокращение производства, отсутствие финансирования и т.п.
2. повышение требований к профессиональной подготовке работников
3. возраст, пол
4. плохое знание государственного языка
5. национальная принадлежность
6. другие причины
7. затруднились ответить

Итог превышает 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.

АН СССР, можно заметить, что доля русских горожан Кишинева, ответивших на вопрос анкеты «Легко ли устроиться на такую работу, как у Вас» - «устроиться трудно», возросла в три раза (до 60%), у молдаван - вдвое /29/.

Сложнее всего было найти работу по своей специальности представителям непроизводственной интеллигенции. Опрос 1993 г. выявил, что специалисты и руководители русской национальности, работающие в непроизводственной сфере, имели самую высокую долю ответов «устроиться трудно» - более 70%, что было почти в полтора раза больше, нежели у молдаван, занятых аналогичной работой.

Наименьшие сложности в трудоустройстве испытывали рабочие. Показательно, что квалифицированные рабочие и русской, и молдавской национальностей оценивали возможности устройства на работу, подобную их собственной, в значительной мере одинаково: - лишь чуть более 10% среди них сказали, что получить такую работу не легко.

В Приднестровье более половины русских горожан считали, что на работу, аналогичную той, которой они занимаются, устроиться, пожалуй, можно, а по мнению пятой части - устроиться легко, спрос большой. Лишь четверть опрошенных отметила, что это сделать трудно. О масштабах спроса на те или иные профессии в известной мере можно судить по данным о предложениях работы, публикуемым в средствах массовой информации. В частности, в недельной подшивке газеты «Маклер» (конец ноября 1997 г) мы обнаружили, что из более чем 750 предложений работы треть была посвящена приглашениям девушек «без комплексов» для массажных салонов, танцевальных коллективов и т.п. Затем со значительным отрывом шли предложения без указания конкретной профессии, требовались просто люди с высшим или средним специальным образованием, главное - энергичные и коммуникабельные (18%). Сравнительно высоким оказался спрос на квалифицированных рабочих промышленности и строительства - 13%, продавцов и реализаторов товаров - 11%, работников бытового обслуживания - 10%.

Если сравнить данный перечень с тем, который был опубликован в рубрике этой же газеты «Ищу работу», то разница покажется весьма существенной. Чаще всего искали работу шоферы, домработницы, экономисты и бухгалтеры. Было и немало предложений со стороны продавцов, работников бытового обслуживания, но по сравнению с предложениями рубрики «Требуются...» их доля в общем списке оказалась в несколько раз ниже.

Из этого краткого и, разумеется, далеко не завершеного анализа, можно сделать, с одной стороны, заключение о растущих потребностях в Молдове в квалифицированных индустриальных кадрах рабочих, которых немало среди русских, что представляется весьма позитивной тенденцией. С другой, - в нем содержится подтверждение тому, что устроиться по своей специальности представителям интеллигенции остается достаточно сложно. И в наибольшей мере это касается именно русских. Ведь в составе русского населения Молдовы, особенно его женской части, доля работников планирования и учета, канцелярии и делопроизводства, спрос на которые, как видно, весьма невелик, была и остается заметно выше, чем у молдаван. Но дело не только в этом. Значительную роль играет необходимость работникам этих сфер достаточно хорошо знать государственный язык. Не секрет, что во многом именно из-за незнания государственного языка, необходимого при работе с документами, увольняют русскоязычных бухгалтеров, статистиков, экономистов. Хотя в республике ощущается нехватка учителей /30/, русскоязычные кадры педагогов не находят и здесь применения своим силам из-за незнания государственного языка.

О сохранении требований к знанию молдавского языка свидетельствуют и многие рекламные проспекты, предлагающие высокооплачиваемую работу, в том числе в иностранных фирмах. Помимо владения английским языком и компьютером, в них говорится и о необходимости совершенного владения государственным языком. Как видно, даже при самой высокой профессиональной подготовке и развитых деловых качествах работникам русской национальности, если они недостаточно

хорошо знают молдавский, вернее, румынский язык, сложнее, нежели молдаванам получить престижные должности, высокооплачиваемую работу.

Ситуация с трудоустройством в Правобережной Молдове ухудшается и в результате возникновения большого числа частных учебных заведений, готовящих массу «внеплановых» специалистов, причем часто по одной и той же специализации, которые затем не могут найти работу по своей профессии. Уже сейчас в Молдове ощущается заметный «переизбыток» юристов и экономистов. Между тем в 1997 г. на юридическом факультете КГУ обучалось 30 групп будущих юристов /31/. В то же время именно частные вузы и гимназии, где количество русскоязычных групп не регламентировано «сверху», привлекают многих русских юношей и девушек, которые нередко бывают вынуждены поступать в платные учебные заведения из-за резкого сокращения русскоязычных групп в бюджетных вузах.

В последние годы большую и весьма продуктивную деятельность по трудоустройству русскоязычного, прежде всего славянского, населения Молдовы проводит организация, называемая «Конгресс русских общин Республики Молдова», выросшая из «Кишиневской общины россиян». Еще в начальный период приватизация эта организация сумела приобрести несколько предприятий в Молдове, число которых затем стало заметно расширяться. Были созданы предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства, по производству насосов, сельскохозяйственной техники, оборудования для переработке сельхозпродукции, а также пекарни, мельницы. «Конгресс русских общин» имеет и ряд строительных предприятий, занимается монтажом АТС, поставками продукции в страны СНГ и т.д. Главное, - что на всех этих предприятиях трудятся преимущественно русские, причем как в качестве рабочих, так и в качестве руководителей.

Одной из задач, которую намеревается решить в ближайшее время руководство «Конгресса», является создание собственной системы медицинского обслуживания, в которой могли бы найти применение своим знаниям и опыту врачи и медсестры русской национальности. Это, с одной стороны, обеспечило бы работой многих ныне безработных медиков, с

другой, - расширило бы возможности русскоязычного населения пользоваться услугами медицинских учреждений на русском языке.

3.3. Оптимисты и пессимисты

Сложности с трудоустройством и угроза безработицы вынуждают людей «держаться» за свою работу. В то же время растет уровень неудовлетворенности работников своим трудом и его условиями, в том числе задержками заработной платы, снижением ее покупательской способности, затруднениями в социальном росте и т.п. Для немалой доли населения Молдавии, в том числе русских их трудовая деятельность становится все менее привлекательной.

При сравнении материалов нашего исследования 1993 года с теми, которые были получены сотрудниками отдела этносоциологии Института этнографии АН СССР под руководством Ю.В. Арутюняна в 1981 г., обнаруживается, что среди русских кишиневцев доля людей, в той или иной мере удовлетворенных своей работой снизилась вдвое - с 80% до 43%. Если в начале 1980-х годов полностью недовольных работой насчитывалось всего 5%, то через 12 лет - почти 20% /32/.

В то же время можно отметить, что рост недовольства работой стал в 1990-е годы общим явлением, затронувшим жителей и Правобережья, и Левобережья, и русских, и молдаван. Рассчитав, так называемые, индексы удовлетворенности работой (33), следует признать, что они понизились практически у всех, но у русских они оказались все же менее высокими, нежели у молдаван. В 1993 г. эти индексы были соответственно равны: у молдаван Приднестровья - 0,54, у молдаван Правобережья - 0,36, у русских Правобережья - 0,29, у русских Приднестровья - 0,27.

К середине 1990-х годов доля недовольных своей работой еще более увеличилась и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, среди молдаван Правобережья в большей степени, чем среди русских - соответственно (по данным опроса

кишиневцев) с 51% до 68% у молдаван и с 60% до 64% у русских. В немалой мере это было связано с продолжающимся экономическим кризисом. Кроме того многим людям пришлось оставить свою прежнюю работу, поменяв ее на другую, нередко менее их удовлетворяющую, хотя, возможно, и приносящую больший доход.

Неудовлетворенность работой сочеталась у русского населения с довольно пессимистичными взглядами по поводу ее дальнейших перспектив. Как показали материалы опроса 1993 г., более двух третей русских горожан Правобережья в ближайшее время ожидали негативных изменений на своей работе. На перемены к лучшему рассчитывало лишь 3%, и всего 7% считали, что никаких изменений не произойдет (остальные затруднились ответить). В Кишиневе пессимисты среди русских встречались еще чаще: 73% русских предвиделось ухудшение ситуации на работе (диаграмма 3).

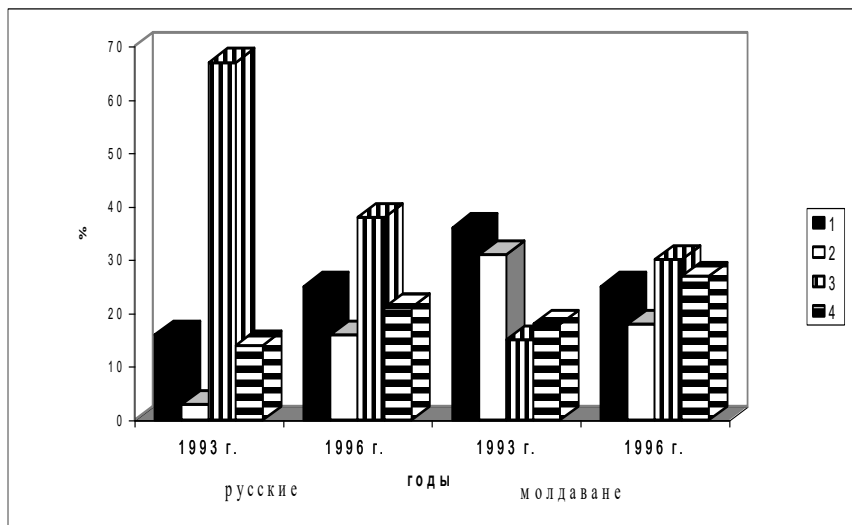
Наиболее часто жаловались на возможное ухудшение ситуации на своей работе представители русской интеллигенции, занятой в непроизводственной сфере - более 80% среди них ожидали изменений в худшую сторону (в целом по массиву - около 70%). Оптимистов же сравнительно больше было среди работников квалифицированного физического труда, а также среди людей более молодого возраста (табл.3, 4).

Ответы русских о возможных переменах в их трудовой жизни коррелируют с результатами опроса, проведенного в 1993 г. в Кишиневе сотрудниками сектора этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН под руководством Ю.В. Арутюняна, об оценке русскими кишиневцами тех перемен на их работе, которые уже произошли. Так, около 60% русских отметили, что происшедшие изменения были отнюдь не в лучшую сторону. Около трети не заметили на своей работе ничего нового и только чуть более 10% почувствовали позитивные сдвиги /34/.

Сопоставляя приведенные данные с материалами нашего исследования, можно сказать, что в сознании большинства русских горожан негативные процессы в их трудовой сфере приобрели уже некий перманентный характер - было плохо,

плохо сейчас, а станет еще хуже, что, конечно весьма отрицательно сказывается на психологическом самочувствии русских, ведет к росту апатии, снижает их трудовую и социальную активность, усиливает миграционные настроения.

Диаграмма 3. Мнения русских и молдаван о возможных изменениях на работе.
По данным опроса населения Кишинева. % .

Варианты ответов:

1. ситуация не изменится
2. ситуация улучшится
3. ситуация ухудшится
4. затрудняюсь ответить

Мнения молдаван Правобережья по поводу дальнейшего развития ситуации на своей работе в начале 1990-х годов оказались прямо противоположными тем, которые высказали русские. Почти треть молдаван - в 6 раз больше, нежели русских, ожидала перемен в своей трудовой судьбе в лучшую сторону и только 15,5% опасались ухудшения своего положения (почти

впятеро меньше по сравнению с русскими). Остальные респонденты никаких изменений не предполагали.

Жителям Приднестровья, как русским, так и молдаванам, их трудовое будущее в целом представлялось довольно туманным. Так, около 60% среди местных русских и свыше 70% молдаван затруднились ответить на вопрос о том, какие изменения могут произойти на их работе в ближайшее время. Правда, на перемены в лучшую сторону русские Приднестровья, как и Правобережья, особенно на рассчитывали (менее 10% выборов), но позитивных сдвигов не ожидали здесь и молдаване. В то же время пятая часть местных русских была уверена, что изменений на их работе в ближайшее время не произойдет.

К середине 1990-х ситуация в Правобережной Молдове несколько изменилась. Благодаря некоторому «затишью» в этноязыковых кадровых «чистках», многие русские стали с большим оптимизмом смотреть в свое будущее, верить в возможность положительных перемен в своей трудовой судьбе.

Согласно материалам кишиневского опроса 1996 года, среди русских в 8 раз возросла доля ожидавших перемен на своей работе в лучшую сторону (с 2% до 16%), вдвое увеличилось относительное число уверенных в том, что изменений не произойдет (25% против 12%) и почти в 2 раза снизилась доля «пессимистов» - тех, кто предполагал ухудшение ситуации (с 73% до 38%) (диаграмма 3). Тем не менее, как видно, и в 1996 г. позитивных оценок было дано более чем вдвое меньше, нежели негативных. Можно предположить, что приближающаяся языковая аттестация, угроза которой в 1997 г. вновь стала актуальной, повысит число пессимистов среди русского населения.

Неудовлетворенность многих людей своей работой, ее социальными и материальными аспектами, неуверенность в завтрашнем дне, рост увольнений как по экономическим, так и по этноязыковым причинам вынуждали русских, с одной стороны, опасаться потерять свое рабочее место, с другой, искать иные источники дохода, быть более мобильными, осваивать новые профессии и занятия.

Таблица 3. Позитивные оценки русских ситуации на своей работе. По данным опроса городского населения Молдовы. 1993 г. %

Категории респондентов	Удовлетворены работой	Считают, что их не уволят или скорее не уволят	Ожидают изменений на работе к лучшему
1. мало-и неквалифицированные рабочие	18	15	2
2. квалифицированные рабочие	41	29	5
3. служащие	26	9	4
4. производственная интеллигенция	51	23	3
5. непроизводственная интеллигенция	52	21	2
1. мужчины	40	25	4
2. женщины	46	21	1
1. 18-29 лет	40	39	5
2. 30-39 лет	41	24	1
3. 40-49 лет	47	23	3
4. 50-59 лет	51	18	1
в целом по массиву	44	23	3

Таблица 4. Негативные оценки русских ситуации на своей работе. По данным опроса городского населения Молдовы. 1993 г.

%

Категории респондентов	Неудовлетворены работой	Считают, что их уволят или скорее уволят	Ожидают изменений на работе к худшему
1. мало- и неквалифицированные рабочие	25	77	58
2. квалифицированные рабочие	10	59	66
3. служащие	11	85	68
4. производственная интеллигенция	12	57	70
5. непроизводственная интеллигенция	16	73	81
1. мужчины	13	60	65
2. женщины	18	62	68
1. 18-29 лет	10	58	65
2. 30-39 лет	16	59	68
3. 40-49 лет	12	63	66
4. 50-59 лет	20	68	73
в целом по массиву	15	61	67

В нынешних социально-экономических условиях интенсивность социальных перемещений заметно возросла. Новая социальная реальность, переход к новой социально-экономической системе требуют от исследователей и новых подходов к изучению социальной структуры населения. Однако в данном исследовании это представляется достаточно затруднительным. В нынешний переходный период, в условиях экономического кризиса и недостаточной зрелости рыночных отношений формирование новых социальных слоев общества в Молдавии еще далеко до завершения. Класс собственников средств производства остается весьма немногочисленным. Существенно не изменилась и психология большинства людей. Бывший инженер, работающий продавцом с лотка и зарабатывающий больше, чем раньше, тем не менее считает, что его социальное положение понизилось. Анализируя материалы нынешних исследований на основе методов социальной дифференциации, разработанных Ю.В. Арутюняном [35], можно отметить, что в начале 1990-х годов русские, по сравнению с молдаванами, чаще понижали свой социальный статус.

В этот период среди молдаван довольно интенсивно росла доля управленческих кадров, учителей, врачей, юристов, работников литературы и печати, научных работников и преподавателей. Согласно наблюдениям некоторых молдавских коллег, явно обозначился процесс притока сельской молдавской молодежи в городские сферы высокоинтеллектуального труда. По их словам, например, в аспирантуру республиканской Академии вырос поток выходцев из молдавского села, которые в этом отношении даже опередили городскую молдавскую молодежь.

Русские, напротив, чаще переходили из сфер интеллектуального труда в отрасли обслуживания, на транспорт. Бывшие научные работники, преподаватели, экономисты, инженеры, конструкторы становились бухгалтерами, кассирами, продавцами, официантами, поварами, уборщицами, шоферами.

По данным исследования 1993 г., более 60% русских горожан Правобережья не изменили свой социальный статус по сравнению с началом трудовой деятельности, повысили его - 28%

и около 12% понизили, причем среди тех, кто понизил свой статус, 60% перешло из интеллигенции в рабочие.

Эти данные представляется возможным дополнить материалами, приводимыми в книге «Молдова: столичные жители», по которым можно судить об изменениях в социальном статусе человека за последние (перед проведением опросов) 5 лет. Судя по итогам этого исследования в Молдавии в 1981 г., за пятилетний промежуток времени занимаемая должность стала выше у 28% русских и 32% молдаван, понизилась соответственно у 5% и 4%, осталась прежней - у 67% русских и 64% молдаван /36/.

В 1993 г. сумели занять более высокие должности за прошедший пятилетний период уже несколько меньше русских - 23%, среди молдаван - почти столько же, сколько и раньше - 34%. Как видно, дистанция в этом отношении между русскими и молдаванами увеличилась с 4 до 9 процентных пунктов. Доля же русских, понизивших свой социальный статус, выросла по сравнению с 1981 г. на 8 процентных пунктов - с 5% до 13%. У молдаван она тоже увеличилась, но в меньшей мере - с 4% до 9%. У остальных респондентов должность не изменилась.

Возможно, что в материальном плане некоторые русские, как и молдаване, перешедшие на новую работу, в том числе в сферу физического труда, оказались в определенном выигрыше, но психологически подобные перемещения воспринимались основной массой русских довольно болезненно. Тем более, что значительная часть русского населения связывала снижение своего социального статуса, ущемления в продвижении по службе в основном с этноязыковыми факторами, этническим неравенством и дискриминацией.

Большинство русских Правобережья четко осознавало, что возможности социального роста работников в Молдове непосредственно связаны с их этнической принадлежностью. Так, согласно данным нашего исследования 1993 г., 80% русских горожан отметили полное отсутствие в прошлом какой-либо связи своей национальной принадлежности со служебной карьерой. Относительно же будущего 70% русских в городах Правобережья и 79% в Кишиневе высказали опасения, что

подобное влияние в той или иной степени будет иметь место. При этом, по мнению большинства (от 60% и более), оно будет носить негативный характер. Русские сельчане в основной массе затруднились ответить на данный вопрос.

Как и следовало ожидать, чаще всего опасались негативного влияния своей национальной принадлежности на служебное продвижение представители непроизводственной интеллигенции (более 70%). Несколько менее чувствительно к этому вопросу относились рабочие средней и высшей квалификации, специалисты и руководители производства, среди которых соответственно 60% и 64% считали, что их национальность может отрицательно сказаться на служебном росте.

В то же время, отвечая на вопрос о том, имеют ли представители тех или иных национальностей какие-либо преимущества при занятии престижных, высокооплачиваемых должностей, русские проявили большое единодушие. По данным опроса 1993 г., 83% русских горожан Правобережья, в том числе 94% кишиневцев, считали, что подобными преимуществами обладают молдаване и румыны. Показательно, что такого же мнения придерживались почти в равной мере представители всех социально-профессиональных и возрастных групп.

Интересны в этой связи ответы молдаван, живущих в Правобережной части Молдавии. Хотя более половины из них не могли сказать, что в прошлом их национальность как-либо влияла на карьеру, около четверти все же отметили, что сталкивались в этом отношении с определенными затруднениями. Мнения молдаван о возможном влиянии их национальности на служебный рост в будущем разделились - почти 40% считали, что такого влияния не будет, и столько же придерживались противоположной точки зрения. Важно, что среди тех, кто в той или иной мере был уверен в определенной зависимости своей трудовой карьеры от собственной национальности, 27% отметили, что их национальная принадлежность будет способствовать служебному продвижению (среди русских таких оказалось менее 2%), и лишь 2% опасались ее отрицательного влияния, остальные ответили, что пока об этом трудно судить.

Принципиально иным было мнение на этот счет у населения Приднестровья. Здесь русские и молдаване в значительной массе затруднились ответить на вопрос нашей анкеты о возможном влиянии своей национальной принадлежности на продвижение по службе, а более 20% и среди молдаван, и среди русских считали, что никакой роли она играть не будет.

К 1996 г. этнический фактор в трудовой сфере Молдовы стал играть уже не столь доминирующую роль во многих ключевых вопросах, например, связанных с увольнением с работы, но он продолжал сохранять свое значение в других не менее важных сферах трудовой жизни, где его значение было легче замаскировать, сославшись, например, на экономические трудности. Особенно это касалось вопросов социального роста, перевода работника на более высокую должность, более оплачиваемую работу.

Русские еще далеко не ощутили себя полноправными гражданами Молдовы, равными трудовыми партнерами молдаван. В 1996 г. доля считавших, что молдаване имеют преимущества при занятии престижных высокооплачиваемых мест, хотя и несколько снизилась, оставалась все же довольно весомой, достигая почти 80%. Кроме того, 84% русских кишиневцев придерживаются мнения, что молдаване и румыны имеют явные преимущества и при поступлении в вузы.

Почти не изменилась по сравнению с 1993 г. доля русских кишиневцев, считавших, что их национальная принадлежность отрицательно скажется на служебном продвижении, составив более 50%. О том, что национальность не влияет на служебный рост, высказалось 30% русских. Ответы молдаван были прямо противоположными: лишь 3% заявили об отрицательном влиянии своей национальной принадлежности на трудовую карьеру и 59% ответили, что не ощущают воздействие своей национальности на продвижение по службе.

Сохраняющееся влияние этноязыковых факторов на трудовую жизнь русских Молдовы отмечали и эксперты, опрос которых был проведен весной 1996 года. Русские эксперты Правобережья на вопрос о том, есть ли сейчас какие-либо особые проблемы в сфере трудовой занятости местного русского

населения, в подавляющем большинстве ответили утвердительно. При этом более половины из них связывали сложности в трудоустройстве русских, в продвижении их по службе с незнанием большинством работников русской национальности государственного языка, а более 40% в качестве такого отрицательного фактора назвали национальную принадлежность. С этим мнением во многом солидаризировались и те эксперты, которые видели основную причину затруднений в сфере трудовой занятости русских в преобладании молдаван на всех уровнях власти, что мешало служебному продвижению русских.

Среди экспертов-молдаван около 40% считали, что у русских нет никаких особых проблем в сфере труда; трудности, испытываемые сейчас населением Молдовы, одинаковы и у русских, и у молдаван и связаны с экономическим кризисом. Тем не менее большинство (почти 60%) молдавских экспертов были согласны с русскими в том, что свои проблемы в трудовой сфере жизни у русского населения все же есть и они определяются прежде всего незнанием большей его частью государственного языка. Высказывались и мнения о том, что русские просто не хотят приспособливаться к новым условиям жизни в республике, не желают смириться с потерей своего привилегированного положения и т.п., но подобных мнений придерживалось не более 10% экспертов-молдаван. Даже многие представители наиболее националистически настроенных слоев молдавской элиты признавали, что случаи увольнения работников из-за незнания ими государственного языка стали обычным явлением в Молдове, но это оценивалось, как вполне нормальное и законное явление.

Тем не менее уже немало молдаван Правобережья постепенно осознавало наличие откровенных перекосов в национально-кадровой политике своего государства. Хотя в 1996 г. значительная доля кишиневцев молдавской национальности (44%) считала, что при занятии престижных, высокооплачиваемых должностей преимуществ не имеет никто (русские дали такой ответ в 6% случаев), все же 23% среди них отмечали наличие таких преимуществ у молдаван и румын. Важно, что почти никто из респондентов (3% молдаван и 2% русских) не

считал, что какими-либо преимуществами при занятии престижных мест обладают русские.

Если вспомнить еще недавние обвинения молдаван, как впрочем и людей многих других титульных национальностей бывших союзных республик, в адрес русского населения, в том, что его представители захватили все важнейшие посты в их республиках, то столь резкие изменения в общественном мнении титульного народа представляются принципиально значимыми и дают повод прогнозировать формирование в Молдове более спокойной, благожелательной среды для жизни местного русского населения.

В связи с этим представляют интерес ответы русских и молдавских респондентов о существовании в их трудовых коллективах межнациональной конкуренции.

В большинстве бывших республик Союза рост межэтнической конкуренции начался более или менее интенсивно в основном в 1970-е годы в связи с подъемом профессиональной и образовательной подготовки работников титульных народов. Этот процесс происходил и в Молдавии. К 1993 г., согласно материалам нашего исследования, межнациональная конкуренция особенно обострилась в Правобережной Молдове, как в результате экономического кризиса, закрытия ряда предприятий и учреждений, роста безработицы, так и вследствие явных или скрытых льгот в социальном росте представителям молдавского населения. Несомненно также, что в трудовой сфере не менее остро, чем в обществе в целом, тогда весьма сильно ощущалось влияние общей атмосферы межэтнического конфликта, возбужденной предшествующими бурными событиями - становлением суверенитета Молдовы, вооруженным противостоянием в Приднестровье, событиями в Гагаузии.

Неудивительно, что, судя по итогам нашего опроса 1993 г., 85% русских и 79% молдаван Приднестровья межнациональной конкуренции не ощущали. Половина же горожан русской национальности Правобережной Молдовы и почти столько же сельчан отметили, что на своей работе ощущают (в той или иной мере) конкуренцию со стороны молдаван, причем очень сильную конкуренцию почувствовали в большей мере горожане, нежели

сельские жители - соответственно 22% и 6% ответов. В Кишиневе «давление» со стороны молдаван ощущалось русскими особенно остро, на весьма жесткую конкуренцию жаловались здесь 24% русских (диаграмма 4).

Наиболее часто испытывали конкуренцию со стороны молдаван на своей работе русские женщины, представители непроеизводственной интеллигенции и служащие, а также люди более старшего возраста. Так, почти две трети русских женщин считали, что работают в условиях конкуренции с молдаванами. Мужчины ощущали себя на работе более уверенно, но и среди них почти половина жаловалась, что в той или иной мере чувствует конкуренцию со стороны молдавских коллег. Среди представителей непроеизводственной интеллигенции и служащих о существовании межнациональной конкуренции на работе говорило более половины, причем треть призналась в том, что эта конкуренция очень сильна. Квалифицированные рабочие, а также специалисты и руководители, занятые на производстве, многие из которых трудились преимущественно в русскоязычных коллективах, говорили о существовании жесткой межнациональной конкуренции на своей работе намного реже - соответственно в 4% (рабочие) и в 12% случаев (специалисты и руководители).

Важно подчеркнуть, что с возрастом доля русских, говоривших, что в их трудовых коллективах конкуренция со стороны молдаван очень сильна, повышалась. Если среди 18-29-летних высокий уровень конкуренции отмечало менее 20% респондентов, то среди 40-59-летних более 40%.

Молдаване в условиях патерналистской политики государства по отношению к титульному населению не слишком опасались конкуренции со стороны русских. При этом важно еще раз подчеркнуть, что образовательный потенциал русских был более высок в сравнении с молдаванами. Тем не менее среди молдавского городского населения доля людей, указавших, что испытывают конкуренцию со стороны русских коллег, была в полтора с лишним раза ниже по сравнению с русскими, ощущавшими конкуренцию со стороны молдаван, а на особенно сильную конкуренцию пожаловалось лишь 8,5% молдаван, т.е.

более чем в 2,5 раза меньше, нежели русских. Сельские молдаване отметили конкуренцию со стороны русских всего лишь в 10% случаев.

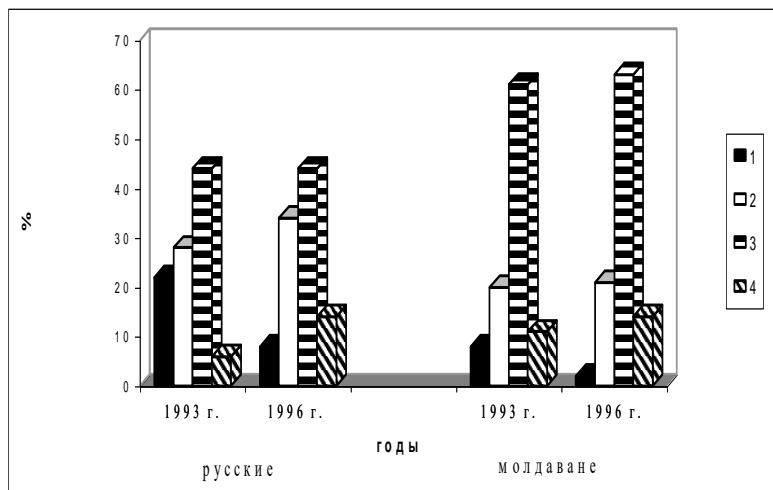
Конечно, рассматривая приведенные данные, следует иметь в виду, что в 1990-е годы молдаване чаще, нежели русские, работали в однонациональных трудовых коллективах, но разница в этом плане была не слишком существенной. Так, среди городских респондентов в смешанных молдавско-русских коллективах трудились 74% русских и 59% молдаван.

За три года, прошедших между нашими исследованиями накал конкуренции между русскими и молдаванами стал смягчаться (диаграмма 4). И среди русских, и среди молдаван, судя по опросу кишиневцев, заметно уменьшилась доля людей, жаловавшихся на очень сильную конкуренцию со стороны представителей другой национальности - у русских она сократилась с 24% до 8%, у молдаван - с 7% до 2%. В то же время среди русских сохранилась сравнительно большая доля тех (более трети опрошенных кишиневцев), кто ответил, что ощущает некоторую конкуренцию со стороны молдаван. Среди молдаван соответствующего мнения придерживалась группа по величине почти такая же, как и раньше (21%). Не изменилась доля тех, кто вообще не испытывал межнациональной конкуренции - среди русских она составила 44%, среди молдаван - 64%.

То обстоятельство, что национальная принадлежность продолжала восприниматься русскими в качестве одного из важнейших факторов развития их трудовой карьеры, критерия ценности работника так или иначе влияло и на всю их трудовую деятельность, означая для многих безнадежность попыток продвинуться по социальной лестнице путем повышения образования, роста профессиональной квалификации, подъема производительности труда и т.п., бессмысленность честной и продуктивной работы. В то же время и для немалой доли молдаван открывшаяся «зеленая улица» в служебном продвижении далеко не всегда приводила к действительному профессиональному и образовательному росту, а не просто к замене одной должности на другую, более высокую, на которой

к тому же далеко не все чувствовали себя достаточно комфортно, о чем говорит, в частности, рост неудовлетворенности своей работой и среди молдаван.

Диаграмма 4. Оценка уровня межнациональной конкуренции в трудовом коллективе. По данным опроса населения Кишинева.

Варианты ответов:

1. конкуренция сильная
2. конкуренция средняя
3. конкуренция слабая, отсутствует
4. затрудняюсь ответить

Важно, однако, отметить, что несмотря на существование межнациональной конкуренции и факты ущемления интересов русского населения в трудовой сфере, русские сумели сохранить сравнительно высокий уровень лояльности по отношению к молдаванам, в том числе к своим коллегам по работе, учебе. Эта тенденция прослеживалась на протяжении многих лет и фиксировалась материалами ряда этносоциологических исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР.

В начале 1970-х годов, например, 82% русских и столько же молдаван (в городах) считали, что национальность человека не имеет никакого значения при деловых взаимоотношениях /37/. В 1981 г этого мнения придерживалось 80% молдаван и 79% русских. В 1993 г. - пике национальной конфронтации, этот показатель несколько снизился у молдаван (до 73%) и особенно заметно у русских (до 60%).

Материалы исследования 1996 г., проведенные в Кишиневе, дают уже более оптимистичные прогнозы: 52% русских кишиневцев и 57% молдаван ответили, что им безразлично, в каком национальном коллективе работать, а по мнению 23% русских и 26% молдаван трудиться рядом с людьми разных национальностей даже интереснее, лучше. Тем не менее среди русских и в 1996 г. оказалась почти в 2 раза больше, нежели среди молдаван, доля ответивших, что в многонациональном коллективе работать сложнее - соответственно 21% и 12%.

Хотелось бы все же предположить, что чувства интернационализма, толерантности по отношению к людям других национальностей, свойственные большинству русского населения, помогут русским интегрироваться в общество суверенной Молдавии, а деловые качества, организаторские способности русских смогут повысить их шансы в трудовой сфере, особенно в нынешний период экономического кризиса, резкого снижения жизненного уровня всего населения в республике.

Необходимо особо подчеркнуть и такую важную с прогностической точки зрения тенденцию, как увеличение в составе местного русского населения числа людей более спокойно, оптимистично воспринимающих свое будущее в Молдове, желающих и надеющихся приспособиться к новым условиям жизни в ней, несмотря на сохраняющиеся национально-языковые проблемы и существенные экономические трудности.

-
1. «Земля и люди». Кишинев. 1996 г. 6 ноября
 2. Содружество Независимых Государств в 1996 г. Краткий статистический справочник. М. 1997. С.227.
 3. «Экономическое обозрение». 1997 г. Октябрь, N 40.

4. Квартальный статистический бюллетень в январе-декабре 1995 г., Кишинев, 1996. С. 4-6
5. П.М.Шорников. Ук. раб. С. 212
6. Статистический информационный бюллетень. Департамент статистики Республики Молдова. 1997 г. Сентябрь, N 5, с.3
7. Содружество Независимых Государств в 1996 г... С.135
8. Республика Молдова в цифрах. 1996 г. Краткий статистический справочник. Кишинев., 1997 г. с. 64
9. Статистический информационный бюллетень... С. 7.
10. "Независимая Молдова». 1997 г. 26 сентября.
11. Статистический информационный бюллетень... С. 7
12. «Кишиневские новости». 1997 г. Ноябрь, N 48.
13. «Деловая газета». 1997 г. Ноябрь, N 44
14. «Экономическое обозрение». 1997 г. Ноябрь, N 41
- 14 «Деловая газета». 1997 г. Ноябрь, N 44
15. Содружество Независимых Государств... С. 35
16. Статистический информационный бюллетень... С. 7.
17. «Молодежь Молдовы». 1997 г. Октябрь, N 42.
18. Содружество Независимых Государств... С. 126.
19. Тихон Жереги. Кривое зеркало экономических реформ. «Деловая газета», 15 февраля 1996 г.
20. Статистический информационный бюллетень... С.7.
21. Республика Молдова в цифрах. 1996 г... С. 46.
22. «Деловая газета». 21 января 1993 г.
23. «Коммунист». 1997 г. Октябрь, N 38.
24. Содружество Независимых Государств... С.124,
25. П.М.Шорников. Ук. раб. С.56.
26. Статистический ежегодник Республики Молдова. 1994 г. Кишинев, 1995. С. 90.
27. Республика Молдова в цифрах...С.47.
28. П.М.Шорников. Ук. раб. С. 148.
29. Молдова: столичные жители. Серия «Этносоциология в цифрах». М.,1994. С. 58.
30. «Молодежь Молдовы». 1997 г. Октябрь, N 31.
31. Там же.

32. Молдова: столичные жители... С. 50.
33. О расчетах индексов подробнее см.: Ю.В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР. М, 1971., С. 328.
34. Молдова: столичные жители... С. 63.
35. Ю.В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР.
36. Молдова: столичные жители... С. 63.
37. Там же

Глава 4. Найти свою «нищу»...

4.1. Мечты и реальность

Во второй половине 1990-х годов стали постепенно вырисовываться некоторые позитивные, хотя и весьма незначительные, сдвиги в положении местного русского населения Республики Молдова. Отдельные промышленные предприятия начали выходить из экономического кризиса, используя механизмы рыночных отношений, восстанавливая связи с прежними хозяйственными партнерами в других регионах бывшего СССР и за его пределами, обновляя оборудование и перестраиваясь на выпуск более востребуемой и конкурентоспособной продукции. Повысились потребности в квалифицированных рабочих, специалистах, организаторах производства, в том числе имеющих контакты вне Молдовы, в первую очередь, в России, с которой еще весьма тесно была связана экономика этого молодого государства (поставка энергоресурсов, сырья и т.п.). Соответственно выросла роль и работников русской национальности, имеющих немалый трудовой опыт, организаторские навыки, «выходы» на Российские предприятия и учреждения.

Русские, живущие в Правобережье, начали постепенно оправляться от того психологического шока, который они ощутили в первые годы независимости Молдовы, искать пути и возможности приспособиться к новым условиям.

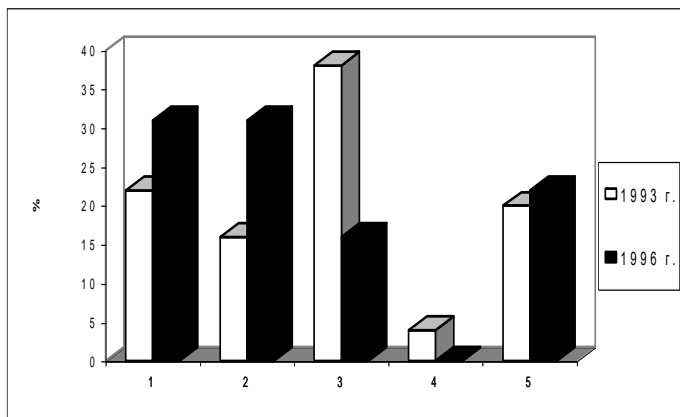
При решении многих вопросов, касающихся трудовой занятости, работники русской национальности стали проявлять большую гибкость, готовность идти на компромиссы. Росла, например, доля людей, согласных расстаться со своей нынешней профессией и заняться делом, более нужным республике в настоящий момент. Если в 1993 г. для сравнительно немалой части русских горожан Правобережья разрешение трудовых проблем связывалось в первую очередь с отъездом из Молдовы, например, в случае возможного увольнения с работы 38% городских респондентов высказали намерение уехать, то через три года этот показатель снизился более, чем вдвое - до 16%.

В то же время среди русского городского населения Правобережья в 2 с лишним раза возросла доля людей, готовых, потеряв работу, устроиться в Молдове на любую другую, в которой есть спрос - в Кишиневе соответственно с 13% до 31%. В этом вопросе русские заметно приблизились к молдаванам, среди которых на подобные перемены было согласно около 40% опрошенных. Однако, русские несколько чаще, нежели молдаване, высказывали желание в случае увольнения с работы все же сделать попытку устроиться по своей специальности - соответственно 31% русских и 22% молдаван (диаграмма 5). Естественно, что относительно больше людей, намеренных поменять профессию после потери своей прежней работы, было среди тех, кто не имел особой профессиональной подготовки: служащие, мало- и неквалифицированные рабочие. Квалифицированные рабочие, специалисты и руководители реже высказывали желание заняться переквалификацией. Тем не менее на это была согласна почти пятая часть русской производственной интеллигенции. Специалисты и руководители, занятые в непромышленной сфере, вдвое реже высказывали желание расстаться со своей профессией и освоить новую. В случае увольнения они чаще ориентировались на отъезд из республики.

Миграция за пределы Молдовы, как реакция на потерю работы, была названа и половиной русских юношей и девушек (от 56% среди 18-19-летних до 49% среди 25-29-летних). В старших возрастных группах русских желание уехать высказывалось реже и возрастала доля тех, кто в случае увольнения был готов устроиться на любую работу, нужную в республике. Вполне понятно, что для молодежи, более «легкой на подъем» по сравнению с людьми старшего возраста, переезд из Молдовы и трудоустройство на новом месте казались не слишком сложными. И в самой Молдове немало молодых людей русской национальности уже было занята в тех видах деятельности, которые получили в республике достаточно широкое распространение - торгово-посредническая, сфера обслуживания. Работая, например, менеджером, агентом, реализатором товаров, молодой человек, даже потеряв работу в одном месте, мог сравнительно просто устроиться по той же профессии в другом. Инженеру, конструктору, научному работнику, особенно гуманитарного профиля, при существующих в Молдове условиях это сделать

Диаграмма 5.

Представления о поведении в случае увольнения с работы.
По данным опроса русского населения Кишинева.

Варианты ответов.

1. поиски работы по специальности в Молдове
2. поиски любой работы в Молдове
3. отъезд из Молдовы
4. другой вариант
5. затрудняюсь ответить

было гораздо затруднительнее, поэтому им чаще приходилось ориентироваться или на отъезд из республики или на овладение новой специальностью. Русские сельчане Правобережья, в отличие от горожан, в случае увольнения с работы сравнительно редко высказывали желание уехать из республики. Немалая доля их, заметно более высокая, нежели в городе (соответственно 42% против 22%), в силу еще довольно высоких потребностей в селе в тех профессиях, которыми были заняты местные русские, рассчитывала найти здесь работу по своей специальности, и более четверти были согласны на любые занятия.

Хотя, как видим, далеко не все русские Правобережной Молдовы, как горожане, так и сельские жители, проявили готовность к социальной мобильности, к смене работы и профессии, тем не менее рост в их составе доли людей, согласных

на переквалификацию, говорит о некотором повышении шансов русских адаптироваться к новым условиям жизни в Молдове.

В Приднестровье половина русских горожан и почти столько же сельчан затруднились ответить на вопрос о своем возможном поведении в случае потери работы. Но, судя по мнениям ответивших, можно было еще раз отметить, что местное русское население Приднестровья чувствовало себя в сфере труда более комфортно, нежели в Правобережье. Относительно немногие, особенно в городах (всего 2%, в селе - 12%) в случае потери работы собирались уехать за пределы этого региона. Русские горожане Приднестровья несколько чаще, по сравнению с русскими Правобережья, рассчитывали на трудоустройство по своей нынешней специальности (27% ответов) и реже высказывали готовность заняться любой другой работой (10% ответов).

Русское население Правобережья более заметно по сравнению с русскими жителями Приднестровья корректировало свои профессионально-отраслевые ориентации в соответствии с изменившейся социально-экономической ситуацией в республике. Если еще в недалеком прошлом наиболее престижными сферами деятельности и у русских, и у молдаван выступали просвещение, здравоохранение, наука, культура, искусство, то с начала 1990-х годов в Правобережной Молдове эти отрасли для многих, как русских, так и молдаван, утратили свою прежнюю привлекательность. Низкая зарплата, слабая материальная база профессиональной деятельности, постоянная угроза остаться без работы не способствуют росту престижа профессий учителя, врача, ученого. По данным опроса 1993 г. названные сферы были выбраны в качестве наиболее предпочтительных лишь 15% русских горожан Правобережья и 14% молдаван (табл.6).

Чаще же всего русские горожане отдавали свои предпочтения отраслям торговли, обслуживания, посреднической деятельности (около 20% респондентов). Среди молдаван доля выбравших данные отрасли оказалась практически такой же (19%). Следующие места (по числу упоминаний русскими горожанами) делили между собой уже названные выше здравоохранение, просвещение,

Таблица 6. Представление о наиболее предпочтительных отраслях хозяйства. По данным опроса населения Кишинева. % .

Варианты ответов	Русские		Молдаване	
	1993 г.	1996 г.	1993 г.	1996 г.
1.тяжелая промышленность	14	9	8	3
2.легкая промышленность	13	13	13	13
3.строительство, транспорт	4	7	18	12
4.торговля, обслуживание, посредничество	19	20	19	19
5.здравоохранение, просвещение, наука, культура	15	29	14	16
6.финансово-кредитная деятельность	7	8	5	4
7.сельское хозяйство	3	1	9	1
8.другие отрасли	3	2	4	5
9.затруднились ответить	22	11	10	27
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

наука, культура, искусство (14%), тяжелая (14%) и легкая промышленность (13%), финансово-кредитная деятельность (7%), строительство, транспорт, связь (4%).

Рост интереса людей к отраслям торговли и обслуживания, к работе в банковской сфере вполне отвечал реалиям сегодняшней жизни, так как именно в этих областях работники могли найти себе более или менее надежный источник для сравнительно обеспеченного существования. Согласно данным статистики, в конце 1995 года наиболее высокие заработки в Молдове имели люди, занятые в финансовой деятельности (494 лея), затем коммерсанты «по обеспечению функционирования рынка» (352 лея), потом работники пищевой промышленности (303 лея), сферы управления (230 лей). Занятые же в машиностроении и металлообработке получали 162 леи, в здравоохранении - 127 лей, в образовании - 109 лей, в науке - 196 лей и т.д. \1\.

В отраслях торговли, обслуживания, посреднической и финансово-кредитной деятельности предпочла бы работать треть квалифицированных рабочих, около 40% служащих, и почти пятая часть интеллигенции русской национальности. К ним проявили интерес прежде всего молодые люди 18-24 лет, многие из которых хотели бы также устроиться в финансово-кредитной сфере, и русские старше 40 лет (от 33% до 40% респондентов в разных возрастных группах).

В то же время, как видно, интерес русских Молдовы к своим «традиционным» промышленным отраслям оставался сравнительно высоким (27% ответов). Правда, промышленные отрасли выбирали прежде всего сами работающие в них: среди рабочих - 40%, среди производственной интеллигенции - около 40%, т.е. заметно больше, чем в целом по массиву. Важно отметить, что на промышленные отрасли продолжали ориентироваться люди наиболее трудоспособного возраста - 25-39 лет (от 30% до 50%), преимущественно мужчины, которые, вероятно, рассчитывали, что их профессиональные знания и навыки в конце концов понадобятся постепенно восстанавливающейся индустрии республики.

Отрасли просвещения, здравоохранения, науки, культуры, искусства были также названы преимущественно работниками самих этих отраслей, причем людьми разных возрастов почти в равной мере. Важно отметить, что за прошедшие между нашими исследованиями три года характер и масштабы предпочтений русскими тех или иных хозяйственных отраслей почти не изменились за исключением отношения к работе в сферах просвещения, здравоохранения, науки, культуры, искусства. Если в 1993 г. работать в перечисленных отраслях хотели бы 15% русских кишиневцев и 14% молдаван, то в 1996 г - соответственно 29% и 16% (табл.6). Рост интереса русских к отраслям просвещения, здравоохранения, науки, культуры мог явиться результатом психологической реакции людей на ослабление национальной дискриминации в трудовой сфере, проявлением временно скрытых претензий на утраченные во время интенсивного национально-государственного строительства в Молдове социальные функции, а также вполне понятного желания сохранить свою национальную культуру и язык.

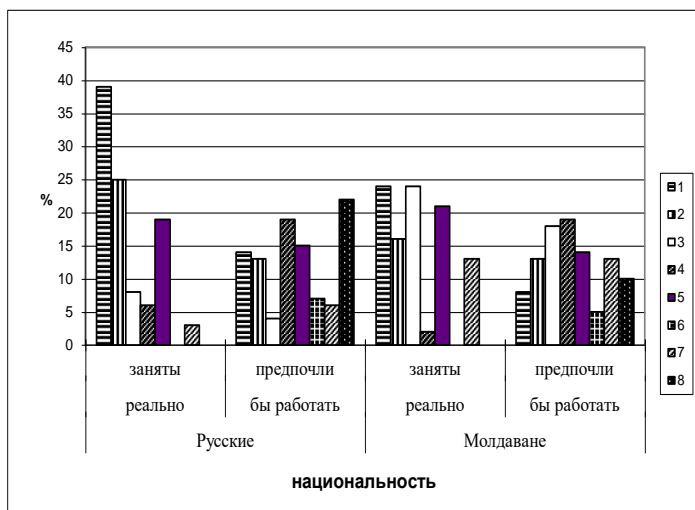
Нельзя не обратить внимание и на соотношение, с одной стороны, реальной занятости русских и молдаван в отраслях просвещения, здравоохранения, науки, культуры, искусства, с другой, - высказанных предпочтений данных сфер деятельности. В течение ряда последних лет из этих отраслей шло довольно активное «вытеснение» русских представителями титульного народа, но к середине 1990-х годов интерес к перечисленным выше сферам со стороны молдаван понизился. В 1996 г. доля претендующих на подобные профессии, среди городских молдаван Правобережья оказалась меньше доли реально в них занятых (соответственно 16% и 21%), у русских же это соотношение было противоположным - 29% и 19%. Можно, видимо, думать, что процесс сокращения численности работников русской национальности в отраслях просвещения, здравоохранения, науки и культуры не должен носить длительный характер, хотя бы уже потому, что образовавшиеся вакансии далеко не всегда смогут быть заполнены молдаванами. Как уже говорилось выше, в настоящее время ощущается, например, значительный дефицит педагогов в Кишиневе.

Судя по отраслевым предпочтениям русских и молдаван и их реальной отраслевой структуре, можно, вероятно, ожидать дальнейшего снижения доли работников индустриальных отраслей в занятом населении Молдовы. Так, согласно данным нашего исследования 1996 г., в Кишиневе, например, в промышленных отраслях хозяйства было занято более 60% русских респондентов и 40% молдаван. Между тем хотели бы работать в промышленности лишь 22% русских и 16% молдаван (диаграмма 6). Заметный разрыв существовал и между идеальными предпочтениями и реальной занятостью русских и молдаван в сферах торговли и обслуживания, хотя соотношение здесь было обратным. В целом среди русских в названных отраслях хотело бы работать 27% респондентов, среди молдаван - 23%, хотя в действительности в них было занято соответственно всего 6% и 3% опрошенных.

С точки зрения хозяйственно-экономических интересов Молдовы массовые перемещения работников, в том числе молодежи, из производственной сферы в торгово-посредническую

Диаграмма 6

Отраслевой состав русских и молдавских респондентов
в реальности и в предпочтениях.
По данным опроса городского населения Молдовы. 1993 г.

Варианты ответов:

1. тяжелая промышленность
2. легкая и пищевая промышленность
3. строительство, транспорт, связь
4. торговля, обслуживание, посредничество
5. здравоохранение, просвещение, наука, культура
6. финансово-кредитная сфера
7. прочие отрасли
8. затрудняюсь ответить

при отсутствии упорядоченной налоговой политики вряд ли можно отнести к особо положительным явлениям. Повышенный интерес к торгово-посреднической и финансово-кредитной деятельности со стороны как русских, так и молдаван, может привести и к ужесточению конкуренции между ними в названных сферах, обострению межнациональной конфронтации.

Следует, однако, отметить, что в других хозяйственных отраслях можно ожидать более широкого и взаимовыгодного сотрудничества молдаван и русских. Например, в строительстве,

на транспорте, в которых молдаване и раньше участвовали достаточно широко. Важно еще раз подчеркнуть, что в тяжелой промышленности русские, как видно, были согласны работать все же чаще, нежели молдаване.

Можно, таким образом, сказать, что несмотря на проводимые сверху кадровые перемещения и этнические «чистки», различия в отраслевом составе русских и молдаван, как реально существующие, так и отразившиеся в их предпочтениях, дают основание говорить о возможной трудовой кооперации представителей этих национальностей, их трудовом сотрудничестве при условии смягчения требований к языковой компетенции русских.

У русского сельского населения также, как и у городского, существовали довольно значительные различия между ориентациями людей на те или иные сферы деятельности и реальной занятостью в них. Согласно данным нашего исследования 1993 года, более 70% русских сельчан и более 60% молдаван Правобережной Молдовы работали в сельскохозяйственном производстве. Между тем хотели бы работать в сельском хозяйстве соответственно всего 9% русских и 30% молдаван. В сферах торговли, обслуживания, посреднической деятельности предпочитали трудиться 45% русских, т.е. более чем в 2 раза больше, нежели в городском населении, и во столько же раз больше по сравнению с сельскими молдаванами. Сравнительно немало русских и молдаван в селе (более 20%) предпочли бы работать в отраслях просвещения, здравоохранения, науки, культуры.

Совершенствование культурно-бытовой среды в селах Молдовы представляется важным и необходимым процессом. Однако трудно представить себе его быстрое развитие при нынешней экономической ситуации в республике. Можно предположить, что профессиональные ориентации немалой части русских сельчан вряд ли в скором времени будут реализованы в сельских условиях. Скорее следует ожидать перемещения наиболее продвинутой и активной части сельского населения, в первую очередь из числа молодежи, в города Молдовы, в которых гораздо шире возможности для социальной самореализации, но и острее конкуренция, выше требования к работникам нетитульных национальностей.

По сравнению с русскими Правобережья отраслевые предпочтения русского населения Приднестровья выглядят несколько более традиционными. По данным исследования 1993 г. в качестве особенно популярных сфер деятельности русскими Приднестровья были выбраны здравоохранение, просвещение, наука, культура, в которых высказали желание работать более 30% русских. В особо же популярных в Правобережье торгово-посреднической и финансово-кредитной деятельности хотело бы участвовать соответственно лишь 10% и 1%. Среди молдаван доля высказавших подобные предпочтения также была невысока - около 6%.

В значительной мере различия в позициях русских Правобережья и Приднестровья объясняются разницей в стратегии социально-экономических преобразований, проводимых на данных территориях, разных темпах развития экономических реформ. Не вызывает сомнения и тот факт, что существование этнической дискриминации русских Правобережья в сферах высокоинтеллектуального труда, тем или иным образом влияет на характер отраслевых предпочтений местного русского населения. В ПМР воздействие подобного фактора отсутствует. Как было показано выше, даже небольшое смягчение этноязыкового гнета по отношению к русским Правобережья вызвало с их стороны ответный рост желаний трудиться в сферах деятельности, где требуется высококвалифицированный умственный труд - в просвещении, здравоохранении, науке, культуре, искусстве. Это свидетельствует о том, что не только в Приднестровье, но и в Правобережье социальные запросы русского населения остаются довольно высокими, а толерантность и солидарность в сфере межэтнических отношений - достаточно развитыми.

Об этом говорят, в частности, и данные нашего исследования о том, какие занятия и профессии наиболее подходят для работников русской национальности, позволяют русским трудиться более эффективно, приносить большую пользу республике. В 1993 г., примерно треть русских и половина молдаван среди горожан Правобережья затруднились ответить на данный вопрос или сказали, что русские могут заниматься любым делом. Однако большинство русского и немалая часть молдавского населения все же имели на этот счет свои суждения. Причем во

взглядах молдаван и русских обнаружилось не только немало различий, но и некоторые общие черты.

Так, молдаване предпочитали видеть своих русских земляков преимущественно квалифицированными рабочими и специалистами (в равной мере), занятыми в отраслях тяжелой индустрии. Русские также считали, что вполне способны работать в этой традиционной для себя отрасли хозяйства, но все же называли вполне приемлемыми для себя и немало других сфер деятельности, в которых могли бы успешно трудиться - управление, науку, просвещение и т.п. В 2 раза чаще, нежели молдаване, русские выбирали профессии высококвалифицированного умственного труда и, что особенно важно, в 9 раз чаще - профессии руководителей. Следует, однако, отдать должное молдаванам, которые практически в такой же степени, как и русские, считали, нежелательным для русского населения мало- и неквалифицированный физический труд. Занятия подобной работой назвали пригодными для русских всего 5% опрошенных молдаван и еще меньше русских.

В сельской местности, где, как уже говорилось, русские еще сохранили свои позиции в качестве руководителей и специалистов, молдаванами чаще, нежели в городах, отмечались вполне подходящими для русских занятия интеллектуального труда. Но и в селе на первом месте по числу выборов у молдаван стояли профессии квалифицированных рабочих, у русских же сельчан - профессии специалистов. Тем не менее социальные претензии русских жителей села были гораздо скромнее, чем у горожан.

Профессии специалистов в качестве наиболее приемлемых для людей русской национальности чаще всего называли сами представители данной группы - около 70%, в то время как среди рабочих доля подобных выборов опускалась до 30-40%. Соответственно в составе работников физического труда было больше упоминаний рабочих профессий.

В то же время должности руководителей наиболее часто отмечали именно рабочие, т.е. работники преимущественно исполнительского труда. Так, более половины рабочих считала, что русским вполне по плечу руководящие функции, среди же интеллигенции занятия руководителей назвало менее трети. Отмеченные расхождения в ответах представителей данных

социально-профессиональных групп могут служить свидетельством, с одной стороны, существования значительных сложностей, которые испытывают в нынешних условиях в Молдове русские, занятые на руководящей работе, многие из которых считают, что подобной работой русским лучше не заниматься. С другой стороны, эти данные говорят о желании работников, чей труд носит исполнительский характер, иметь в качестве руководителей людей своей национальности, дефицит которых стал уже достаточно ощутим.

Роль руководителя в качестве вполне подходящей для русских сравнительно часто выбирали представители русской молодежи, особенно 25-29-летней (более половины ответивших), уже имеющей определенный трудовой опыт. Молодежь практически совсем не упоминала занятия мало- и неквалифицированного физического труда. С возрастом увеличивалась доля людей, назвавших подобную работу вполне пригодной для русских, и одновременно уменьшалась доля выборов руководящих должностей. В то же время практически одинаково проголосовали представители различных возрастных групп за профессии специалистов и квалифицированных рабочих. Занятия же предпринимательской деятельностью выбирали чаще всего 18-19-летние (27%, в остальных группах - 10-15%).

Хотя, как видно, оценка трудового потенциала русских со стороны самого русского населения была заметно выше той, которую дали ему молдаване, можно все же сказать, что даже в 1993 г., на который пришелся пик межэтнической конфронтации в Молдове, в общественном мнении населения этой республики труд местных русских ценился достаточно высоко. Многие склонялись к тому, что русские должны сохранить свои позиции в индустриальных отраслях, работая там в качестве специалистов и квалифицированных рабочих. В то же время по поводу занятости русских интеллектуальными профессиями в непроемственной сфере, а также в управлении, мнения молдаван и русских Правобережья существенно разошлись. И те и другие прекрасно понимали, что в основе новой национальной политики и меняющейся этнополитической ситуации лежали экономические и социальные интересы и возможности. И пересмотр их тревожил обе стороны.

Оценки профессиональных возможностей местного русского населения у русских и молдавских жителей Приднестровья оказались гораздо ближе друг к другу, нежели в Правобережье. Например, профессии руководителей были названы вполне пригодными для русских 23% респондентов русской и 18% молдавской национальности в городах Приднестровья, в Правобережье же - соответственно 26% русских и 2% молдаван.

К моменту проведения нашего повторного исследования мнения о наиболее подходящих занятиях для русского населения несколько изменились в сторону повышения престижа труда русских работников. Особенно важно отметить определенные изменения во взглядах молдаван. Хотя лидирующее место по числу отданных голосов среди молдаван Кишинева продолжали занимать индустриальные отрасли, как наиболее подходящие для русских, более весомая доля молдаван проголосовала и за сферы просвещения, здравоохранения, науки, культуры, и даже за сферу управления. Если в 1993 г. молдаване называли профессии специалистов и квалифицированных рабочих почти с одинаковой частотой (соответственно 26% и 24% выборов), то в 1996 г. доля упоминаний профессий специалистов несколько «перевесила», составив соответственно 28% против 21%. Доля же молдаван, назвавших вполне пригодными для работников русской национальности должности руководителей, возросла с 3% до 9%.

Конечно, эти цифры еще крайне невелики, тем более, что половина молдаван и по итогам исследования 1996 г. затруднилась ответить на данный вопрос. Но в них все же можно увидеть наметившуюся тенденцию к росту авторитета работников русской национальности среди титульного населения, признания за русскими права на квалифицированную работу в ведущих отраслях экономики. Правда, функции руководства, по мнению пока еще значительной части молдаван, русские выполнять не должны.

Представления русских о своих профессиональных возможностях к середине 1990-х годов также несколько изменились. Даже те, пока еще не очень существенные положительные перемены в сфере трудовой занятости русского населения Молдовы, которые произошли за последние несколько лет, возродили, возможно, не слишком реальную надежду на

восстановление утраченных социальных функций. Так, доля выбравших профессии специалистов в качестве наиболее подходящих для местного русского населения увеличилась среди русских Кишинева с 53% до 68%, а доля назвавших занятия руководителей - с 27% до 32%. В то же время в сложившейся в Молдове к середине 1990-х годов этнополитической и экономической ситуации росла доля русских, видящих выход из нее в массовом переходе работников в сферу квалифицированного физического труда. Относительная численность русских кишиневцев, проголосовавших за профессии квалифицированных рабочих увеличилась с 30% до 46%.

Хотя за три года между нашими исследованиями, социальные претензии русского населения Молдовы несколько возросли, перемены в его реальном социально-профессиональном составе произошли отнюдь не в лучшую сторону. Доля русских, назвавших наиболее подходящими для местного русского населения занятия квалифицированного умственного труда, оказалась в 1993 г вдвое, а в 1996 г. уже более чем вдвое выше доли русских респондентов, занятых на должностях, требующих соответствующей профессиональной подготовки.

Конечно, далеко не все русские, в принципе согласные с тем, что профессии специалистов и руководителей являются вполне приемлемыми для работников русской национальности, сами претендуют на подобные должности. Однако, нельзя не заметить, что несоответствие социальных претензий немалой части русского населения его реальному положению может негативно сказаться на процессе приспособления русских к новым жизненным условиям в суверенной Молдове, вызвать у людей чувство психологического дискомфорта, апатии или агрессии. Ситуация в многонациональной республике, при которой представители национальных меньшинств считают, что лица их национальности заслуживают более высокий статус, чем занимают, вряд ли можно назвать благоприятной для развития межнациональных отношений.

Но все же с известной долей осторожности можно сделать вывод о том, что с середины 1990-х годов в Молдове начался новый этап взаимной «притирки» и адаптации русского и молдавского населения. И этот процесс имеет некоторые перспективы только в том случае, если свершится окончательный переход от прежнего принципа патернализма к принципу

паритетности. Оптимизации процесса приспособления русских к новым жизненным условиям, поиска ими новой социально-профессиональной ниши в определённой мере должно помочь и дальнейшее развитие в Молдове рыночных отношений. Возможно, что именно на ниве частного предпринимательства местные русские смогли бы реализовать многие из своих социальных запросов и претензий.

4.2. Рынок - новые возможности или новое неравенство?

Осуществление экономических преобразований в Молдове, как и в других республиках бывшего Союза, имело свои особенности.

В начале 1990-х годов руководством республики был выбран путь государственного регулирования перехода к рынку с доминированием в течение ближайших 5-7 лет государственной собственности в отраслях, имеющих стратегическое значение для национальной экономики, а также образующих ее инфраструктуру - энергетика, транспорт, связь и т.п. В то же время было начато акционирование предприятий, подлежащих приватизации, прежде всего в торговле, бытовом обслуживании, пищевой промышленности. К середине 1990-х годов завершился первый этап приватизации земли, был принят закон о купле-продаже земельной собственности.

К этому времени была в основном сформирована законодательная база рыночной экономики. Парламент нового созыва (1994 года) принял ряд документов рыночного характера: «О собственности», «О банках», «О защите иностранных инвестиций», «О банкротстве» и другие. В 1995 г. на 10 аукционах была приватизирована собственность стоимостью 2,8 млрд. лей, на что было использовано около 90% всей массы бонов (бон - примерно то же, что ваучер в России). В июне 1997 г. была утверждена Государственная программа приватизации на 1997-98 гг., предусматривающая распродажу оставшейся государственной собственности уже за деньги. Преобладающим в республике стал частный сектор, что существенно изменило ее экономическую и социальную структуру. Доля частного сектора

в Молдове была примерно такой же, как в передовых странах Запада.

В 1996 году в негосударственной сфере работало более 60% занятого населения Молдовы \2\ . Это был один из самых высоких показателей по СНГ. «Опережала» Республику Молдову в этом отношении только Киргизия. Наиболее высокий уровень разгосударствления был достигнут в сельском хозяйстве, где в государственном секторе оставалось лишь 13% занятого населения, а также в строительстве (18%), в сферах торговли и обслуживания (14%). В то же время в промышленности, где преимущественно работали русские, на государственных предприятиях было занято еще 23% всех работников промышленного производства \3\ . Правда, и в сферах просвещения, здравоохранения, науки, культуры, искусства, где трудилось немало молдаван, подавляющее большинство предприятий и организаций находилось в ведении государства.

Несмотря на коренные изменения в экономической и социальной структуре общества Правобережной Молдовы приватизация на первых порах не принесла заметных положительных результатов.

По словам бывшего депутата Парламента Республики Молдова П.М.Шорникова, в Молдове еще «...нет достаточного числа людей с капиталами и желанием организовать производство. Бешеные деньги, заработанные кучкой лиц на распродаже советского наследства, утекли за границу. Ни предпринимателей, желающих пустить в ход гиганты нашей индустрии, ни массы крестьян, стремящихся стать фермерами, нет и в помине. Поэтому вслед за приватизацией в экономику пришел развал» \4\ .

Как и во многих других бывших союзных республиках, в том числе в России, частная инициатива в Молдове была направлена в основном на посредничество и сферу услуг. Из 2 278 приватизированных предприятий только 577 (четверть) представляли собой производственные объекты \5\ . Многие акционированные предприятия не работали или работали не в полную силу, зарплата их работников оставалась крайне низкой и выплачивалась нерегулярно. Одним из примеров не совсем удачных рыночных экспериментов в Молдове можно считать и созданную там свободную экономическую зону «Молдэкспо»,

которая была организована для подъема местного производства, а превратилась в перевалочную базу импортных товаров - сигарет, сосисок, стиральных порошков и т.п.\6\.

Тем не менее население Молдовы постепенно стало ощущать и положительные плоды рыночных реформ - значительно расширился рынок товаров и услуг, улицы Кишинева украсили отреставрированные и модернизированные здания банков, частных магазинов, кафе, у людей появились возможности получать дополнительный заработок, подрабатывая в сфере торговли и услуг, открыть собственное дело, приобрести в собственность квартиру, земельный участок и т.д.

Неудивительно, что отношение населения Молдовы к проводимым в республике экономическим преобразованиям было далеко неоднозначным, причем определенную роль играл здесь и этнический фактор.

Во многих государствах нового зарубежья люди нетитульных национальностей более настороженно, нежели представители титульного народа, относились ко всякого рода реформам, осуществляемым местным руководством. Они опасались, что грядущие изменения, далеко не для всех достаточно понятные, на фоне национальной дискриминации, могут еще заметнее ухудшить положение национальных меньшинств. Тем более, что уже проведенные мероприятия были в основном совершены отнюдь не в интересах нетитульного населения. Титульные же народы, в своем большинстве уверенные в том, что «их» национальные государства и созданы для того, чтобы действовать во благо людей титульной национальности, более благожелательно воспринимали различные государственные нововведения, особенно в первые годы национально-государственной суверенизации.

Складывалась парадоксальная ситуация, когда рыночные реформы, при которых важнейшим критерием ценности работника должны стать его знания, опыт, деловые качества, а не национальность или родственные связи (в результате чего русское население получило бы надежду на улучшение своего положения), тем не менее шире поддерживались не русскими, а представителями титульных национальностей. Согласно материалам нашего опроса 1993 г., русские горожане на вопрос о

том, какие положительные и отрицательные стороны перехода к рынку в Молдове они видят, чаще, нежели молдаване, отмечали преимущественно негативные моменты. Вообще никаких положительных черт не смогли назвать 32,5% русских Правобережья и лишь 12,5% молдаван.

К числу негативных сторон рыночных реформ в Молдове русские горожане Правобережья отнесли прежде всего рост нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, утрату социальных гарантий (53% ответов). На втором месте по числу упоминаний стоял такой фактор, как безработица (48%) и только на третьем - опасения по поводу снижения материального уровня жизни (35% выборов). Доля русских, указавших в качестве отрицательного аспекта рыночных отношений возможность эксплуатации со стороны новых хозяев, составляла почти четверть (24%) респондентов. По мнению 15% русских развитие рыночных отношений в Молдове может способствовать росту межнациональных конфликтов в республике.

Представления на этот счет молдаван Правобережья были несколько иными. Вполне естественно, что в своем государстве молдаване чувствовали себя увереннее, нежели русские. Доля тех среди них, кто предполагал, что переход к рынку усилит нестабильность их положения, неуверенность в завтрашнем дне, составляла всего 19%, т.е. была вчетверо ниже по сравнению с русскими. Первое же место по числу выборов занимал у молдаван такой фактор, как опасность безработицы (56%). Снижения материального уровня жизни вызывало недовольство у 35% молдаван, а возможной эксплуатации со стороны новых хозяев опасалось всего 13%, т.е. почти вдове меньше, чем среди русских, предполагавших, вероятно, что этими новыми хозяевами станут скорее всего молдаване.

Тем не менее основная масса и молдаван (59%), и русских (51%) - городских жителей отнеслась к переходу Молдовы на рыночные рельсы в той или иной мере положительно. Мнения молдаван и русских по поводу позитивных аспектов рыночной экономики оказались весьма дифференцированными. Наиболее часто русские горожане называли в качестве привлекательной стороны перехода к рынку расширение условий для получения больших заработков (16%), а также для реализации своих способностей и талантов (16%). Такая важнейшая черта рыночной

экономики, как возможность стать собственником, привлекала 12% русских горожан.

У молдаван, напротив, именно этот аспект упоминался чаще других (19% ответов). Молдаване более часто по сравнению с русскими говорили и о таких сторонах рыночных реформ, как повышение сознательного отношения работников к своему труду, укрепление трудовой дисциплины (18%). Рост возможностей для реализации своих способностей отметила почти такая же доля молдаван, как и русских (15%). Были названы и многие другие черты рыночной экономики, оцениваемые респондентами как положительные, но их выбирали сравнительно немногие, как молдаване, так и русские (от 4% до 7% ответивших).

Работники разных социально-профессиональных групп русского городского населения Правобережья оценивали переход к рынку в Молдове в основном однозначно. Во всех группах (кроме квалифицированных рабочих) «за» рынок было подано больше голосов, нежели против него. Квалифицированные рабочие в отличие от представителей других категорий работников наиболее негативно отнеслись к рыночным преобразованиям - доля противников рынка среди них несколько перевесила долю его сторонников (45% против 40%, остальные затруднились ответить). Положительные же оценки рыночным отношениям чаще всего высказывали служащие (65%), мало и неквалифицированные рабочие (53%). Мнения русской интеллигенция разделились - 45% голосов было подано «за» и 31% «против» рынка (остальные затруднились ответить на этот вопрос).

В отличие от молдаван, национальная интеллигенция которых была наиболее яркой приверженницей рыночных преобразований, среди русских Правобережной Молдовы, как видим, сторонниками перехода к рынку в Молдове в начале его становления оказались преимущественно малоквалифицированные и малообеспеченные слои, которым было «нечего терять», и которые надеялись, что грядущие перемены возможно, изменят их жизнь к лучшему. Сказывалась, вероятно, и меньшая осведомленность мало- и неквалифицированных групп работников о рыночных реформах вообще, их содержании, издержках и последствиях, не столь четкое осознание по

сравнению с представителями интеллигенции зависимости своего положения в период экономических преобразований в республике от этнических факторов, от принадлежности к национальному меньшинству. Недаром в Кишиневе, где рыночные преобразования начались раньше и велись интенсивнее, и где в то же время факты национальной ущемленности были многочисленнее, доля сторонников рынка среди местных русских была ниже, чем во всем городском населении - 43% против 51%. У молдаван эти показатели почти не отличались - 61% и 60%.

Весьма важным с точки зрения межэтнической адаптации представляется отношение к рыночным преобразованиям русской молодежи. В самом деле, именно ей предстоит жить в условиях тех социально-экономических отношений, основы которых в Молдове закладываются в настоящее время. Позитивным в этом плане можно назвать то обстоятельство, что именно среди 18-24-летней русской молодежи доля поддержавших переход к рынку в Молдове оказалась наиболее высокой (более 80%), причем многие ее представители уже смогли оценить те или иные стороны рыночной экономики не только теоретически, но и на опыте своего непосредственного участия в рыночных структурах.

В своих оценках рыночных отношений русские юноши и девушки 18-24 лет проявили как явный прагматизм и меркантильность, так и стремление к самосовершенствованию, духовному и социальному росту. В иерархии рыночных ценностей на первом месте у них стояла возможность зарабатывать без ограничений (50%). С повышением возраста (даже в «соседней» возрастной группе 25-29 лет) частота упоминаний этого фактора резко снижалась (до 15% и ниже). На второе же место русская молодежь поставила такую важную черту рыночной экономики, как возможность стать собственником (43% выборов). Среди 25-29-летних ее упомянули уже только 9%, а в самой старшей возрастной группе - лишь 7%. Почти трети русской молодежи импонировало и расширение условий для более полной реализации своих способностей. И почти столько же приветствовало рост стимулов для повышения образования, квалификации. В то же время молодежь реже, чем представители более старшего возраста, говорили о том, что

рынок расширит возможности для проявления инициативы, самостоятельности в работе (5% среди 18-24-летних и 16% среди 30-49-летних), будет способствовать укреплению трудовой дисциплины.

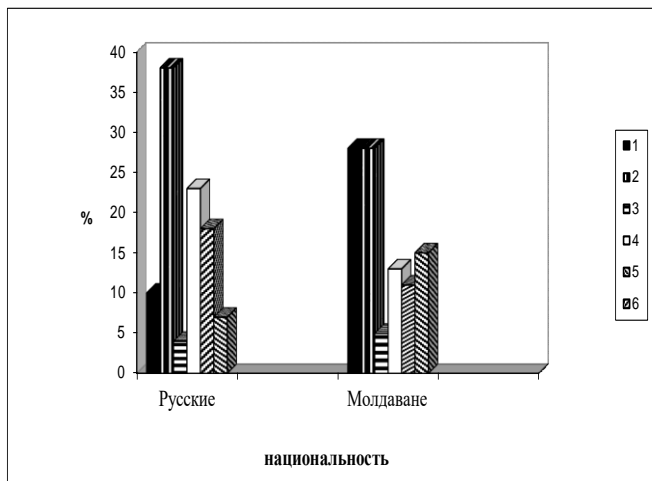
У сельского населения Правобережной Молдовы в 1993 г. отношение к рыночным реформам еще во многом не сформировалось. До трети сельских респондентов (и русских, и молдаван) затруднилось ответить на вопрос о возможных результатах перехода республики к рынку. Однако и в селе «за» рынок было подано больше голосов, нежели «против» - соответственно среди русских 44% и 27%, среди молдаван - 51% и 21%. Как видно, в сельской местности, также как и в городе, молдаване несколько чаще, нежели русские, выступали в поддержку рыночных реформ.

С течением времени болезненность переходного периода, многочисленные изъятия и недоработки при проведении рыночных преобразований, свойственные большинству республик бывшего Союза, заявивших о переходе к рыночной экономике, почувствовали и многие представители титульных народов (диаграмма 7). Судя по опросу кишиневцев, доля молдаван, в той или иной мере отрицательно отозвавшихся о процессе проведения рыночных реформ в Молдове, увеличилась с 1993 по 1996 г. более чем вдвое, (с 10% до 24%), в то время как число сторонников реформирования несколько сократилось (с 61% до 55%). Хотя последние еще опережали по численности «армию» недовольных, дистанция между ними сократилась с 6 раз до 2,3 раза. У русских же, напротив, соотношение групп «реформаторов» и их противников несколько изменилось в сторону первых, составив соответственно 48% и 41%, в то время как в 1993 г. среди русских Кишинева это соотношение выглядело как 43% против 39%.

Несмотря на то, что ряды молдаван заметно пополнились недовольными политикой реформирования в республике, различия в оценках реформ между молдаванами и русскими продолжали сохраняться. Особенно значительной оказалась дистанция между относительной численностью людей молдавской и русской национальностей, высказавших наиболее радикальные мнения о рыночной экономике. Так, если среди русских, согласно опросу кишиневцев 1996 г., безоговорочно поддерживающих

Диаграмма 7.

Отношение к рыночным преобразованиям в Молдове.
По данным опроса населения Кишинева. 1996 г.

Варианты ответов.

1. положительное
2. скорее положительное
3. безразличное
4. скорее отрицательное
5. отрицательное
6. затруднились ответить

реформы было только 10%, то среди молдаван - 28%. Соответственно людей, которых реформы полностью не устраивали, насчитывалось среди русских более 18%, а среди молдаван - 11%.

В Приднестровье экономическая политика в начале 1990-х годов заметно отличалась от проводимой в Правобережье. Реформы там были едва заметны. Руководство ПМР сохранило за собой почти все рычаги управления экономикой. В 1996 году в негосударственном секторе трудилось лишь 22% занятого населения, т.е. почти в 3 раза меньше, нежели в Правобережье. К негосударственному сектору относились в основном малые

предприятия, владельцами которых являлись общества с ограниченной ответственностью, арендующие у государства средства производства. На территории Приднестровья действовало также 7 совместных предприятий с численностью около пятисот человек \7\.

Между тем население Приднестровья, как русское, так и молдавское, было в своем большинстве отнюдь не против рыночных преобразований. В 1993 г. в их поддержку высказалось 60% молдаван и 52% русских, то есть практически столько же, сколько в Правобережной Молдове. Правда, в Приднестровье оказалось относительно больше людей, крайне негативно относящихся к рынку: 41% русских и 28% молдаван в ПМР против 32% русских и 13% молдаван в Республике Молдова (остальные затруднились ответить на этот вопрос). В этой связи важно отметить и отсутствие единого мнения по поводу экономических преобразований в Левобережье у представителей приднестровской элиты. На вопрос, отличается ли проведение экономических реформ в Приднестровье от Правобережья и, если отличается, то чем, были получены весьма противоречивые ответы. Хотя половина экспертов-молдаван и около половины русских отметили, что в Приднестровье реформы или совсем не идут или идут гораздо слабее, нежели в Правобережье, и это отрицательно отражается на экономике и жизни местного населения, по мнению почти 40% экспертов-молдаван и более чем 40% русских реформы в Приднестровье не только проводятся, но и осуществляются на основе более гуманных принципов, они более социально-направлены, чем в Республике Молдова. И, наконец, примерно 14% молдавских и русских экспертов крайне отрицательно отнеслись к процессу рыночного реформирования вообще и в Правобережье, и в Приднестровье.

Со второй половины 1990-х годов ситуация в Приднестровье стала постепенно меняться. Экономика ПМР требовала инвестиций, которых не было у государства. Осенью 1997 г. в Приднестровской столице состоялся съезд Объединенного совета трудовых коллективов (ОСТК), наиболее влиятельной общественной организации, стоящей у истоков создания ПМР. Более трехсот депутатов съезда обсудили экономическую ситуацию в ПМР, отметив, что кризис экономики здесь был вызван не только объективными причинами, но и ошибками в

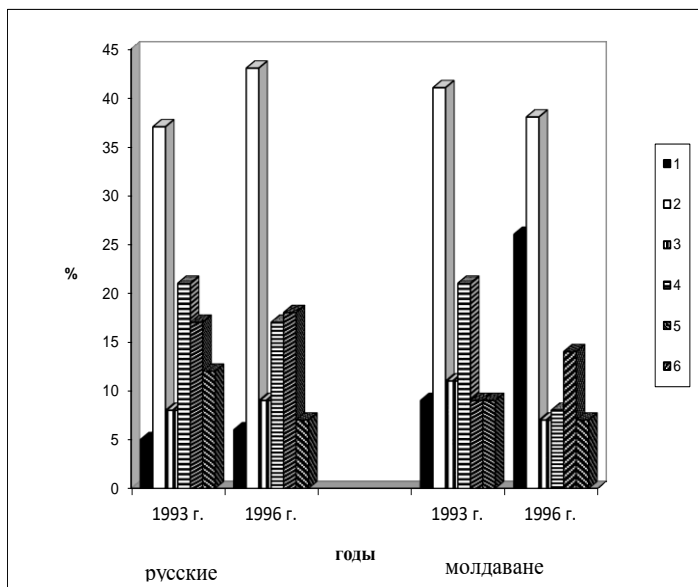
руководстве народно-хозяйственным комплексом. Съезд ОСТК рекомендовал приднестровскому парламенту незамедлительно «обновить» и принять законы «О предпринимательской деятельности», «О собственности», «О разгосударствлении и приватизации» и др. (8\). На переходный период Приднестровским парламентом была предложена концепция преобразования государственных предприятий в государственно-акционерные общества (владельцем всего пакета акций оставалось государство). Первым из крупных предприятий ПМР акционированию был подвергнут Молдавский металлургический завод. Была начата продажа квартир населению по остаточной стоимости.

Между тем рыночные отношения «проникали» в Левобережье и до их официального признания властями. Во многом этому способствовала местная молодежь, которая в условиях экономического кризиса не могла найти на территории ПМР возможностей для заработка. Одним из способов получения денежных средств здесь стала активная торговля, в том числе автомобилями, «пригоняемыми» из-за границы, импортными продуктами, средствами гигиены и т.п. Многие местные молодежные организации основали свои торговые фирмы, в том числе используя помещения государственных магазинов, сдаваемые в аренду. В 1997 г. значительная часть магазинов в Тирасполе уже работала на коммерческой основе.

Показательно, что в 1993 г. отношение населения Приднестровья к коммерческим организациям оказалось даже более позитивным, чем у русских Правобережья. Их деятельность одобрили (в той или иной мере) 53% русских горожан Приднестровья и 72% молдаван, в то время как в Правобережье - 42% русских и 50% молдаван. В начале 1990-х годов на фоне значительного упадка государственных хозяйственных структур, пустых магазинов, растущей безработицы многие жители Приднестровья полагали, что более широкое развитие в регионе коммерческих структур (при их строгой подотчетности государству), могло бы помочь не только расширить ассортимент товаров и услуг, но и увеличить число рабочих мест.

Во время экспертного опроса в 1996 г. представителей местной приднестровской элиты выявилась та же тенденция - хотя большинство и молдаван, и русских было настроено категорически

Диаграмма 8 **Отношение к коммерческим организациям.**
По данным опроса населения Кишинева.

Варианты ответов.

1. положительное
2. скорее положительное
3. безразличное
4. скорее отрицательное
5. отрицательное
6. затрудняюсь ответить

против крупной частной собственности на средства производства, немалая часть их положительно воспринимала деятельность коммерческих организаций. Так, 42% молдавских экспертов и 23% русских считали, что коммерческие организации приносят несомненную пользу, а 28% молдаван и 43% русских признавали полезной их деятельность с определенными оговорками (например, необходимостью строгого контроля со стороны государства и т.п.).

В Правобережной Молдове за время, прошедшее между нашими исследованиями, коммерческие организации смогли завоевать еще большую поддержку у населения. Относительная численность сторонников коммерческих организаций возросла и у молдаван, и у русских, хотя, как было показано выше, доля положительных оценок рыночных отношений в целом со стороны молдаван уменьшилась (диаграмма 8). Вероятно, в условиях ухудшения материального положения большинства населения, связываемого многими с политикой рыночных реформ, возникшие коммерческие организации воспринимались людьми в качестве структур, помогающих им выжить в нынешний непростой период, в том числе предоставляя возможность дополнительного заработка.

Среди молдаван Кишинева сторонники коммерческих организаций составили в 1996 г. 64% против 50% в 1993 г., противники же соответственно 22% против 30%. Среди местных русских также стала несколько выше доля тех, кто в той или иной мере положительно отнесся к работе коммерческих структур, хотя и не настолько, как у молдаван. В 1993 г. сторонники и противники подобных организаций были представлены соответственно 44% и 43% русских респондентов, в 1996 г. - 49% и 35%.

Русская молодежь, сравнительно широко участвующая в деятельности коммерческих структур, чаще, нежели представители старшего возраста, давала позитивные оценки коммерческим организациям. Так, например, положительно или скорее положительно относилось к коммерческим структурам около 60% 18-24-летних, 46% 25-39-летних и 38% людей в возрасте 60 лет и старше. Тенденция, как видно, совершенно очевидна.

Коммерческие организации пришлось по душе немалою части работников умственного труда, многие из которых находили в них возможность получить дополнительный источник дохода при крайне низких зарплатах на основном месте работы. Положительно или скорее положительно коммерческие структуры оценили 53% представителей русской интеллигенции, 54% служащих и около трети рабочих.

В сельской местности русские поддерживали деятельность коммерческих структур в такой же степени, как и

молдаване. Так, в той или иной мере положительно отнеслись к коммерческим организациям 59% русских сельчан Правобережья и 55% молдаван, в Приднестровье соответственно 39% и 45% (по данным 1993 г.).

Таким образом, можно сказать, что интерес к рыночным преобразованиям у русского населения и Правобережной Молдовы, и Приднестровья, несомненно существовал. Однако имелось еще немало факторов, тормозивших более активное включение русских в экономические реформы. В Приднестровье к таким факторам относилась прежде всего неразвитость рыночных отношений в регионе, «давление» официальной идеологии, построенной в основном на принципах верности идеям социализма. В Правобережье на отношении местного русского населения к рынку и степень его участия в рыночных структурах заметное влияние оказывала ущемленность там прав и интересов национальных меньшинств. Многие русские Правобережья в создавшихся условиях чувствовали себя оторванными от происходящих в республике социально-экономических преобразований, не ощущали себя полноправными их участниками, особенно в начале 1990-х годов. Показателем этого может служить, например, отношение русских и молдаван к процессу приватизации и своему возможному участию в нем.

Так, по данным исследования 1993 г., почти четверть городских жителей Правобережья русской национальности считала, что местные русские не получают равных прав с молдаванами для участия в приватизации республиканской собственности. 45% русских ставили возможность получения своей доли государственного имущества в зависимость от наличия у них молдавского гражданства и только около 8% ответили, что права русских в процессе приватизации будут такими же, как у молдаван.

Опасения русских были вполне понятны. Неравенство части русского населения в приватизации, было заложено уже в самой ее процедуре. Дело в том, что в основе стоимости выдаваемых населению бон народного достояния лежал трудовой стаж человека, приобретенный им только на территории Молдавии. И в этом отношении многие русские, приехавшие в Молдову более или менее недавно находились в худшем положении, нежели коренные молдаване. Кроме того,

принятие молдавского гражданства, с которым было связано получение человеком большинства гражданских прав, в том числе права участвовать в процессе хозяйственного разгосударствления, было для части местных русских достаточно проблематичным. Не только потому, что это гражданство, несмотря на «нулевой вариант», принятый в Молдове, удавалось получить не всем желающим, о чем уже говорилось выше, но и вследствие того, что немало русских предпочитали стать гражданами России или хотели бы иметь двойное гражданство.

Чаще всего опасались возможного неравенства в процессе приватизации представители русской непроизводственной интеллигенции (около 40% ответов). В составе специалистов и руководителей, занятых на производстве, доля пессимистов падала более чем вдвое - до 17%, а среди квалифицированных рабочих - до 23%. Пожилые люди реже высказывали надежду на равные шансы русских в приватизации. В то же время русская молодежь в своем большинстве (более 60% среди 18-24-летних и более половины среди 25-29-летних) связывала участие русских в этом процессе с получением ими молдавского гражданства, что в целом говорит о довольно трезвом подходе русских юношей и девушек к возможностям своего участия в рыночных реформах в Молдове.

Мнения русских сельчан Правобережья по поводу приватизации практически не отличались от бытовавших в городах. Лишь 7% было убеждено в равенстве прав молдаван и русских в этом процессе, 54% надеялись, что шансы русских возрастут в случае принятия ими молдавского гражданства, и 22% считали, что русские ни при каких условиях не получат равных возможностей с молдаванами.

Представления молдаван на этот счет оказались прямо противоположными русским. Почти 40% молдаван-горожан, т.е. в 5 раз больше, чем русских, были убеждены, что русское население Молдовы будет иметь такие же права участвовать в приватизации, как и молдаване. Лишь 4% ответили, что интересы русских могут быть ущемлены. Многие (более 40%) говорили о необходимости принятия русскими молдавского гражданства, как условия участия их в разгосударствлении республиканского имущества.

В Приднестровье ввиду отсутствия здесь активной рыночной политики, не было особого интереса к приватизации ни у местных молдаван, ни у русских. Не удивительно, что в 1993 г. население Приднестровья в подавляющем большинстве (около 70% городских жителей и более половины сельских) затруднилось ответить на вопрос о возможностях участия русских в приватизации.

К 1996 г. ситуация изменилась и в Приднестровье, и в Правобережье. В начале 1990-х годов, когда рыночные реформы в Молдове еще только набирали силу, мнения ее населения о процессе приватизации и участии в нем русских и молдаван носили, скорее, гипотетический характер. Через три года приватизация в Правобережной Молдове была уже в основном завершена. И русские, и молдаване Правобережья смогли реально оценить свои возможности приобщения к этому процессу. И у тех, и у других выросла доля людей, ставящих в зависимость шансы русских участвовать в приватизации государственного имущества от получения ими молдавского гражданства - среди русских Кишинева эта доля достигла 57% (против 45% в 1993 г.), среди молдаван - 52% (против 41%). Важно отметить, что почти в 4 раза увеличилась доля русских, признавших существование равных прав людей титульной и русской национальностей в этом процессе - (19% против 5%), доля же тех, кто считал возможным ущемление прав русских, снизилась более чем вчетверо - с 29% до 7%. Среди кишиневцев-молдаван практически никто не отметил, что русские находятся в неравных условиях с молдаванами.

Подобные изменения в суждениях молдаван и русских свидетельствовали о наметившейся тенденции к демократизации политики руководства Молдовы по отношению к своим жителям нетитульных национальностей. Но дело было не только в этом. В результате чековой приватизации основная масса ни молдавского, ни русского населения не получило никаких существенных благ, и вряд ли русские смогли считать себя более ущемленными, чем молдаване. Тем не менее те позитивные аспекты рыночных отношений, которые все же имели место в республике даже в начальный период реформирования (возможность стать собственником, работать во

внегосударственных структурах и т.п.), русскими и молдаванами использовались далеко неодинаково.

Так, на вопрос анкеты о том, хотели бы респонденты приобрести себе какую-нибудь собственность в Молдове, 35% русских горожан (в том числе 42% кишиневцев) по данным 1993 г. и 38% по данным опроса русских Кишинева в 1996 г. ответили, что ничего приобретать здесь не собираются (табл.7). Среди молдаван доля отрицательных ответов была меньше - в 1993 г. 26% по всему городскому массиву и 29% по Кишиневу, а в 1996 г. - 26,5%.

Жители Приднестровья проявили еще более низкую заинтересованность в приобретении собственности. В 1993 г., согласно материалам нашего исследования, 52% русских горожан отказались сделать какие-либо крупные приобретения в Приднестровье, среди молдаван - 46%. В селе соответственно - 53% и 36%.

Одной из основных причин, по которой русские отказывались приобретать себе собственность в Молдове, было названо отсутствие для этого материальных средств. Среди русского городского населения Правобережья данная причина была упомянута более чем третью опрошенных. На нехватку денег ссылались и весьма солидная часть молдаван - в городах Правобережья более 60%. Вероятно, именно поэтому, чаще всего не собирались ничего приобретать мало и неквалифицированные рабочие, служащие, люди пенсионного возраста, т.е. наименее обеспеченные слои населения.

В сельской местности Правобережья недостаток средств был выдвинут в качестве главной причины невозможности приобрести здесь крупную собственность 80% молдаван и почти половиной русских.

В отличие от молдаван у многих русских Правобережья нежелание приобретать собственность в этой республике было связано и с ориентациями на переезд за ее пределы. Более четверти опрошенных русских горожан ответили, что не собираются ничего приобретать в Молдове, потому что не уверены, что останутся в ней жить (прежде всего молодежь). 20% говорили о том, что не верят в стабильность нынешней социально-экономической ситуации в республике и поэтому не рискуют приобретать здесь собственность. Чаще других на данную причину

Таблица 7. Отношение к приобретению собственности в Молдове. По данным опроса населения Кишинева. %.

Варианты ответов	Русские		Молдаване	
	1993 г.	1996 г.	1993 г.	1996 г.
1.хотел бы приобрести дом, квартиру	35	22	34	24
2.хотел бы купить предприятие в сфере обслуживания	4	10	8	15
3.хотел бы приобрести производственное предприятие	1	2	6	10
4.хотел бы приобрести акции предприятий, банков	11	16	11	14
5.хотел бы приобрести землю	7	13	17	9
6.приобретать ничего не собираюсь	35	38	26	27
7.затруднились ответить	17	19	12	11

Итог превышает 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос.

ссылались люди среднего возраста, представители непроездовой интеллигенции.

Население Приднестровья, как молдаване, так и русские, отказывались приобретать здесь собственность, ссылаясь прежде всего на отсутствие материальных средств (около 40% ответов) и нестабильность социально-экономической ситуации в республике (32%).

Такие причины своего отказа стать собственниками, как отсутствие нужных навыков, умения или просто необходимости в такой собственности, были высказаны сравнительно небольшой долей респондентов и среди русских, и среди молдаван (в пределах 13-15%).

Показательно, что весьма мало людей (в Правобережной Молдове не более 10%, а в ПМР - 5%) высказывало недовольство теми условиями, которые существовали в их регионах для приобретения здесь частной собственности. Хотя, на наш взгляд, ситуацию там вряд ли можно назвать столь уж благополучной.

Со временем в силу еще большего обнищания населения все факторы, кроме чисто материальных, по которым и русские,

и молдаване не собирались стать собственниками, отошли на второй план.

Доля людей, пожаловавшихся на отсутствие материальных средств для приобретения собственности, за три года между нашими исследованиями увеличилась среди русских Кишинева почти в 1,5 раза - с 42% до 61%, а у молдаван с 66% до 74%. Зато значительно реже во второй половине 1990-х годов русскими называлась такая причина, как нежелание оставаться в Молдавии (12% против 35%). Стала несколько меньше доля русских, неуверенных в стабильности нынешней социально-экономической политики в республике (16% против 24%). Среди молдаван же, во многом утративших чувство эйфории от получения республикой государственного суверенитета и уже достаточно сильно ощутивших все тяготы переходного периода, доля неуверенных в надежности нынешнего социально-экономического курса, напротив, увеличилась (с 2% до 15%).

Несмотря на ухудшение материального положения у многих жителей Молдовы, доля тех, кто все же хотел бы приобрести здесь какую-либо собственность, за 3 года между нашими исследованиями заметно не снизилась. У молдаван она практически не изменилась, составив по данным опроса кишиневцев 63%, у русских уменьшилась, но ненамного - с 49% в 1993 г. до 43% в 1996 г. Как и раньше, относительная численность потенциальных собственников среди русских была ниже по сравнению с молдаванами. Тем не менее, как видно, почти половина русских горожан Правобережья намеревалась обзавестись здесь какой-либо собственностью.

Готовность людей нетитульной национальности приобрести собственность в государстве своего проживания может иметь различные основания. Ее можно интерпретировать, например, как знак того, что человек намерен надолго и стабильно «осесть» в данной стране, заняв в ней более или менее солидное положение собственника. В то же время подобное стремление может быть связано и с установкой подготовить более благоприятную почву для переезда, используя собственность для продажи или обмена. Однако, в любом случае ориентация русских на приобретение собственности в Молдове само по себе служит показателем их социальной активности,

стремления к реальным действиям, направленным на улучшение своего нынешнего положения.

Остановимся подробнее на составе русских респондентов, высказавших намерение стать собственниками, в зависимости от того, что именно они собираются приобрести. Условно их можно разделить на две группы: людей, которые хотели бы (или могли бы) использовать свою будущую собственность в качестве средства производства, приобретая, например, землю, предприятие, и тех, кто собирался воспользоваться ею как дополнительным источником дохода - акции, ценные бумаги или для улучшения бытовых условий - дом, квартира.

Среди желающих стать собственниками подавляющее большинство (от 60% до 80%) и среди русских, и среди молдаван, и в Правобережье, и в Приднестровье принадлежало ко второй группе, т.е. отдавало предпочтение приобретению квартир, домов, акций и ценных бумаг. Среди всех респондентов (включая и тех, кто не хотел ничего приобретать и затруднившихся ответить на этот вопрос) доля намеревавшихся приобрести дом или квартиру составляла соответственно 35% среди русских и 34% среди молдаван-городских жителей Правобережья и 33% среди русских и 36% среди молдаван Приднестровья. Правда, за время, прошедшее между нашими исследованиями, доля желающих стать владельцами квартир среди городского населения Правобережья несколько уменьшилась и у молдаван (до 24%), и особенно у русских (до 22%). Возможно это частично объясняется постепенным удовлетворением спроса на квартиры у людей, которые были способны их приобрести, а также отъездом из республики части русского населения, в основном более материально обеспеченного.

На втором месте по числу выборов тех или иных приобретений у русских Правобережья (11% в 1993 г. и 16% в 1996 г.) стояла покупка акций и ценных бумаг. Доля желающих их приобрести среди молдаван Кишинева за период между нашими исследованиями также несколько увеличилась (с 11% до 14%).

К прочим видам приобретений русские и молдаване проявили несколько различный интерес, что было связано как с неодинаковым уровнем их материальной обеспеченности,

наличием уже приобретенных материальных ценностей, так и с разной оценкой социально-политической ситуации в республике, собственных прав и возможностей в ней, миграционных ориентаций и т.п.

Так, молдаване оказались гораздо более склонны по сравнению с русскими к обладанию в качестве собственности землей или предприятием. По данным 1993 г. подобные желания среди молдаван высказало 17% (землю) и 14% (предприятие) респондентов, а среди русских соответственно лишь 7% и 5%. Правда через три года для русских горожан Правобережья покупка земли приобрела большую актуальность - в 1996 г. землю хотели бы приобрести уже 13% русских (почти вдвое больше, чем в 1993 г.). Доля же молдаван, намеренных стать землевладельцами, уменьшилось до 9%. В то же время молдаване стали проявлять более широкий интерес к приобретению собственного предприятия, доля его потенциальных владельцев возросла у них с 14% до 24%. Русские также несколько чаще стали высказывать намерение стать владельцами предприятий, доля таковых увеличилась - с 5% до 12%, однако, как видно, осталась вдвое меньше, нежели у молдаван.

Стать владельцами земли в большей мере хотели бы мало-и неквалифицированные рабочие, служащие, представители производственной интеллигенции. Приобрести предприятие в сфере обслуживания чаще стремились рабочие, а стать владельцами производственного предприятия рассчитывали преимущественно представители русской интеллигенции. Важно отметить высокую долю людей, намеренных приобрести землю или предприятие, в составе русской 18-24-летней молодежи. Если во всех социально-профессиональных и возрастных группах русских горожан Правобережья доля желающих приобрести квартиры и акции заметно «перевешивала» долю тех, кто считал для себя возможным стать собственником земли или предприятия, то среди 18-24-летних это соотношение было почти одинаковым.

Русские и молдаване в городах Приднестровья помимо квартир приобретать ничего не собирались - лишь 7% русских хотели бы купить землю и всего 4% - предприятие. Некоторая часть молдаван (12%) надеялась приобрести акции, ценные бумаги.

Ориентации сельского населения были несколько иными, нежели городского. Основное различие заключалось, как и можно было предположить, в том, что сравнительно многие сельчане были бы не против приобрести землю. Особенно это относилось к русскому сельскому населению Правобережья, для которого приобретение земли оказалось гораздо актуальнее, чем для сельских молдаван. Хотели бы приобрести землю более 40% русских сельчан, что было почти в 2 раза больше по сравнению с сельскими молдаванами (22%), у которых на первом месте по числу выборов стояло желание иметь собственный дом или квартиру (26%). В Приднестровье, напротив, на приобретение земли ориентировались преимущественно молдаване (30%), а среди русских - всего 12%, большинство же последних (53%) ничего приобретать не собиралось.

В подобных ориентациях довольно четко проявилась зависимость интересов сельчан к приобретению той или иной собственности от материальных условий их жизни. В селах Правобережья, например, среди местных русских было меньше по сравнению с молдаванами владельцев приусадебных участков, молдаване же несколько «отставали» от русских по доле домовладельцев. Соответственными были и их желания приобрести то, чего они еще не имели. В селах Приднестровья приусадебные участки, согласно данным наших исследований, также встречались у молдаван чаще, нежели у русских. Однако местные русские по уровню материальной обеспеченности находились ниже молдаван и в значительной массе не могли себе позволить приобретение вообще какой-либо собственности. Видимо не зря доля отказавшихся что-либо приобретать среди них была почти в полтора раза выше по сравнению с местными молдаванами.

В целом можно сказать, что в Правобережной Молдове молдаване не только оказали большую поддержку, нежели русские, идее перехода к рынку в своей республике, но и пытались шире использовать новые условия, предлагаемые рынком. В этом отношении представляют интерес данные наших исследований о том, работе на предприятиях каких форм собственности отдают предпочтение русские и молдаване.

В условиях развала экономики, остановки многих государственных предприятий и организаций, низкой

заработной платы в государственном секторе, явной и скрытой безработицы, как русские, так и молдаване стали все больше ориентироваться на работу во внесоциальных структурах. Но и в этом отношении мнения молдаван и русских имели заметные различия.

В 1993 г. у русских горожан, как в Правобережье, так и в Приднестровье, государственные предприятия пользовались еще довольно большей популярностью, более высокой, нежели у молдаван. В 1993 г. на вопрос о том, на каком предприятии по форме собственности респонденты предпочли бы работать, 44% русских горожан Правобережья и столько же Приднестровья ответили, что на государственном. В пользу государственного сектора высказалось также 30% молдаван Правобережья и 26% приднестровцев. Важно, однако, что доля реально занятых на государственных предприятиях респондентов в 1993 г. оказалось в 2 раза больше доли тех, кто отдал им предпочтение.

Соотношение среди русских горожан людей выбравших государственные и негосударственные предприятия, весьма заметно колебалось в зависимости от возраста. Как и можно было предположить, среди молодежи за работу в государственном секторе высказалось гораздо меньшая доля респондентов, чем в более старших возрастах (соответственно 27% среди 18-24-летних и почти вдвое больше - 45% - среди 25-39-летних).

В Приднестровье желание работать во внесоциальной сфере даже в 1993 г. было не ниже, чем в Правобережье. В частности, сравнительно много тираспольцев (18% русских и 22% молдаван) хотели бы стать наемными работниками на частном предприятии).

Весьма показательным, что сельские жители по предпочтениям различных форм собственности оказались не более консервативными, нежели горожане, а в ряде случаев проявили даже более массовый настрой на предпринимательство. Так, согласно данным опроса 1993 г., русские сельчане и в Правобережье, и в Приднестровье реже отдавали предпочтение государственным предприятиям по сравнению с горожанами. В государственном секторе хотели бы работать 27% русских жителей села в Правобережье и 30% в Приднестровье. В то же

время 37% русских сельчан Правобережной Молдовы предпочли бы начать свое дело и работать на собственном предприятии, в собственном хозяйстве. Плодородная земля Молдовы, благоприятные природные условия делают здесь фермерство довольно прибыльным занятием. Не зря и среди русских горожан росло число желающих приобрести землю. Но и сельчан, и горожан нередко останавливали в их начинаниях финансовые трудности. Не удивительно, что среди менее обеспеченных сельских жителей Приднестровья доля желающих основать собственное дело в селе оказалась ниже (соответственно 17% среди русских и 23% среди молдаван), чем в Молдове.

Три года спустя негосударственный сектор в Молдове достиг уже солидного развития, однако относительная численность людей, заинтересованных в работе на государственных предприятиях, практически не изменилась ни у молдаван, ни у русских, хотя реальная занятость в них сократилась. Среди русских горожан доля предпочитавших работать на государственных предприятиях стала даже чуть выше доли занятых на таких предприятиях - соответственно 48% и 43%. В то же время далеко не все молдаване, не пожелавшие работать в госсекторе, получили возможность перейти во внесударственные структуры: на государственных предприятиях и организациях продолжало трудиться более половины опрошенных молдаван Кишинева, хотя предпочли бы там работать лишь 27%, т.е. вдвое меньше. Ориентированные же на работу во внесударственном секторе составляли (по данным 1996 г.) 73% кишиневцев молдавской национальности, т.е. в 1,3 раза больше нежели среди русских.

Интерес к различным типам негосударственных предприятий у русских горожан Правобережной Молдовы был далеко неодинаков. В нем еще раз проявилось настороженное, недоверчивое отношение населения нетитульной национальности Правобережной Молдовы ко всякого рода нововведениям, а также, вполне возможно, обозначилась и реакция на реальные трудности и проблемы, с которыми уже столкнулись работники негосударственного сектора. Так, в 1996 г. не слишком популярными среди русских кишиневцев оказались акционерные предприятия, на них хотели бы работать всего 13% опрошенных,

хотя фактически на подобных предприятиях Кишинева было занято 28% русских респондентов. Среди русских оказалось довольно мало и сторонников совместных предприятий (8% выборов). Не увеличилась по сравнению с 1993 г доля желающих работать на собственном предприятии (10% опрошенных). Тех же, кто предпочел работу на частном предприятии в качестве наемного работника было еще меньше (6% опрошенных). В то же время на этом фоне сравнительно возросла доля выбравших для себя в качестве наиболее предпочтительной индивидуально-трудовую деятельность (соответственно 8% в 1993 г. и 14% в 1996 г.).

Хотя, как видно, каждый из отдельных типов предприятий негосударственного сектора был выбран сравнительно небольшим числом русских респондентов, в сумме все же их сторонников и в 1996 г. оказалось больше, нежели отдавших предпочтение государственным предприятиям (соответственно - 57% и 48%). Важно также отметить, что доля желающих связать свою трудовую судьбу с частным сектором (стать владельцем предприятия, работать на частном предприятии по найму, заниматься индивидуально-трудовой деятельностью) составила в 1996 г. почти треть русских горожан.

У молдавского населения Правобережья среди различных типов негосударственных предприятий заметной популярностью, также как и у русских, пользовалась индивидуально-трудовая деятельность. Доля молдаван, высказавшихся в ее пользу в 1996 г. по сравнению с 1993 г., увеличилась с 9% до 21%. На собственном предприятии хотело бы работать еще 16% молдаван и 5% - на частном предприятии в качестве наемного работника. Таким образом сторонники труда в частном секторе составляли в Кишиневе более 40% молдаван, что было больше по сравнению с русскими в 1,4 раза.

Рассмотрим несколько подробнее характеристики тех русских, кого привлекала работа в частном секторе Молдовы. Как уже говорилось, основать свое дело хотели бы в основном молодые люди, чаще всего представители производственной интеллигенции и квалифицированные рабочие. В составе тех, кто предпочел бы работу на частном предприятии в качестве наемного работника, относительно большая доля принадлежала служащим.

Сравнивая ответы русских горожан Правобережья на вопросы об их желании приобрести собственность в Молдове и работать на собственном предприятии, можно заметить, что в 1993 г. доля русских, выбравших работу на своем частном предприятии была выше доли тех, кто высказал намерение приобрести в собственность подобное предприятие в Молдове. Очевидно, что в то время определенная часть русских, которые были бы не прочь начать собственное дело, осознали невозможность осуществления этого желания в данной республике. В 1996 г. названные показатели практически совпали, что может говорить об определенном улучшении климата в республике для развития частной инициативы населения нетитульной национальности.

Однако, нельзя не отметить, что вопрос участия русских Правобережной Молдовы в предпринимательской деятельности весьма сложен и противоречив. С одной стороны, для занятия предпринимательством необходимо пройти систему оформления в государственных органах, находящуюся в руках молдаван, которые не всегда объективно подходят к потенциальным бизнесменам из среды национальных меньшинств. С другой стороны, - в негосударственной сфере не столь заметно влияние национально-кадровой государственной политики, ниже требования к владению работниками государственным языком, что, естественно, привлекает русских. Мало того, в нынешних условиях для многих русских Молдовы занятия коммерческой деятельностью стали одним из наиболее реальных путей выживания в новых условиях.

Наша российская действительность довольно четко свидетельствует о том, что на стезю предпринимательства встают чаще всего представители научной интеллигенции и инженерно-технические работники, т.е. именно те группы, которые составляли довольно солидную долю русских в бывших союзных республиках за пределами России. Страдая от полной или частичной безработицы, мизерных зарплат и в то же время обладая достаточными организационными навыками, деловой хваткой, широкими контактами за пределами республик своего проживания, а также не имеющие особых языковых проблем на территории бывшего Союза, где в той или иной мере продолжает функционировать русский язык, многие русские жители новых

государств российского зарубежья все шире используют различные виды предпринимательства как основной или дополнительный источник дохода. Хотя при этом, далеко не все однозначно поддерживают рыночные реформы в том варианте, в котором они проводятся.

В 1993 г., отвечая на вопрос о национальном составе первых предпринимателей, коммерсантов Молдовы, и русские, и молдаване в городах Правобережья называли прежде всего представителей русской, украинской и еврейской национальностей. Молдаванами, например, русские в качестве основной массы коммерсантов были названы в 22% случаев, евреи - в 21%, украинцы - в 16% случаев, молдаване же в этой роли вообще не упоминались. У русского городского населения на первом месте по числу выборов стояли украинцы - 33%, затем русские - 17%, евреи - 13%, молдаване - 4%. По мнению молдаван и русских Приднестровья особенно широко в предпринимательской деятельности участвовали украинцы и евреи.

В 1996 г. представления об участии в коммерческой деятельности людей разных национальностей, судя по опросу в Кишиневе, несколько изменились, прежде всего за счет увеличения доли тех, кто отметил более высокое участие в предпринимательстве молдаван. Русские называли молдаван в качестве наиболее массовой, активной группы предпринимателей и коммерсантов даже чуть чаще, нежели представителей своей национальности - соответственно такие ответы дали 34% и 31% респондентов. Молдаване также констатировали свое заметное участие в коммерческих структурах, что подтвердила почти четверть городских молдаван. Но все же более значительная их часть отдала «пальму первенства» русским - 38%. В связи с этим следует напомнить, что около половины русских и более половины молдаван относились к коммерческим структурам в той или иной мере позитивно.

Люди других национальностей упоминались, как русскими, так и молдаванами, несколько реже, кроме, пожалуй, евреев, которых отметили 22% русских и 15% молдаван. Как видно, в середине 1990-х годов общественным мнением населения Молдовы местные предприниматели и коммерсанты воспринимались преимущественно людьми русской, молдавской и еврейской национальностей, причем представительство русских

здесь виделось несоразмерно более высоким по сравнению с долей русских в населении республики, даже в городском (24% по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.).

Принципиально важно, что во время нашего экспертного опроса по поводу того, имеют ли сейчас русские и молдаване равные условия для занятий бизнесом, коммерцией, более 40% русских экспертов Кишинева ответили, что такие возможности практически одинаковы. Однако, несколько большая их доля - 46%, назвали возможности у русских менее высокими, нежели у молдаван.

Причем основную причину этого они видели в преобладании в органах власти, среди государственных чиновников, призванных решать вопросы, связанные с предпринимательством, людей титульных национальностей, отдающих явное предпочтение молдаванам и румынам. Русские эксперты говорили, в частности, что для занятий бизнесом нужны связи в верхах, а у русских их нет; что русские имеют возможность работать только в мелком и среднем бизнесе, в менее прибыльных сферах, крупные же дела вершат только молдаване под опекой государственных чиновников.

В то же время, по мнению русских экспертов, многие их соотечественники в Правобережной Молдове, вытесненные из большинства престижных и хорошо оплачиваемых сфер деятельности, вынуждены заниматься бизнесом, несмотря на все сложности и препоны на этом пути. Сравнительно немало русских предпринимателей сумело достичь на данном поприще заметных успехов, особенно те, кто начинал свою деятельность около 5 лет назад и теперь добился достаточной экономической независимости. Некоторые русские эксперты отмечали и определенные преимущества русских при занятии предпринимательством.

По мнению бывшего депутата Парламента Республики Молдова П.М.Шорникова, хотя «механизма экономической поддержки русскому населению, так называемого, Ближнего Зарубежья в России еще нет,...к нашим представителям там более внимательны хозяйственники и многие другие люди, принимающие решения... Везде, в том числе в государствах Прибалтики, много русских предпринимателей, с которыми нам легче находить общий язык, чем другим. Это общеизвестно, и

поэтому коммивояжерами предприятий Молдовы выступают, как правило, славяне» \9\.

Представления молдавских экспертов из Правобережной Молдовы по поводу условий предпринимательской деятельности у молдаван и русских во многом отличались от мнения русских экспертов. Более 70% среди них считало, что русские имеют одинаковые возможности с молдаванами для занятий бизнесом. Никто не отметил, что у молдаван условия лучше. В то же время почти четверть экспертов-молдаван видела определенные преимущества в этой области у русского населения. В качестве причин указывались прежде всего более широкие связи русских, живущих в Молдове, с Россией, что особенно важно в условиях определенной зависимости экономики этого государства от российской. Встречались и другие суждения. Некоторые молдаване считали, например, что русским «помогают» заниматься бизнесом такие качества, которых нет у молдаван, как пронырливость, наглость, безразличное отношение к законам и т.п. По мнению ряда молдавских экспертов «русские владеют всей экономикой Молдовы и эксплуатируют румын», «в руках русских сосредоточено 80% частного капитала Молдовы», «почти все частные фирмы принадлежат русским» и т.п. Однако подобных высказываний было сравнительно немного. Между тем, по мнению самих бизнесменов, как русских, так и молдаван, в республике усиливается разделение негосударственных предприятий по национальному составу, «уже сегодня работают преимущественно русскоязычные фирмы и фирмы с молдавским языком».

Согласно личным наблюдениям авторов, в середине 1990-х годов в Правобережной Молдове функционировало уже довольно много разнообразных коммерческих структур - банков, магазинов, ресторанов, видеосалонов и т.п., причем среди их владельцев можно было встретить людей как с молдавскими, так и с русскими, украинскими, еврейскими фамилиями. Показательно также, что, например, еженедельник «Деловая газета», как впрочем и вся центральная экономическая пресса в республике и в начале, и в середине 1990-х годов выходила на русском языке. Русский язык предпочитали продавцы большинства коммерческих магазинов Кишинева, на русском были написаны аннотации к выставленным

там товарам, в холлах звучали песни современной российской эстрады, всевозможные объявления с приглашением на работу в коммерческие структуры, с предложением различного рода услуг, вывешенные на специальных стендах, стенах домов и т.п. в основном также были на русском языке. По словам П.М.Шорникова, «русский язык остался языком межнационального общения, политики, массовой информации, бизнеса, культуры» \10\.

Тем самым подтвердился прогноз М.Н.Губогло, сделанный им 5 лет назад в 1993 г., в пору, когда наступление на права и на употребление русского языка в бывших союзных республиках и особенно в Молдове, велось широким фронтом, а эйфория мобилизованного лингвицизма достигла наивысшего накала. «Поддавшись эмоциям и изгоняя русский язык « в дверь» из сферы разума и трезвой языковой политики, активисты языковой реформы, - по предсказанию автора монографии о мобилизованном лингвицизме, - рано или поздно столкнуться с тем, что он вернется через «окно» и через реальные потребности межнациональных контактов, подобно тому, как после развала СССР новым независимым государствам вернулся экономический союз» \11\.

Исследования в Молдове показали, что указанный прогноз оправдался даже раньше, чем можно было ожидать.

Возвращаясь к вопросу об участии русских в предпринимательской деятельности, можно в целом заключить, что оно было относительно высоким. Однако, представительство русского населения среди предпринимателей того или иного ранга заметно колебалось. Наиболее широко русские были представлены на низших ступеньках иерархической лестницы, работая продавцами в коммерческих палатках и ларьках, реализаторами товаров, официантами в частных кафе и ресторанах, заправщиками на частных бензоколонках, рабочими в частных ремонтных мастерских, занимаясь, так называемым, «челночным» бизнесом и т.п. Возможно, именно поэтому простые горожане, как русские, так и молдаване, во время нашего опроса назвали представителей русскоязычного населения в качестве основной массы коммерсантов, предпринимателей. В более высокие слои местных дельцов проникнуть русским было заметно сложнее.

Показательно, что большинство русских респондентов, занятых как на государственных, так и на коммерческих предприятиях, с огромным опасением ожидает возможного ужесточения языковой политики в Молдове, в том числе распространения Закона о языке на сферу частного предпринимательства. Так, в подготовленном для принятия Проекте постановления «Перечень должностей в Республике Молдова, подпадающих под действие статьи 7 Закона Республики Молдова «О функционировании языков на территории Республики Молдова», нет оговорок для предприятий и организаций негосударственной сферы. Существует реальная возможность проведения языковой аттестации работников внесоциальных структур.

В этих условиях вполне вероятно, что работа и социальное продвижение русских не только в государственных, но и в коммерческих структурах, станут затруднены. Уделом многих останется наемный труд на частных предприятиях, владельцами которых будут представители титульного народа.

В связи с этим достаточно важно, на наш взгляд, лояльное отношение русских к национальности возможного владельца частного предприятия, на котором им волею судеб пришлось бы работать. Для более чем 60% русских Правобережья (по данным исследований 1993 г. и 1996 г.) и такой же доли молдаван и русских Приднестровья национальность их гипотетического работодателя была безразличной. В этом солидаризировались с русскими и многие молдаване Правобережной Молдовы. Среди них доля разделявших подобное мнение за период между нашими исследованиями даже заметно увеличилась - с 57% в 1993 г. до 70% в 1996 г.

Показательно, что, если в 1993 г. русские, и молдаване выбирали на роль своего возможного работодателя представителя собственной национальности практически в равной мере (русские Правобережья в 20% случаев, русские Приднестровья в 22,5%, молдаване Правобережья - в 22,4%, молдаване Приднестровья - в 17% случаев), то через три года и среди русских, и среди молдаван Правобережья возросла доля тех, кто хотел бы работать под началом человека русской национальности. У русских Кишинева доля подобных выборов увеличилась с 20% до 33%, у молдаван - с 1% до 9%. Молдаван русские на выбирали совсем, да и сами молдаване стали проявлять больший

скептицизм по отношению к своим соплеменникам в этой роли. Судя по опросу кишиневцев, доля выбравших молдаванина в качестве работодателя за три года снизилась с 18% до 12%.

В сельской местности, где оставалось еще сравнительно много русских в составе специалистов и руководителей сельскохозяйственного производства, и в 1993 г. молдаване отдавали предпочтение русским в качестве своих возможных работодателей почти в такой же мере, как и молдаванам. За человека русской национальности в роли владельца частного предприятия высказалось соответственно 32% русских и 23% молдаван Правобережья, за молдаванина - 25% молдаван и никто из русских.

В целом можно отметить, что несмотря на значительные сложности и противоречия, русское население Правобережной Молдовы в основной массе поддерживает нынешний курс правительства на рыночные реформы, хотя и не так активно, как молдаване. Степень участия в этих реформах среди русских довольно высока, хотя они и занимают чаще всего низшие и средние ступеньки в иерархии должностей в частном секторе.

В Приднестровье, где рыночные преобразования проводятся пока крайне слабо, население в значительной массе было бы не против их ускорить, хотя здесь есть и немало людей, особенно среди представителей местной элиты, настроенных вообще против рыночных идей.

-
1. Рынок труда в странах Содружества Независимых Государств в цифрах и диаграммах. Стат. сб. М., 1996. с. 71-72.
 2. Содружество Независимых Государств... С. 51
 3. Рынок труда... С. 226.
 4. «Единство». 1997 г. 1 июля.
 5. П.М.Шорников. Покушение на статус. Кишинев . С.220.
 6. «Вечерний Кишинев». 1997 г. 4 Ноябрь, N 123.
 7. Приднестровская Молдавская Республика в цифрах в 1990-1995 гг. Тирасполь, 1996. С. 39.
 8. «Кишиневские новости». 1997 г. Ноябрь, N 48.
 9. П.М.Шорников. Ук. раб. С. 107.

10. Там же. С. 150.

11. М.Н.Губогло. Переломные годы. т.1.

Мобилизованный лингвизм. М.,1993. с.103-104)

Глава 5*

Немного о будущем

Рассматривая возможные перспективы жизни русских в Молдавии, важно обратить особое внимание на взгляды, интересы, ориентации местной русской молодежи. Ведь именно от ее поведения, жизненных установок во многом зависит судьба всей русской диаспоры.

Как было показано выше, по многим кардинальным вопросам мнения русской молодежи мало отличаются от представлений людей более старшего возраста. Но в ряде случаев, в особенности, когда речь идет о возможном поведении в заданных конкретных условиях, молодежь довольно заметно выделяется среди всего массива респондентов.

Так же как и большинство молодежи других национальностей бывшего Союза, русская молодежь Молдавии связывала и связывает свою дальнейшую судьбу с получением высшего или среднего специального образования, интересной, хорошо оплачиваемой, престижной работы. Исследование среди молодежи Молдавии, проведенное в 1997 г., подтвердило, что подавляющее большинство местных русских юношей и девушек твердо уверены в необходимости высшего образования для своего поколения - в Кишиневе и Тирасполе этого мнения придерживалось более 90% опрошенных, в Комрате - 80%.

Однако в последние годы при осуществлении подобных планов русская молодежь, живущая во многих странах нового российского зарубежья, встречает все больше затруднений. В вузах, техникумах и даже ПТУ резко сокращается число групп с обучением на русском языке. По словам члена Республиканского Совета Движения за равноправие «Унитате-Единство», преподавателя В.В.Лебедевой политика ликвидации образования

* Работа над главой велась Субботиной И.А. в рамках проекта “Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья” при финансовой поддержке “от программы мира и международного сотрудничества” Фонда Дж. и К.Макартуров.

на русском языке - это главное выражение курса на ограничение национальным меньшинством Молдовы доступа к высшему образованию»/1/.

Если обратиться к прошлому, то можно заметить, что в течение ряда лет русская молодежь заметно преобладала в вузах и техникумах Молдавии. Но это было связано с вполне объективными причинами, прежде всего - более хорошей школьной подготовкой русских юношей и девушек, в основной массе городских жителей, выходцев из семей интеллигенции, что создавало им определенные преимущества на вступительных экзаменах, по сравнению с молдавской молодежью, многие представители которой были жителями села, где школы могли дать учащимся не столь качественный уровень знаний.

В 1950-1960-ые годы в вузах Молдавии русская молодежь составляла более трети всех студентов, хотя в населении республики русских было менее 15%. Однако уже в 1970-ые годы ситуация стала заметно меняться, чему в первую очередь благоприятствовали такие объективные тенденции, как рост горожан среди молдавского населения, повышение образовательного и культурного уровня сельчан, увеличение в составе молдаван интеллигенции и квалифицированных рабочих. Уже к середине 1970-х годов представительство молдавской молодежи в вузах республики было выше доли молдаван в населении Молдавии среди студентов Университета, педагогических, медицинских и сельскохозяйственных вузов /2/. Русские отдавали предпочтение высшим и средним специальным учебным заведениям технического профиля. Они относительно преобладали в Политехническом институте, на естественных и технических факультетах Университета.

С 1961 года по 1979 г. уровень представительства русских (в индексах участия) среди студентов Молдавии снизился почти вдвое - с 225 до 131, а к 1989 г. - до 112. Представительство же молдаван соответственно увеличивалось с 77 в 1961 до 97 в 1979 г. и до 100 в 1989 г. /3/. Существовала стойкая тенденция к выравниванию национального состава студентов вузов и техникумов в соответствии с национальным составом всего населения республики. Однако с начала 1990-х годов эта тенденция была прервана чисто волевым методом - путем резкого сокращения в вузах и техникумах групп с русским языком

обучения. Если в 1989 г. на стационарные отделения вузов Республики Молдова было принято в группы с русским языком обучения 47% всех зачисленных студентов, а с молдавским - 53%, то в 1991 г. уже соответственно - 31% и 69%, а в 1997 г. - 22% и 78% /4/.

Но и в группы с обучением на русском языке русскоязычная молодежь могла поступить с большим трудом, так как конкурс здесь был чрезвычайно высок, в том числе и благодаря тому, что не только русские, но и многие молдаване стремились и стремятся получить образование на русском языке (в 1997 г. они составляли, например, около 30% первокурсников, обучающихся в русскоязычных группах вузов Молдовы).

Шансы русскоязычной молодежи получить высшее образование снижались и в результате отмены со второй половины 1990-х годов вступительных экзаменов, на которых русские, нередко лучше подготовленные, нежели молдаване, могли проявить свои способности и в случае возможного незачисления иметь больше оснований для предъявления претензий. Вместо экзаменов был устроен конкурс аттестатов и собеседование на знание румынского языка. При отсутствии стандартизированных языковых требований подобные собеседования проводились чисто произвольно и многие русские юноши и девушки, даже в той или иной мере знающие молдавский язык, оказались за порогом вузов.

В результате представительность русских среди студентов Республики Молдова стала стремительно снижаться. В 1997 г. доля молодежи русской национальности среди всех принятых на первый курс вузов страны оказалось лишь чуть более 4%, при том, что в населении Молдовы (даже без Приднестровья) русских в 1997 насчитывалось около 10%. Таким образом индекс участия русской молодежи в составе студентов Республики Молдова упал со 112 в 1989 г до 40 в 1997 г.

В средних специальных учебных заведениях и ПТУ русские группы также были заметно сокращены, оставаясь в основном там, где обучение шло по менее престижным профессиям. Например, по плану приема в Кишиневские колледжи на 1995-1996 гг. в Финансово-банковский колледж в группы с русским языком обучения предполагалось принять лишь 12% от

общей численности будущих студентов, в Технологический же - 33% /5/. Для многих представителей русской молодежи поступление в колледжи стало затруднительным и вследствие того, что большинство русскоязычных групп здесь, как, впрочем, и во многих вузах, были переведены на коммерческую основу, в то время как молдавские оставались на бюджетном обеспечении. Преподавателями даже в русскоязычных группах, нередко являются молдаване, в том числе говорящие на плохом русском языке, использующие в своем лексиконе румынские слова, что снижает качество обучения русскоязычных студентов.

Большую помощь местной русской молодежи оказывает Кишиневская община россиян, организующая подготовительные курсы для русскоязычной молодежи, после окончания которых многие русские юноши и девушки поступают в высшие учебные заведения России. В 1997 г., например, «все выпускники курсов с успехом выдержали экзамены и начали бесплатное обучение в московских вузах» /6/. Однако, конечно, подобные курсы не решают полностью проблему обучения и трудоустройства местной русской молодежи. Для значительной ее части вопрос социального становления во многом упирается в языковую проблему. Между тем преподавание румынского языка в русских школах было и остается еще весьма далеким от совершенства. Однако, вместо того, чтобы повысить уровень обучения государственному языку в русских школах, в Молдове начался процесс закрытия самих русских школ, перевод их на смешанное или полностью молдавское обучение. В 1992 г. в Республике Молдова дневные школы с русским языком обучения составляли 27% всех школ и еще 8% были румынско-русскими. В населении же Молдовы национальные меньшинства представлены 35,5%. Кроме того, немало молдаван предпочитает обучать своих детей на русском языке - в середине 1990-х годов 20% учащихся русских школ были молдаванами /7/.

К концу 1990-х годов, когда русских школ осталось уже крайне мало, интенсивность процесса их ликвидации стала снижаться, но и в 1997 г. на страницах молдавской прессы можно было встретить жалобы родителей учеников русских школ, подобные следующей: «Вот уже год вместе с весной

приходит в нашу кишиневскую, теперь уже смешанную среднюю школу № 50 предчувствие беды. Снова и снова слышат родители постулат: школа рано или поздно станет мононациональной, только молдавской” /8/.

Массированный перевод русских школ в молдавские объясняется вполне благими намерениями - желанием, чтобы русская молодежь могла скорее и лучше овладеть государственным языком. Такие меры, возможно, и могли бы послужить достижению названной цели, однако они явно далеки от демократических принципов, которые руководство Молдовы объявляет в качестве центральных в проводимой им политике. Ведь подобные действия лишают молодежь, в том числе и не только русскую, но и других национальностей, свободы языкового выбора, и ведут в перспективе к насильственной ассимиляции национальных меньшинств.

Иные условия для социального роста русской молодежи сложились в Приднестровье и Гагаузии, где в качестве официальных объявлено несколько языков, в том числе и русский. В Комратском и Тираспольском университетах обучение ведется преимущественно на русском языке, но есть группы с молдавским языком обучения, гагаузским (в Комрате). Не только в Тираспольском, но и в Комратском университетах, нет собеседования по государственному языку, а вступительные экзамены ведутся на языке, который предпочитает абитуриент /9/. Благодаря этому в названные учебные заведения съезжается молодежь со всей Молдовы и в составе их студентов уровень представительства русских остается сравнительно высоким. В Комратском университете, например, в 1997 г. среди всех студентов русские составляли 5% (при доле в населении Гагаузии 4,7%).

В Тираспольском университете уровень представительства русских несколько превышает их долю в местном населении прежде всего за счет того, что в этом учебном заведении учатся многие русские юноши и девушки из Республики Молдова, в том числе из Кишинева, не сумевшие поступить в местные учебные заведения из-за языковых требований. Вот один из характерных примеров:

Дима Л. родился в Кишиневе, несколько лет назад окончил там русскую школу, стал призером республиканской олимпиады

по истории среди старшекласников, но при поступлении на исторический факультет Кишиневского Государственного университета не выдержал собеседование по государственному языку и соответственно не был зачислен. Теперь он студент 4-ого курса исторического факультета Тираспольского университета, правда, жить ему приходится в общежитии в Тирасполе и лишь изредка навещать родителей в Кишиневе.

Для Димы, как и для многих его товарищей, независимо от их национальной принадлежности, будущая судьба представляется более или менее определенной - они останутся жить и работать в Приднестровье. Правда, и им хотелось бы побывать в других местах, познакомиться с новыми людьми, расширить свой кругозор. Приднестровская молодежь сильнее, нежели старшее поколение страдает от изоляции их региона.

Поддерживая контакты с молодежными организациями Республики Молдова, приднестровская молодежь все же в особой мере ориентируется на Россию. Заветное желание многих - послушать лекции в Московском университете, поговорить с московскими ребятами, побывать в московских музеях, поработать в библиотеках. Согласно данным «молодежного» исследования 1997 г., 42% русских юношей и девушек Тирасполя хотели бы обучаться в вузах Москвы, правда, реально на это надеются лишь 9%. Около 40% рассчитывают поступить в вузы Тирасполя, хотя считают, что уровень обучения здесь достаточно высок лишь 5% опрошенных. Почти 70% местной русской молодежи, участвовавшей в опросе, высказало желание постоянно или хотя бы временно поработать в других регионах, причем почти половина предпочла бы трудоустройство в России.

Москва была названа идеальным городом для получения высшего образования не только русской молодежью Тирасполя, но и почти третью русских юношей и девушек Кишинева и Комрата (Кишинев в качестве такового был выбран 15% кишиневцев, Комрат - 5% его жителей). Правда, реально рассчитывали поступить в московские вузы всего 11% молодых людей. Остальные ориентировались на получение образования в местах своего проживания: 47% опрошенных русских кишиневцев - в Кишиневе и 38% жителей Комрата - в Комрате. Так же как и русская молодежь Тирасполя, немало русских

юношей и девушек, живущих в Кишиневе и Комрате (соответственно 65% и 72%), хотели бы поработать за пределами Молдавии, в том числе в России 39% респондентов из Кишинева и 48% из Комрата.

Несмотря на существующие этноязыковые проблемы, русская молодежь Молдовы в своих жизненных целях и устремлениях ничуть не «отстает» от русских жителей Тирасполя. Во время исследования 1997 г. молодым людям русской национальности Кишинева, Тирасполя и Комрата был задан вопрос о том, каковы их планы на будущее, какое положение в обществе они хотели бы занять, какую иметь должность, звание. Лишь около 10%-14% опрошенных ответили, что не стремятся к высокому социальному статусу. Мнения же основной массы респондентов разделились: около 40% высказали желание стать высококвалифицированными специалистами (38% в Кишиневе, 36% в Тирасполе и 45% в Комрате) и около трети хотели бы быть владельцами предприятий (соответственно 38% кишиневцев, 29% тираспольцев и 27% жителей Комрата).

Если русская молодежь Кишинева, как видно, чаще, чем в других исследованных городах, ориентировалась на роль собственника, то молодые люди Тирасполя в большей мере стремились к занятию руководящих постов, в том числе государственных - 27% против 14% в Кишиневе и 12% в Комрате. Сравнительно немало тираспольцев рассчитывало получить ученую степень и звание - 16% (в Кишиневе - 8%, в Комрате - 11%). В то же время в Комрате оказалась несколько выше доля молодых людей, которые мечтали стать богатыми не работая - 15% (в Тирасполе и Кишиневе - по 9%). Однако, как видно, подобные иждивенческие настроения не были характерны для большинства русской молодежи.

Важно отметить, что немалая часть юношей и девушек, независимо от места их жительства, высказала надежду (с той или иной долей уверенности) в осуществлении своих жизненных планов: в Кишиневе - 56%, в Тирасполе - 60%, в Комрате - 70%. Тем не менее сравнительно больше оптимистов, твердо убежденных в том, что добьются своих целей, было все же среди тираспольской молодежи - 18%. Среди русских юношей и девушек Комрата полностью уверенных в

достижении поставленных задач насчитывалось чуть меньше - 16%, а среди кишиневцев всего 9%.

Около половины молодых людей русской национальности полагали, что только от них самих зависит добьются ли они своих целей. В то же время достаточно солидная часть (более трети) русской молодежи ставила в зависимость осуществление своих планов от окружающих условий.

Имея довольно близкие жизненные цели, русские жители различных регионов Молдавии вынуждены были использовать для их достижения далеко не одинаковую стратегию. В этом отношении важны материалы нашего исследования о тех мерах, путях, которые респонденты предлагали своим молодым соотечественникам в качестве наиболее оптимального варианта действий для социального становления в современных условиях (табл.1).

Сразу отметим, что эта проблема волновала, как и можно было предположить, в основном жителей Правобережья. На вопрос о выборе жизненных путей для местных молодых людей русской национальности, вступающих в жизнь, более 40% русских и 39% молдаван Приднестровья ответить затруднились. В Правобережье же большинство молдаван посоветовало русским юношам и девушкам более активно изучать молдавский язык и культуру, чтобы в социальном росте иметь шансы, равные с молдаванами, причем в период между нашими исследованиями доля придерживающихся подобного мнения среди молдаван Кишинева увеличилась в 1,3 раза - с 58% до 76%.

Принципиально важно, что и среди русского населения Правобережной Молдавии доля людей, считающих необходимым для местной русской молодежи изучать молдавский язык и культуру, за этот период также несколько возросла: согласно опросу в Кишиневе, с 28% в 1993 г. до 43% в 1996 г. Однако, как видно, доля разделяющих эту точку зрения среди русских оставалась заметно меньше, чем среди молдаван.

В сельской местности Правобережья и среди русских, и среди молдаван мнения о необходимости русским юношам и девушкам глубже заняться изучением молдавского языка и культуры было распространено несколько шире по сравнению с городом: среди русских в 1993 г. его сторонники составляли

Таблица 1. Варианты жизненного пути, предлагаемые для русской молодежи Молдовы. По данным опроса населения Кишинева. %

Варианты ответов	<i>Русские</i>		<i>Молдаване</i>	
	<i>1993 г.</i>	<i>1996 г.</i>	<i>1993 г.</i>	<i>1996 г.</i>
1. полнее изучить язык и культуру типичного народа	31	43	58	75
2. освоить рабочие профессии, в которых ниже требования к владению государственным языком	9	7	10	2
3. основать свое дело, работать во внесударственных сферах	13	19	0	4
4. уехать в Россию	32	22	14	11
5. уехать за границу	7	3	13	2
6. другой вариант	2	0	0	1
7. затрудняюсь ответить	6	6	5	5
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

57%, т.е. почти в 2 раза больше, чем у горожан, а среди молдаван - подавляющее большинство - 82%.

Русские жители Приднестровья, как городские, так и сельские, гораздо реже, нежели в Правобережье, выступали за более глубокое приобщение русской молодежи к молдавскому языку и культуре - всего 15% респондентов. Однако местные молдаване были иного мнения. В этом вопросе - одном из немногих - они в большей мере солидаризировались с представителями своей национальности Правобережья, а не с русскими, живущими по соседству: 56% среди них (по данным 1993 г.) считало

необходимым для местной русской молодежи более широкое включение в язык и культуру молдаван.

В начале 1990-х годов значительной части русских, живущих в Республике Молдова, дальнейшая судьба местной русской молодежи представлялась связанной исключительно с Россией. В 1993 г. 32% среди всех опрошенных горожан и 36% среди кишиневцев рекомендовали своим молодым соотечественникам уехать в Россию и 8% - за границу бывшего СССР. В селе за отъезд проголосовало 25% русских. В этом отношении сравнительно жестких взглядов придерживались и городские молдаване Правобережья, около 30% которых также поддержало идею о необходимости отъезда русской молодежи за пределы республики (14% - в Россию и 13% - за границу). Показательно, что в сельской местности, где потребность в труде работников русской национальности проявлялась заметнее, а самих русских было намного меньше, чем в городе, этот вариант был выбран лишь 9% молдаван. В Приднестровье ни молдаване, ни русские в своем большинстве не предлагали русской молодежи уехать из республики, подобный ответ выбрали соответственно 13% русских и лишь 7,5% молдаван.

К 1996 году мнения и русских, и молдавских горожан по этому вопросу заметно изменились: доля тех, кто советовал молодежи русской национальности покинуть республику, уменьшилась среди русских Кишинева в полтора с лишним раза - до 26% (23% голосовали за отъезд в Россию и 3% - за границу), а у молдаван - более чем вдвое, до 12%.

Некоторая часть русских респондентов в Правобережье, пока еще весьма небольшая, видела в качестве одного из возможных вариантов жизненного пути для местной русской молодежи более широкое использование зарождающихся рыночных отношений для того, чтобы молодые люди активнее участвовали в хозяйственных структурах, не связанных с государственной собственностью, с государственной национально-кадровой политикой, необходимостью использования государственного языка. Русской молодежи было рекомендовано, в частности, организовать собственное дело, в том числе с ориентацией на партнеров вне республики. Этот вариант поддержало соответственно 13% русских горожан Правобережья (в Кишиневе - 15%) в 1993 г. и 18% кишиневцев в 1996 г. Со

стороны молдаван этому варианту действий местной русской молодежи не было оказано особой поддержки, за него даже в 1996 г. высказалось лишь 4% молдаван. Сравнительно слабо его поддержало и население Приднестровья, где рыночные отношения развиваются гораздо медленнее, нежели в Молдове.

Показательно, что относительно мало респондентов, как городских, так и сельских, как молдаван так и русских, выступало за то, чтобы русская молодежь шире осваивала рабочие профессии, хотя те и не требовали хорошего знания государственного языка. Согласно материалам наших исследований, среди русских кишиневцев доля подобных ответов составляло соответственно 9% в 1993 г. и 8% в 1996 г., а среди молдаван - 10% и 2%; в селе - 4% у русских и 5% у молдаван (по данным 1993 г.). Русские и молдаване Приднестровья придерживались аналогичных взглядов.

Какой же видит стратегию своего поведения сама русская молодежь? Судя по данным нашего исследования, среди городского населения Правобережной Молдовы в 1993 г., взгляды местных русских юношей и девушек на этот вопрос были далеко неоднозначными (табл.2). Правда, как и во всем массиве опрошенных горожан, наиболее популярными советами, которые давала русская молодежь своим сверстникам и соотечественникам, было три: уехать из Молдавии, остаться и овладеть молдавским языком, организовать здесь собственное дело. Заняться физическим трудом советовали русским юношам и девушкам не более 4% людей в возрасте 18-29 лет, в то время как в старшей возрастной группе - каждый пятый.

Самые молодые (18-19-летние) в основном ориентировали своих сверстников на организацию в Молдове собственного дела (35% ответов) и отъезд из республики (30%). Процент же поддержавших идею изучения русской молодежью языка и культуры молдаван оказался ниже, чем в целом по массиву. Однако следующая возрастная группа русских имела на этот счет уже несколько иное мнение. Почти 40% ее представителей рекомендовали русским юношам и девушкам избрать в качестве оптимального путь более глубокого включения в молдавскую культуру. Треть выступала за открытие собственного дела и лишь четверть 20-24-летних (в полтора раза меньше, чем в среднем по массиву) рекомендовала своим русским сверстникам

уехать из республики. Установки этой группы русской молодежи на интеграцию представляются достаточно важными. Ведь именно в данном возрасте молодые люди начинают сознательный поиск своего места в жизни, приобретают профессию, устраиваются на постоянную работу, обзаводятся семьей.

Таблица 2. Варианты жизненного пути, выбираемые русской молодежью Молдовы. По данным опроса городского населения. 1993 г. %

Варианты ответа	Возраст		В среднем по массиву
	18-24	25-29	
1 изучать молдавский язык и культуру	33	8	31
2 осваивать рабочие профессии	3	2	9
3 основать собственное дело	33	14	13
4 уехать в Россию	24	65	32
5 уехать за границу	3	9	7
6 другое	2	2	2
7 затрудняюсь ответить	2	0	6
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Рассматривая две самые младшие группы в целом, можно сказать о довольно высокой ориентации молодых людей русской национальности на адаптацию к новым условиям жизни в Молдове. Фактически более двух третей среди них считают, что лучший выбор для местной русской молодежи - это либо заняться предпринимательской деятельностью в Молдове, либо изучить молдавский язык и получить равные шансы с молдаванами в жизненном пути.

Представления на этот счет 25-29-летних оказались уже совершенно другими. Более 70% среди них считали, что для местной русской молодежи лучше всего строить свое будущее за пределами Молдавии. Совет уехать чаще всего давали люди в наиболее трудоспособном возрасте, уже имеющие определенную профессию и квалификацию, которые сами могли проще устроиться на новом месте. Среди 25-29-летних была в 4 раза

меньше, по сравнению с более младшими возрастными группами, и доля людей, порекомендовавших молодежи русской национальности, живущей в республике, глубже изучать язык и культуру титульного народа. Ориентируя русскую молодежь в основном на миграцию из республики, представители 25-29-летних намного реже рекомендовали ей и организацию здесь собственного дела - всего 13% ответов.

Во время исследования 1997 г., направленного на углубленное изучение стратегии поведения молодежи, респондентам был задан вопрос несколько иного плана - о том, на что они готовы ради достижения своих целей. Ответы на него подтвердили различия в путях и методах построения своего будущего русскими юношами и девушками, живущими в разных регионах Молдавии. Правда, основная масса русской молодежи, независимо от места жительства (33% в Кишиневе, 49% в Тирасполе и 38% в Комрате) рассчитывала добиться осуществления своих жизненных планов прежде всего упорным трудом, повышением квалификации, расширением общего кругозора, изучением компьютера, иностранными языками и т.п. Важно отметить, что лишь очень незначительная часть молодых людей русской национальности (не более 2%) была согласна сменить свою национальную принадлежность.

В то же время русская молодежь Кишинева несколько чаще (в сравнении с тираспольской и комратской) высказывала намерение освоить молдавский язык (13% против 4% в Тирасполе и 9% в Комрате), а также выбирала такие радикальные методы поведения, как выйти замуж (жениться) по расчету (14% против 5% в Тирасполе и 8% в Комрате), воспользоваться поддержкой любых общественных кругов (включая криминальные) (13% против 9% в Тирасполе и 6% в Комрате), сменить профессию (15% против 13% в Тирасполе и 10% в Комрате). Почти пятая часть русской молодежи Кишинева (17%), согласно ее ответам, для достижения своих целей была готова на все (в Тирасполе - 11%, в Комрате - 14%).

Конечно, изучая ответы на подобные вопросы, необходимо иметь в виду, что далеко не все идеальные представления молодежи воплощаются в жизнь. Рассмотрим более подробно некоторые жизненные ориентации русской молодежи и ее реальное поведение, прежде всего миграционное.

**Таблица 3. Потенциальная миграция русской молодежи.
1993 год (%)**

Собираетесь ли Вы уехать?	Правобережье		Приднестровье город
	горо Д	село	
18-19 лет			
да	27	12	0
нет	10	42	67
трудно сказать	63	46	33
20-24 года			
да	28	16	0
нет	17	72	74
трудно сказать	55	18	26
25-29 лет			
да	23	8	6
нет	8	71	71
трудно сказать	69	22	24
Итого			
да	26	11	2
нет	12	66	71
трудно сказать	62	23	27

Молодежь наиболее остро реагирует на изменения, происходящие в общественной жизни, но она и более гибка, быстрее приспосабливается к новой ситуации. Столь сильные решения, каковым является решение о миграции, не всегда оказываются по плечу молодым людям, еще не имеющим твердой жизненной опоры, а потому миграционная ситуация складывается по-разному у различных групп русской молодежи Молдавии.

Исследование, проведенное нами в 1993 году, дало возможность показать дифференцированную картину миграционных решений молодых людей разных возрастных групп, проживающих в тех или иных регионах республики.

Как показывают данные табл. 3, наиболее настроена на отъезд из Молдавии была русская молодежь городов Правобережья: свыше четверти (26%) всех опрошенных молодых людей выразили желание покинуть республику. Необходимо отметить, что в столице республики, Кишиневе, миграционные

ориентации молодежи были еще более четкими. Здесь уже свыше 29% молодых людей намеревались уехать из Молдавии.

В селе, традиционно более консервативном, ориентация на миграцию была существенно ниже: здесь лишь 11% русских молодых людей хотели бы переехать из республики. В сельской местности, в отличие от городов, гораздо больше стабильности, и две трети русской молодежи заявили, что не собираются покидать место своего жительства, уезжать за пределы Молдавии. В городах Правобережья такой уверенности остаться на своей земле у русских было гораздо меньше: лишь 12% молодых русских заявили, что не собираются уезжать из страны. Очень велика была в городах категория молодых людей, не сумевших четко определиться в своих намерениях, чьи планы зависели от условий, обстоятельств, которые сложатся в республике. Так, в городах Правобережья таких оказалось свыше 60%, тогда как в селах - почти в три раза меньше.

Исследование 1997 года, проведенное в трех “столичных” городах - Кишиневе, Тирасполе, Комрате - не выявило значительного снижения миграционной активности русской молодежи (см. Табл. 4). Доля потенциальных мигрантов достаточно велика, варьируя от 20% в Комрате до 32% в Тирасполе. Но в сравнении с 1993 годом, в Правобережной Молдове существенно выросла (в 2,5 раза) категория молодых людей, которые связывают свою судьбу, свое будущее с Молдавией: 30% русских в Кишиневе ответили, что не собираются покидать свою республику. Отмечая существенное повышение степени стабильности русской молодежи в Молдове, следует обратить внимание на то, что по-прежнему довольно велика (43%) группа “не определившихся”, людей, чье решение о миграции будет зависеть от тех условий, которые сложатся в ближайшие годы в республике.

Таблица 4. Потенциальная миграция русской молодежи.
1997 год (%)

Собираетесь ли уехать?	Кишинев		
	Тирасполь	Комрат	
да	26	32	20
нет	30	31	29
трудно сказать	44	37	51
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Таблица 5. Мотивы потенциальной миграции русской молодежи. 1997г. (%)

	Кишинев	Тирасполь	Комрат
1.ухудшение межнациональных отношений	11	3	5
2.принятие законов, ущемляющих права русских	21	3	8
3.ущемление национального достоинства	13	0	6
4. распад СССР и образование независимых государств	7	4	5
5. неустойчивое экономическое положение	26	53	41
6. опасность безработицы	25	29	21
7. рост цен	9	13	7
8.невозможность решить жилищную проблему	4	11	5
9.невозможность продолжить образование	18	23	12
10.угроза физической расправы	3	3	1
11.другое	18	13	12
Итого	100	100	100

Среди ответов тех, кто выразил намерение уехать из Молдавии и смог определиться с тем, куда хотел бы переехать, доминировала Россия как место возможного вселения: от 57% ответов в Кишиневе до 70% - в Тирасполе. В Правобережной Молдове чаще, чем в других регионах республики, молодежь выражала желание уехать за границу бывшего Советского Союза: 38% потенциальных мигрантов высказали такое намерение.

Мотивация миграционных планов русской молодежи в исследовании 1997 года существенно отличалась от мотивации миграции в 1993 году. Тогда среди мотивов миграции как всего русского населения Молдовы, так и русской молодежи, преобладали этнополитические факторы: принятие законов, ущемляющих права и интересы русских, а также межнациональная напряженность. В мотивации потенциальной миграции русской молодежи в 1997 году на первом месте оказались причины экономического характера: неустойчивое экономическое положение и опасность безработицы (см.табл. 5).

Выбирая для себя ту или иную стратегию миграционного поведения, русская молодежь в исследовании 1997 года определяла и возможное поведение большинства русских молодых людей в Молдавии. И здесь, как и в исследовании 1993 года, почти половина опрошенных не смогла дать определенного ответа, сославшись на то, что поведение большинства русской молодежи будет зависеть от множества обстоятельств, которые сложатся в республике. Среди тех, кто смог более четко выразить свою позицию, мнения разделились: большая часть опрошенных в Кишиневе и Тирасполе считает, что русская молодежь останется в республике (пассивно адаптируясь к предложенным им условиям или борясь за свои национальные интересы). Русская молодежь Комрата более склоняется к тому, что большинство русской молодежи Молдавии уедет за пределы страны (табл. 6).

Другой путь, выбранный частью русской молодежи Молдовы - путь интеграции в молдавское общество, в том числе посредством глубокого изучения молдавского языка и культуры был не менее сложен и противоречив, чем отъезд из республики и устройство на новом месте. Прежде всего для большинства русских юношей и девушек остается характерной довольно сильная приверженность к своей национальной культуре.

Таблица 6. Стратегия поведения русской молодежи Молдавии. 1997 г. (мнения русских)

Как поведет себя русская молодежь Молдавии в ближайшие годы?	Кишинев	Тирасполь	Комрат
1. большинство постарается уехать	22	19	22
2. большинство останется, но будет бороться за свои права	14	9	6
3. большинство останется и приспособится к сложившемуся положению	17	14	11
4. трудно сказать, все будет зависеть от обстоятельств	41	45	49
5. нет ответа	6	23	12
Итого	100	100	100

Хотя «культурная дистанция» между русскими и титульным народом Молдовы отнюдь не столь велика, как например, в республиках Средней Азии, многие обстоятельства ведут к тому, что даже те русские в Молдове, которые считают необходимым более глубокое «включение» местного русского населения в молдавскую культуру и язык, далеко не всегда претворяют данную идею в жизнь.

Во многом в этом «виноваты» особенности исторического развития Молдавии, Ведь еще не так давно задача освоения инонациональной культуры стояла скорее не перед русскими, а перед молдаванами. Возможно, это обстоятельство, а также преобладание среди молдаван сельского населения повлияли на то, что профессиональная молдавская культура, культура урбанистического общества оказалась здесь несколько «слабее», менее притягательной, нежели русская, и не смогла привлечь русскоязычное, преимущественно городское население. Мало того, многие представители современной молдавской молодежи продолжают, как их отцы и деды, тянуться к русской культуре, научным и техническим достижениям России т.п. Важно, конечно, и то, что по многим экономическим показателям Молдавия пока еще не только не «догнала» Россию, но и в ряде случаев зависит от нее экономически.

И сейчас на улицах Кишинева русская речь слышна почти наравне с молдавской, население республики смотрит каналы Российского телевидения, упиваясь, как и в России, транслируемыми ими «мыльными операми», в кафе и ресторанах, крупных магазинах звучит музыка Российской эстрады, в Кишиневском русском театре всегда полные залы. Интересно в этой связи высказанное на страницах газеты «Молодежь Молдовы» /10/ замечание некоего Ивана Карпова, живущего в Молдавии, по его словам, в третьем поколении и женатого на молдаванке, помещенное в рубрике «Крик недели». Автор обвиняет молдаван в том, что они слишком приобщились к русскому языку и культуре, и у русской молодежи нет стимулов изучать молдавский язык. «За последние годы, - по мнению автора заметки, - Молдова не только не молдовенизировалась, а наоборот, еще больше русифицировалась.»

Конечно, в действительно ситуация далека от изображенной выше. Но определенный элемент истины в цитируемом

высказывании, видимо, все же есть. Обращаясь вновь к материалам нашего исследования в Правобережной Молдавии, заметим, что более трети местной русской молодежи совсем не знают молдавского языка и лишь 2% знают его в совершенстве, практически все (98%-100% в разных возрастных группах молодежи) говорят на работе, в вузе, техникуме на русском языке. Весьма единодушны русские юноши и девушки в вопросе о том, должны ли в Молдове продолжать работу высшие и средние специальные учебные заведения на русском языке обучения (утвердительно ответило от 96% до 100% молодых людей), нужен ли в Молдове русский театр («да» - 98%-100%), интересуются ли они историей русского народа (90% положительных ответов). Около 80% русской молодежи хотело бы, что бы по радио и телевидению транслировалось больше передач на русском языке.

Интересны ответы русских юношей и девушек на вопрос о том, повлияло ли на их образ жизни проживание в Молдове, общение с молдаванами. Оказалось, что русская молодежь даже более отдалена от бытовой молдавской культуры, нежели старшее поколение. Так, отрицательный ответ был получен от 47% 18-29-летних и от 38% людей старше 60 лет. Если люди более пожилого возраста чаще всего перенимали у молдаван какие-то элементы материальной культуры, то молодежь - в основном манеру поведения, общения с людьми, где чисто национальные черты проявляются слабее.

В то же время русская молодежь в основном была солидарна со своими отцами и дедами в таком важном и болезненном вопросе для русских, как отношение к государственному языку. В составе русской молодежи, как и во всем городском населении, оказалась весьма значительной доля тех, кто был против того, чтобы в Молдове был один государственный язык - молдавский (более 70% ответов). Правда, именно среди молодых людей сосредоточивались и те, кто был согласен с таким положением (около 10% ответивших среди 18-29-летних, в остальных возрастных группах - не больше 5%).

Тем не менее, по словам более чем 80% русских юношей и девушек, русскому населению Молдовы сейчас необходимо знание молдавского языка. Однако среди тех, кто осознавал подобную необходимость, далеко не все занимались его изучением. Нельзя

сказать также, что среди русской молодежи доля изучающих молдавский язык была бы заметно выше, по сравнению с людьми более старшего возраста. Эта доля резко снижалась лишь у пенсионеров. Так, среди 18-24-летних совершенствовалось знание молдавского языка около 40% опрошенных, среди 25-29-летних - 38%, среди 30-59-летних - 39%.

Почти треть молодых людей русской национальности объясняло то обстоятельство, что они не учат молдавский язык, намерением уехать из Молдавии, в то же время около четверти ссылались на отсутствие материальных средств, необходимых для обучения. Вполне возможно, что, если бы в Молдавии улучшились условия для изучения государственного языка, в частности, были бы организованы бесплатные курсы, интерес к его изучению среди местной русской молодежи мог бы возрасти. Пока же на функционирующих в Республике Молдова курсах имела возможность обучаться только 18-19-летняя молодежь (скорее всего, опираясь на материальную поддержку родителей) - 35%. Люди более старшего возраста в основном учили язык самостоятельно (около 20%), что вряд ли можно считать достаточным для сдачи аттестационного экзамена.

Вполне понятно, что в таких условиях многие молодые люди русской национальности Правобережной Молдавии искали свою судьбу в тех сферах жизни, где требования к знанию государственного языка были менее суровыми. Однако при этом социальные запросы молодежи оставались достаточно высокими. Так, отвечая на вопрос анкеты о том, какие профессии больше всего подходят сейчас для русских, живущих в Молдове, представители русской молодежи называли профессии специалистов и квалифицированных рабочих примерно так же часто, как и люди более старшего возраста, доля же выбравших для русских профессии руководителей в младших возрастных группах оказалась в полтора раза выше, нежели в старших.

Как видно, даже в условиях в той или иной мере сохраняющейся в Республике Молдова национальной дискриминации в сфере труда и образования, местная русская молодежь продолжает стремиться к тому, чтобы занять на социальной лестнице позиции по крайней мере не ниже, чем молдаване. Однако в действительности многое получается далеко

не так. Среди молодежи, участвовавшей в нашем опросе, более половины было занято рабочими профессиями (постоянно, временно, в качестве подработки во время учебы), в то же время считали, что русским подходят рабочие профессии - 34%, рекомендовали русской молодежи заняться подобными профессиями - 4%, заняться любой работой в случае увольнения были согласны всего 7%.

Явное несоответствие можно было отметить и между реальным участием русских юношей и девушек Правобережья в тех или иных отраслях хозяйства и их отраслевыми предпочтениями. Так, более трети 18-24-летних хотели бы служить в финансово-кредитной сфере, в действительности же никто из респондентов этого возраста в ней не работал. Более 15% представителей данной группы было готово заняться сельскохозяйственным трудом, но пока это также никому не удалось сделать. Около 15% предпочло работу в просвещении, здравоохранении, науке, культуре, искусстве. Реально же в названных сферах было занято вдвое меньше молодых людей русской национальности.

Уровень участия в сферах торговли, обслуживания, посредничества также оказался несоответствующим доле тех, для кого труд в этих отраслях был достаточно привлекательным. Однако, в этом случае наблюдался некоторый парадокс - чем выше была доля занятых в названных сферах среди людей определенной возрастной группы, тем оказывалось меньше желающих в них работать. Так, более четверти 18-19-летней молодежи, попавшей в наше исследование, работало в торговле, обслуживании, посреднической деятельности, но хотели бы в них участвовать только 8%. Напротив, среди 20-24-летних и 25-29-летних доля занятых в данных отраслях снижалась соответственно до 7% и 1%, а относительная численность желающих заняться подобными видами деятельности, напротив, возрастала до 17% у 20-24-летних и до 27% - у 25-29-летних (в целом по массиву этим отраслям отдали предпочтение около 20% респондентов).

Подобное несоответствие желаний и действительности может стать фактором, отрицательно воздействующим на процесс адаптации русской молодежи к нынешним условиям жизни в Молдавии. И, вполне возможно, что те молодые люди, которые

сейчас ориентированы на то, чтобы остаться в республике и занять в ней более или менее высокое положение, из-за крушения своих надежд постепенно изменяют свои взгляды и тоже захотят уехать, как их более старшие соотечественники.

Одним из реальных выходов из сложившейся ситуации может стать более широкое участие русской молодежи в рыночных отношениях, в новых хозяйственных структурах, где могли бы найти себя люди с разной профессионально-отраслевой ориентацией.

Согласно материалам нашего исследования, даже в 1993 году, когда рыночные отношения в Правобережной Молдавии находились на стадии становления, русская 18-24-летняя молодежь, являлась их активной сторонницей. Так, считали, что переход к рынку станет положительным процессом для населения Молдовы 97% русских горожан в возрасте 18-19 лет и 85% 20-24-летних (в целом по городскому массиву 51%), в той или иной мере положительно оценивали деятельность коммерческих организаций - 92% молодежи 18-19 лет, 64% 20-24-летних (42% в целом по городскому массиву), видели в качестве особенно позитивной черты перехода к рынку возможность стать собственником - 67% молодых людей 18-19 лет и 43% 20-24-х летних (по массиву - 13%). И, наконец, реально были заняты во внесударственном секторе 41% молодежи в возрасте 18-19 лет и 40% - в возрасте 20-24 лет (в целом по массиву - 18%).

Представители 18-24-летней русской молодежи заметно выделялись на общем фоне и по характеру своих предпочтений тех видов собственности, которые они хотели бы приобрести. Среди них доля желающих иметь землю или предприятие была почти такой же, как и ориентированных на приобретение квартир и акций (соответственно 41% и 38%), в то время, как в целом по массиву доля первых была значительно ниже. Так, почти четверть 18-24-летних (в целом по русскому городскому массиву всего 7%) хотела бы приобрести землю, что в прекрасных природных условиях Молдавии выглядит весьма перспективным. А каждый седьмой был бы не прочь стать владельцем предприятия в сфере обслуживания, что также в нынешней экономической ситуации представляется достаточно практичным и выгодным. Молодежь сравнительно часто

выбирала для себя и работу на собственном предприятии - около четверти опрошенных в возрасте 18-24 лет (напомним, что в среднем среди русских горожан основать собственное дело хотело бы всего 10%).

Все это представляется принципиально важным. Ведь владение собственностью в виде земли или предприятия предполагает более тесную связь человека с местом его нынешнего проживания, более весомую его роль в обществе. Выборы, сделанные русской молодежью, свидетельствуют о том, что в ее составе есть немалая часть людей, не только связывающих свою дальнейшую судьбу с Молдавией, но и намеренных занять в ней достаточно высокое положение.

Показательно, что доля людей среди этой группы русской молодежи, высказавших желание работать на собственном предприятии, была такой же, как и доля тех, кто ориентировался на приобретение подобного предприятия в Молдавии. Можно, видимо, ожидать, что именно здесь русская молодежь займется организацией своего дела. В то же время часть русской молодежи была готова поработать и на чужом частном предприятии в качестве наемного работника (10% выборов, в целом по массиву - менее 6%), что важно, учитывая не совсем равные условия для предпринимательства, которые имеет сейчас русское население Республики Молдова, о чем говорилось выше.

И, наконец, важно отметить весьма лояльное отношение русской молодежи Молдовы к молдаванам. Так, по данным опроса 1997 года, каждый четвертый из русских молодых людей Кишинева отметил, что большинство русской молодежи не испытывает неприязненного отношения к молдаванам. В Тирасполе и Комрате подобное суждение более распространено: так считает каждый третий опрошенный. В Кишиневе, где межнациональные отношения русских и молдаван были более напряженными, нежели в Приднестровье и Гагаузии, чаще встречается суждение о том, что значительная часть русской молодежи испытывает к молдаванам неприязненные чувства: таких оказалось 20% (против 13% в Тирасполе и 8% в Комрате). В Кишиневе же на вопрос о том, приходилось ли им испытывать неприязненное отношение к себе со стороны молдаван только 23% ответили, что никогда этого не ощущали. В Тирасполе и

Комрате подобным образом ответило более половины опрошенных русских (соответственно 55% и 52%). Помимо более высокой межнациональной напряженности в Правобережной Молдове, на самочувствие респондентов значительное влияние оказывает и этнический состав среды проживания. В Кишиневе, в отличие от Тирасполя и Комрата, молдаване составляют большинство в населении, и русские чувствуют себя менее комфортно в подобном окружении. Не случайно, именно в этом городе более двух третей опрошенных русских отметили, что изредка (а некоторые постоянно) ощущают недружелюбное отношение к себе молдаван. В Тирасполе и Комрате таких респондентов было в 2 раза меньше. В этих же городах русская молодежь реже говорила и о фактах этнической ущемленности: так, в Тирасполе и Комрате 77% и 59% опрошенных не испытывали ущемлений своих прав и возможностей из-за того, что они русские. В Кишиневе же подобных ответов было лишь 30%. Одновременно с этим более половины респондентов (55%) отметили, что подобные ущемления им приходилось испытывать, в то время как в Тирасполе и Комрате подобным образом ответили лишь 14% и 30% опрошенных молодых людей.

Испытав на себе ущемление прав и интересов русского населения в Молдове, молодежь выбирает для себя разные пути защиты этих прав. Хотя каждый второй опрошенный не верит в действенность этих методов и форм защиты своего национального достоинства, тем не менее наибольшие надежды молодежь возлагает на участие в выборах всех уровней, которые смогут привести во власть людей, способных отстаивать на властном уровне их национальные интересы. Такого мнения придерживается от 9% до 14% респондентов в обследованных городах. Второй по значимости действенной формой защиты своих интересов русская молодежь Тирасполя и Комрата считает проведение законных митингов и демонстраций (3%-5% выборов). Среди молодежи Кишинева больше сторонников активных действий, выбирающих более радикальные, на их взгляд, формы отстаивания своих национальных прав - создание вооруженных формирований, независимых от правительства (5%). Но гипотетически определяя для себя те или иные методы защиты своих интересов, в реальности русская молодежь слабо участвует

в деятельности движений и организаций, отстаивающих интересы русского населения Молдавии: лишь 1%-3% из их числа принимает участие в деятельности таких организаций. Не велика и информированность русской молодежи о деятельности организаций и движений, отстаивающих их права: так, немногим более 20% опрошенных русских в Комрате знают об их существовании, в Тирасполе и Кишиневе около 30% молодых людей слышали, знают о существовании этих движений.

Говоря о перспективах развития межнациональных отношений в регионе, более пессимистичные прогнозы высказала русская молодежь Правобережья: 14% респондентов предвидят дальнейшее ухудшение этих отношений, эскалацию межнациональной напряженности, а 30% - надеются на их оптимизацию, улучшение. В Тирасполе и Комрате пессимистов было явно меньше (соответственно 6% и 9%), а оптимистов - немногим больше (31% и 41%).

Распад Советского Союза, геополитические изменения на постсоветском пространстве, межэтнические конфликты, стремительное снижение уровня жизни большинства населения, разрушение норм и ценностей советского типа общества привели к дезориентации молодое поколение. Ощущение незащищенности, неуверенности в своем будущем, в завтрашнем дне в государстве, где они волею судьбы оказались, заставляет и молодых людей русской национальности задуматься об идее новой государственной интеграции. Поддержка идеи восстановления обновленного Союза часто приписывается русскому населению государств нового зарубежья, которое рассматривает этот Союз как гаранта возвращения их прежнего социально-экономического статуса, восстановления их политических и гражданских прав, защиты национальных интересов. Одновременно с этим нередко можно слышать и суждения о том, что подобные ориентации на восстановление Союза характерны для лиц среднего и старшего возраста, вся жизнь которых прошла в условиях этого государства. Интересно в этой связи было обратиться к мнению молодых людей (16-30 лет) русской национальности, проживающих в разных регионах Молдовы, людей, чья сознательная жизнь фактически началась и проходила в новом независимом государстве. Как показали

материалы опроса 1997 года (см. табл. 7), лишь 10%-17% респондентов ответили, что восстановление Союза не нужно; от 74% до 78% молодых людей высказались в той или иной мере за его восстановление. Так, 17%-20% опрошенных считают это необходимым, 17%-21% отметили, что восстановление Союза желательно, а 36%-44% ответили, что это желательно, но скорее всего уже нереально.

Таблица 7. Мнения русской молодежи о восстановлении Союза. 1997 г. (%)

	Кишинев	Тирасполь	Комрат
1.считаю это ненужным	17	10	13
2.это желательно, но уже нереально	39	44	36
3. это было бы желательно	18	17	21
4. считаю это необходимым	17	17	20
5. затрудняюсь ответить	9	12	10
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Что же касается политических взглядов молодежи, ее приверженности тем или иным политическим направлениям, то около 2/3 опрошенных русских ответили, что не интересуются политикой, не отдают предпочтений никаким политическим партиям и движениям или вообще затруднились с ответом на данный вопрос. Но остальные опрошенные, кто смог высказать свою политическую позицию, распределились следующим образом: в Кишиневе наибольшей поддержкой у русской молодежи пользуется коммунистическое направление (11%) и либерально-демократическое (9%); в Тирасполе - социал-демократическое (12%) и национал-патриотическое (11%); в Комрате - социал-демократическое (14%) и коммунистическое (7%).

О перспективах дальнейшей судьбы русских в Молдавии мы попросили высказаться представителей русской и молдавской элиты Республики Молдова. Отвечая на вопрос о будущем местного русского населения, русские эксперты Правобережья разделились на две примерно равные группы. По мнению 48% из них, это будущее выглядит достаточно плачевно. Они полагают, что «место и роль русских в экономике Молдовы будут постоянно уменьшаться. Русские будут окончательно вытеснены

из всех значимых профессий, их ждет удел испаноязычных в Америке», «отрасли экономики, где были заняты русские, развалены и их не собираются восстанавливать, русских ждет судьба наемных рабочих в сфере обслуживания», «различные привилегии молдаванам ставят русских в положении людей второго сорта», «русский сможет устроиться на работу только рабочим», «если будет продолжаться политика продвижения бездарных кадров титульной национальности, то никакой судьбы у русских в Молдове не будет, они должны уехать» и т.п.

Однако подобных суждений, как видно, придерживались далеко не все русские эксперты. 40% среди них смотрели на будущее русского населения в Молдавии более оптимистично, прогнозируя при определенных условиях заметную роль русских в развитии экономики и культуры этого государства. Условиями реализации такой роли были названы: более широкое занятие бизнесом, повышение уровня профессиональной подготовки (12%), изучение государственного языка (10%), поддержка России (10%), улучшение экономической ситуации в Молдове (8%), изменение политики местных властей в отношении населения нетитульных национальностей (4%).

Таким образом, основные надежды русские эксперты связывали с активными действиями со стороны самого русского населения, а также с его поддержкой Россией. Среди русских экспертов нашлось также несколько человек (4%), которые прогнозировали русским благоприятную трудовую судьбу без каких-либо условий.

Эксперты-молдаване в своих прогнозах относительно дальнейшей судьбы местного русского населения придерживались иных точек зрения. Треть их (32%) считала, что у русских и молдаван единая судьба и жизнь местных русских ничем не отличается от жизни молдавского населения. По мнению же остальных, русские имеют свой жизненный путь. 44% предполагали, что он может быть достаточно благоприятным лишь при определенных условиях. В числе таких условий эксперты-молдаване называли и те, что были отмечены русскими экспертами. Так, изучение русскими государственного языка в качестве подобного фактора было упомянуто 18% экспертов-молдаван, улучшение экономической ситуации - 8%. В то же

время 16% говорили о том, что русские смогут достичь позитивных перемен в своей судьбе только в том случае, если смирятся с потерей своих прежних привилегированных позиций и будут трудиться, как молдаване. 2% считали, что только признание русского языка вторым государственным могло бы помочь русским найти свое место в суверенной Молдове, а 10% вообще видели дальнейшую судьбу большинства русского населения за пределами Молдовы.

Среди экспертов-молдаван были и те (4%), кто считал, что жизнь местных русских будет весьма благополучной без каких-либо условий, и те (4%), кто, напротив, прогнозировал, что русские отныне будут играть в Молдове лишь второстепенную роль. А 6% молдавских экспертов заявили, что русские и в дальнейшем «будут продолжать эксплуатировать румын» (молдаван).

Несмотря на такой разброс мнений молдавских экспертов, важно, что все же значительная часть их оптимистично оценивала перспективы жизни русских в Молдове, хотя и с определенными оговорками. Тем не менее нельзя не отметить, что отношение молдавской элиты к местным русским и их проблемам остается довольно неоднозначным, что, в свою очередь, может осложнить процесс адаптации русских в этом государстве.

-
1. Единство. 1997 г. 9 октября.
 2. Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР).М., 1980. С. 65.
 3. Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992.С.118.
 4. «Единство». 1997 г. 9 октября.
 5. «Единство». 1997 г. 1 июля.
 6. «Единство». 1997 г. 9 октября.
 7. Республика Молдова. Кишинев. 1992. С. 51.
 8. «Единство». 1997 г. 1 июля.
 9. «Единство». 1997 г. 9 октября.
 - 10.«Молодежь Молдовы». 1997 г. Октябрь, N 32.

Заключение

Попытаемся суммировать некоторые особо важные проблемы, стоящие сейчас перед русским населением Молдавии, от решения которых во многом зависит процесс адаптации русских к новым жизненным условиям. Прежде всего, совершенно очевидно, что положение русского населения в бывшей союзной республике Молдавии весьма дифференцировано. Немалые различия существуют в жизни русских, живущих в Правобережной Молдове и в Приднестровье. С одной стороны, в Правобережье более заметны экономические преобразования, активнее идут рыночные реформы, расширяющие экономические возможности русских, с другой, - здесь гораздо сильнее влияние на представителей нетитульных этносов этнополитических и языковых факторов, действуют законы прямо или косвенно ущемляющие интересы национальных меньшинств.

В Приднестровье положение русских, как и всего населения, определяется преимущественно политическими и экономическими условиями. Для жителей ПМР сейчас наиболее важен вопрос о статусе своей непризнанной республики и соответственно о масштабах и характере взаимоотношений с другими государствами, как СНГ, так и дальнего зарубежья, выходе из экономической изоляции. Весьма актуально и то, какую социально-экономическую политику будет проводить местное руководство, произойдет ли здесь активизация рыночных реформ, в какой форме и с какими последствиями они будут осуществляться.

Для русских Правобережья наиболее значимыми выступают сейчас две проблемы - этноязыковая и социально-экономическая. Помимо того, что местному русскому населению приходится адаптироваться к радикальным экономическим преобразованиям, заметному социальному переустройству общества, ему необходимо приспособливаться и к переходу на «чужой» язык, к определенной дискриминации по этническому признаку.

Сравнительный анализ результатов исследований в Молдове за ряд лет показал, что положение русских Правобережной Молдовы с конца 1980-х годов до второй половины 1990-х постоянно

менялось. Если в начале 1990-х годов характер социальных перемен носил преимущественно негативный характер, то с середины 90-х в них наметились определенные позитивные тенденции, что сразу же сказалось на снижении миграционного оттока русских из республики.

Однако пока, конечно, еще рано говорить о каком-либо существенном улучшении положения русского населения в Молдове. Судя по материалам наших опросов, в настоящее время достаточно уверенно и комфортно ощущает себя в Молдове не более 15%-20% русского населения. Около трети составляют люди с крайне пессимистичными взглядами на жизнь. Остальные находятся в состоянии неопределенности, не зная, что их может ждать завтра и какие действия в связи с этим им следует предпринять.

Будущее местного русского населения во многом зависит от решения в Молдове этноязыковых проблем. Прекращению этнической дискриминации могло бы помочь принятие Закона о национальных меньшинствах. Но, главное, - изменение принципов национальной политики государства, переход от приоритета прав титульной национальности к идее паритетного сотрудничества всех жителей Молдовы, независимо от их национальной принадлежности. Необходимость такого перехода понимают уже многие представители молдавской элиты.

Принципиальное значение для русских, живущих в иноэтнической среде, имеет и проблема межнациональных отношений на бытовом уровне. Важным является желание и готовность обеих сторон - молдаван и русских - забыть прошлые обиды и разногласия, жить и сотрудничать на паритетных началах. Как показали материалы наших исследований, в этом плане уже наметились благоприятные тенденции.

Кардинальным вопросом дальнейшей судьбы русских можно назвать языковую проблему. Придание языку титульной нации статуса государственного, т.е. официального языка управления государством, привело к созданию приоритетных условий, прежде всего для представителей титульной национальности. «Язык, возведенный в статус государственного, стал сильнейшим рычагом и составной частью социальной, профессиональной и политической культуры. Понятно, что в условиях русифицированной языковой среды у здравомыслящей

части русскоязычного населения не было никаких иллюзий относительно быстрого и форсированного перехода с русского языка на язык титульной нации» /1/.

Для русского населения Молдовы остаются, таким образом, крайне актуальными вопросы о том, будет ли проведена языковая аттестация работников и в какой форме, распространится ли Закон о государственном языке на негосударственную сферу деятельности, добьются ли организации, отстаивающие интересы национальных меньшинств в Молдове, расширения сферы использования русского языка, в том числе в сфере образования. Можно предположить, что одним из наиболее действенных механизмов решения «русского вопроса» в Молдове должно было бы стать придание русскому языку статуса второго государственного языка, что соответствовало бы исторически сложившейся этноязыковой ситуации в данном регионе. Однако пока подобные меры не стоят на повестке дня.

Решение языковой проблемы, в свою очередь, во многом зависит от внешнеполитического курса Молдовы, ориентации ее на Румынию и, соответственно, румынскую культуру и язык или на страны СНГ, в том числе на Россию. Изменение соотношения политических сил в составе нового Парламента Республики Молдова дают надежду на расширение и укрепление Молдавско-Российских связей.

Следует отметить, что Россия могла бы сыграть существенную роль в процессе адаптации русских, живущих в странах нового российского зарубежья, к новым условиям в них. В ее материальной и моральной поддержке нуждаются не только русские школы и вузы, театры и библиотеки, русские общины и культурные центры, но и предприятия с русскоязычным составом работников, бизнесмены и предприниматели.

В процессе начавшейся в Молдове денежной приватизации, Россия могла бы поддержать кредитами русских, желающих основать свое дело в этой республике, а также выкупить у Молдовы (при соответствующих договоренностях между этими государствами) отдельные предприятия для предоставления на них рабочих мест русским, в том числе лишившимся работы.

Помощь России была бы крайне важной и в деле профессиональной подготовки и переподготовки русских кадров.

При высокой доле интеллигенции в составе русских, в том числе экономистов, педагогов, научных работников и т.п., которые сейчас часто по тем или иным причинам не находят спроса на рынке труда, расширение возможностей приобретения новых профессий (а на это, как было показано выше, согласилась почти треть русских горожан) на специальных курсах в России или в Молдове с помощью российских преподавателей, давало бы шанс многим русским скорее и безболезненно адаптироваться к новым жизненным условиям. А для русской молодежи Молдовы весьма злободневным является вопрос профессионального обучения на русском языке. Немало русских юношей и девушек Молдовы мечтают получить бесплатное образование в Российских вузах и техникумах, в том числе надеются на создание в России специального университета для русскоязычной молодежи из стран СНГ.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что жизненные перспективы у представителей различных социальных и демографических групп русского населения и Правобережья, и Приднестровья далеко неодинаковы. И, если одни категории русских смогут достаточно успешно адаптироваться к новой этнополитической и социально-экономической ситуации, то часть русского населения, хотя, вероятно, и менее значительная, пополнит ряды безработных, мигрантов, борцов с нынешним режимом.

-
1. М.Н.Губогло. Язык в идеологии этнической мобильности. //Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX-XX вв.). Отв. ред. М.Н.Губогло. М.,1997. С. 19.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**I. СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР
И В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

Ответственный редактор серии: **М. Н. ГУБОГЛО**

В серии опубликованы:

1. **Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР**, М., 1989, 295 с.
2. **Гражданские движения в Латвии**, М., 1990, 248 с.
3. **Гражданские движения в Таджикистане**, М., 1990, 212 с.
4. **Гражданские движения в Белоруссии**, М., 1991, 325 с.
5. **Гражданские движения в Кыргызстане**, М., 1991, 315 с.
6. **Русское дело сегодня.**
Том I. Память, М., 1992, 263 с.
7. Михаил Губогло. **Энергия памяти**. М., 1992, 128 с.
- 8-9. М. Н. Губогло, С. М. Червонная. **Крымско-татарское национальное движение.**
Том I. История. Проблемы. Перспективы., М., 1992, 330 с.
Том II. Документы. Материалы. Хроника., М., 1992, 340 с.
10. **Крымско-татарское национальное движение.**
Том III. 1991-1993 годы. М., 1996, 329 с.
11. **Крымско-татарское национальное движение.**
Том IV. С. М. Червонная. Возвращение крымско-татарского народа: проблема этнокультурного возрождения. М., 1997, 318 с.
- 12-14. **Этнополитическая мозаика Башкортостана.** Очерки. Документы. Хроника.
Том I. Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах, М., 1992, 302 с.
Том II. Башкирское национальное движение, М., 1992, 342 с.
Том III. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М., 1993, 340 с.
15. **Гражданские движения в Литве.**
Том I. С. М. Червонная. Молодой «Саюдис». М., 1993, 286 с.
- 16-19. **Дагестан: этнополитический портрет.** Очерки. Документы. Хроника.
Том I. Этнополитическая ситуация в очерках и документах государственных органов. М., 1993, 361 с.
Том II. Этнополитическая ситуация в очерках и документах Съезда народов Дагестана, многонациональных партий, движений и религиозных организаций. М., 1994, 312 с.
Том III. Этнополитические организации и объединения. М., 1995, 299 с.
Том IV. Этнополитические организации и объединения. М., 1995, 263 с.

20. **Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990 - 1992.** Документы. Материалы. М., 1993, 293с.
21. **Общественные движения в Мордовии.** Документы. Материалы. М., 1993, 281 с.
- 22-23. **Переломные годы.**
Том I. М. Н. Губогло. Мобилизованный лингвизм. М., 1993, 302 с.
Том II. Языковая реформа - 1989. Документы и материалы. М., 1994, 320 с.
24. **Язык и национализм в постсоветских республиках.** М., 1994, 216 с.
- 25-26. **Кабардино-Балкария.** Этнополитическая ситуация.
Том I. М., 1994, 243 с.
Том II. М., 1994, 311 с.
- 27-28. **Эстония. Контуры этнополитической эволюции. 1988-1993 г.**
 Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994, 245 с.
Том II. М., 1994, 268 с.
- 29-30. **Узбекистан: этнополитическая панорама.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994, 318 с.
Том II. М., 1995, 319 с.
31. Т. В. Таболина. **Возрождение казачества. 1989-1994.** Истоки. Хроника. Перспективы.
Том I. Центр. М., 1994, 720 с.
32. **Реабилитация народов и граждан. 1954-1994 годы.** Документы. М., 1994, 304 с.
- 33-34. **Штрихи этнополитического развития республики Коми.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994, 313 с.
Том II. М., 1997, 316 с.
35. Автор-составитель Г. А. Комарова. **Хроника межнациональных конфликтов в России. 1991 год.** М., 1994, 196 с.
36. Автор-составитель Г. А. Комарова. **Хроника жизни национальностей в СССР. 1990 год.** М., 1996, 258 с.
37. Автор-составитель Г. А. Комарова. **Хроника жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 год.** М., 1997, 322 с.
- 38-39. **Калмыкия: этнополитическая панорама.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1995, 276 с.
Том II. М., 1996, 364 с.
40. В. И. Бушков, Д. В. Миккульский. **«Таджикская революция» и гражданская война (1989 -1994 гг.).** М., 1995, 310 с.
- 41-43. **Национально-культурные автономии и объединения.** Историография. Политика. Практика.
 Антология. *Том I.* М., 1995, 316 с.
 Антология. *Том II.* М., 1995, 317 с.
 Антология. *Том III.* М., 1995, 300 с.
- 44-46. **Северная Осетия: этнополитические процессы 1990 - 1994 гг.**
 Очерки. Документы. Хроника.

- Том I. М., 1995, 296 с.*
Том II. М., 1995, 272 с.
Том III. М., 1995, 261 с.
- 47. М. Н. Губогло. Развивающийся электорат России.** Этнополитический ракурс.
Том I. Истоки. М., 1996, 376 с.
- 48. Развивающийся электорат России.** Выборы - 93.
Том II. М., 1995, 320 с.
- 49-50. Развивающийся электорат России.** Выборы - 95.
Том III. Выпуск 1. М., 1996, 300 с.
Том III. Выпуск 2. М., 1996, 314 с.
- 51-52. Пробуждение финно-угорского Севера.** Национальные движения Марий Эл.
Том I. М., 1995, 326 с.
Том II. М., 1996, 324 с.
- 53. Абхазский узел.** Документы и материалы по этническому конфликту в Абхазии. Вып. II. М., 1995, 371 с.
- 54.** Афранд Дашдамиров. **Национальная идея и этничность.** 1996, 55 с.
- 55-56. В. В. Амелин, В. П. Торукало. Оренбуржье в этнополитическом измерении.**
Том I. М., 1996, 247 с.
Том II. М., 1996, 265 с.
- 57.** Валентина Торукало. **Нация: история и современность.** М., 1996, 320 с.
- 58-59. Межэтнический мир Прикамья.**
Том I. М., 1996, 215 с.
Том II. М., 1996, 229 с.
- 60-62. Многонациональный Одесский край: образ и реальность.** Документы. Очерки. Материалы.
Том I. Этнополитическая модернизация. М., 1997, 313 с.
Том II. Этнополитическая стратификация. М., 1997, 280 с.
Том III. Этнополитическая мобилизация. М., 1997, 272 с.
- 63. Ресурсы мобилизованной этничности.** Москва-Уфа, 1997, 380 с.
- 64.** Веналий Амелин. **Вызовы мобилизованной этничности.** Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997, 320 с.
- 65-66. Непризнанная республика.** Очерки. Документы. Хроника. Документы государственных органов Приднестровья. Автор-составитель В. Ф. Грызлов / Под редакцией М. Н. Губогло.
Том I. М., 1997, 292 с.
Том II. М., 1997, 228 с.
- 67. Становление государственности Адыгеи.** Очерки и документы этнополитической истории (1990-1995 гг.)
Том I. М., 1997, 412 с.
- 68. Федерализм власти и власть федерализма /** Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1997, 878 с.

69. Фаиль Сафин. **Принципы этнополитической истории Башкортостана**. М., 1997, 321 с.
70. Г. П. Лежава. **Между Грузией и Россией**. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX - XX вв.). М., 1997, 380 с.
- 71-73. **Суверенный Татарстан**. Автор-составитель Д. М. Исаков. Документы. Материалы. Хроника.
Том I. Суверенизация и движения к национально-культурной автономии. М., 1998, 280 с.
Том II. Современный национализм татар. М., 1998, 292 с.
Том III. Модель Татарстана. М., 1998, 304 с.
74. **Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире**. Составитель С. М. Червонная. Под редакцией М. Н. Губогло. М., 1998, 456 с.
75. **Патернализм и этническая мобилизация в развитии народов России (Модель Башкортостана)**. Автор-составитель Р. Г. Кузеев. Ответственный редактор М. Н. Губогло. М., 1998, 320 с.
76. М. Н. Губогло. **Языки этнической мобилизации**. М., 1998, 816 с.
77. Н. Ф. Бугай. **Социальная натурализация и этническая мобилизация (Опыт корейцев России)**. Под редакцией М. Н. Губогло. М., 1998, 340 с.
78. Ю. П. Шабаетов. **Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке**. Под редакцией М. Н. Губогло. М., 1998, 376 с.
79. В. В. Амелин, Э. М. Виноградова. **Оренбуржье в системе региональных интересов России**. Под редакцией М. Н. Губогло. М., 1998, 352 с.
80. Г. П. Лежава. **Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос. (1987—начало 1992 гг.)** Очерки, Документы. Под редакцией М. Н. Губогло. М., 1998, 384 с.
81. Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. **Русские в Молдавии: миграция или адаптация?** Под редакцией М. Н. Губогло. М., 1998, 252 с

II. СЕРИЯ «ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО И НАРОДЫ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ»

Ответственный редактор серии **Ю. И. СЕМЕНОВ**

В серии опубликованы:

1. **Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы)**. Составитель и автор комментариев В. В. Карлов. Под ред. Ю. И. Семенова. М., 1997, 392 с.
2. **Национальная политика в императорской России**. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия). Составитель и редактор Ю. И. Семенов. М., 1997, 414 с.
3. **Национальная политика в императорской России**. Позднепервобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки. Составитель и редактор Ю. И. Семенов. М., 1997, 390 с.

III. СЕРИЯ «РУССКИЕ В НОВОМ ЗАРУБЕЖЬЕ»

Ответственный редактор серии **С.С. САВОСКУЛ**

В серии опубликованы:

1. **Русские нового зарубежья: Средняя Азия.** Этнополитические очерки. М., 1993.
2. **Русские нового зарубежья.** Программа этносоциологических исследований. М. 1994.
3. **Русские нового зарубежья: Киргизия.** Этнополитические очерки. М., 1995.
4. **Русские нового зарубежья.** Итоги этносоциологического исследования в цифрах. М. 1996.
5. **Русские нового зарубежья: Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России.** М., 1997.

© Институт этнологии и антропологии РАН

© Центр по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН

© Остапенко Л.В., Субботина И.А.

